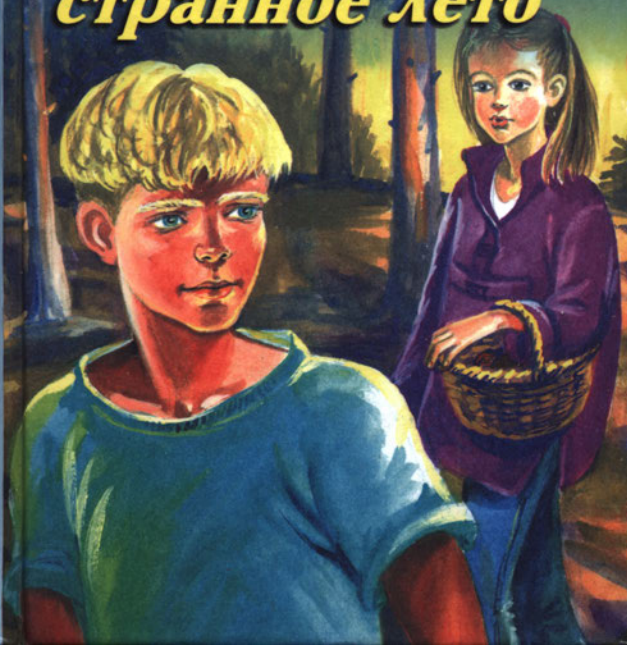

ЛЮБИМЫЕ КНИГИ
ДЕВОЧЕК

Римма Коваленко

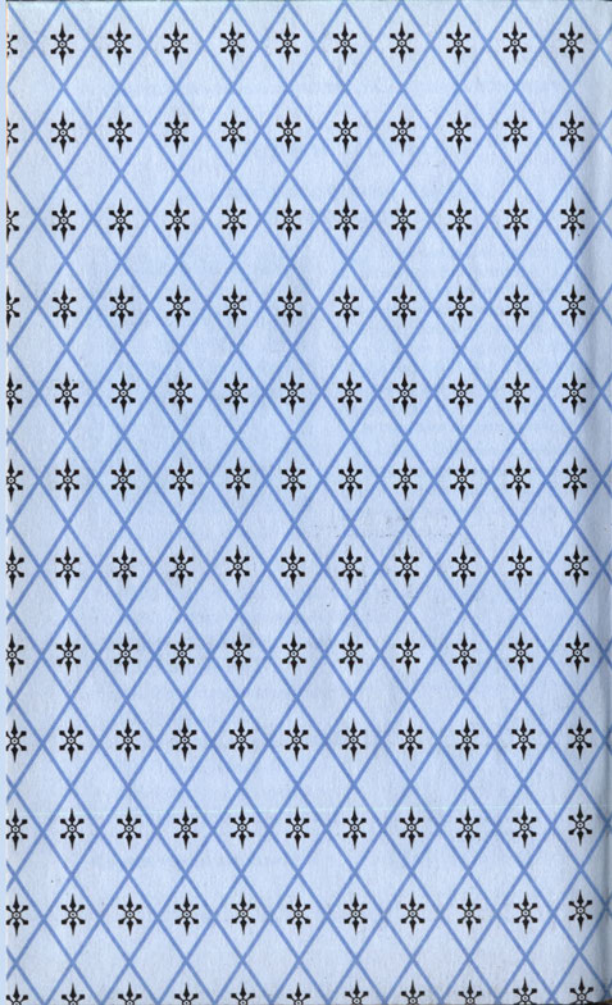

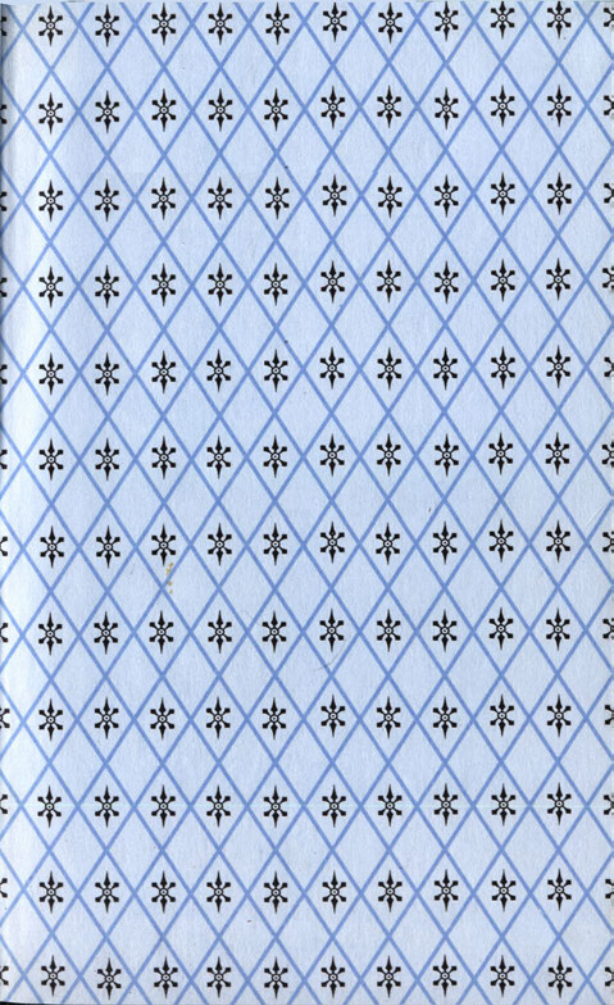
Такое странное лето

О чем мечтаешь, когда тебе всего пятнадцать, а
впереди целое лето? Конечно же о любви! Но не все
в жизни происходит так, как ты хочешь. Что
делать, если объект твоего первого чувства попадает
в беду, в настоящую «взрослую» беду? Конечно же
бороться! И героиня повести воюет за своего друга,
на которого несправедливо обрушились страшные
обвинения в преступлении, которого он не совер-
шал. Воюет просто потому, что он — лучше всех.

Римма Коваленко

ТАКОЕ СТРАННОЕ ЛЕТО

ас+
ИЗДАТЕЛЬСТВО Олимп
Москва

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6
К56

Рисунок на обложку
М. Е. Федоровской

Художник
И. Салатов

Подписано в печать с готовых диапозитивов 18.12.2001.
Формат 84×108¹/32. Печать офсетная. Бумага лясельская.
Гарнитура «Бохем». Усл. печ. л. 11,76. Тираж 10 100 экз. Заказ 246.
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953003 — книги, брошюры.
Гигиеническое заключение № 77.99.11.953.11.002870.10.01 от 25.10.2001.

Коваленко Р. М.

К56 Такое странное лето: Повесть / Р. М. Коваленко. — М.: ООО «Издательство «Олимп»: ООО «Издательство АСТ», 2002. — 215 с., [9]: ил. — (Любимые книги девочек).

ISBN 5-17-012921-1 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-8195-0569-7 (ООО «Издательство «Олимп»)

О чем мечтается сильнее всего, если тебе пятнадцать, а впереди у тебя летние каникулы и какая-то совсем иная, отличная от падоевшей за долгий учебный год жизнь? Конечно же о любви! Но жизнь есть жизнь, и не все в ней происходит так, как ты хочешь. Что делать, например, если объект твоего первого чувства попадает в беду, в настоящую «взрослую» беду? Конечно же бороться! И героиня повести Света беззаветно воюет за мальчика Николу, на которого несправедливо обрушились страшные обвинения в преступлении, которого он не совершал. Воюет просто потому, что этот Никола — «лучше всех»...

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 5-17-012921-1 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-8195-0569-7 (ООО «Издательство «Олимп»)

© ООО «Издательство «Олимп», 2002
© ООО «Издательство АСТ», 2002

1

Я не люблю быть у кого-нибудь на поводу. Я человек независимый. Без чувства опасности, как говорит Валерия, старшая сестра моей подруги Жанны. Я действительно ничего не боюсь. Ни высоты, ни темноты, ни собак, рычащих и лающих. Насчет людей — тут сложней. Я имею в виду бандитов. Этих я, конечно, боюсь, хотя и видела их только по телевизору. В жизни не каждого бандита сразу распознаешь, не всякий нахальный дурак или несчастный алкаш — бандит, впрочем, и этих надо опасаться. Как? Не приближаться к ним, издали обходить стороной. Что я и делаю. Так что с чувством опасности у меня все в порядке. А вот с дружбой и любовью... С этим хуже. Особенно с любовью. Пятнадцать лет — и ни одного романа. Влюблялась раз десять и всегда не в того, в кого надо. Всегда в какого-нибудь закомплексованного. Как только догадывался, что я в него влюблена, сразу пугался и начинал прятаться

от меня. С дружбой тоже не фонтан: со всеми подружками перессорилась, осталась только Зоя, с которой живем по соседству. Ну и, конечно, Жанна. Она на первом месте. Но с Жанной дружба у нас временная, только летом. В другие времена года даже не перезваниваемся. Не о чем говорить. Живем в разных концах Москвы, учимся в разных школах, и это как бы вторая наша жизнь, в которой уроки, телевизор, осень, зима и никогда не бывает лета.

В последние два года мы и летом не виделись. Зато сейчас наверстываем: уже вторую неделю я возле Жанны, как прищипленная. Каждый день утюжим узкую улочку, мотаемся по ней туда-сюда. Все ждем, когда одна из калиток откroется и в ней, как в раме, возникнет дивная картина — местный принц Юра. Он высокий, тонкий, с мелким личиком под копной кудрявых волос. На него лучше смотреть вблизи: тогда срабатывают в его пользу нежный цвет лица, красивая родинка на щеке и длинные ресницы. Издали же он — как нечто снятое с вешалки, даже голова на шее не держится, клонится к плечу. Ноги — как две белые макаронины. Почему-то они у него не загорают, хотя он всегда в шортах.

Два года назад этот Юра был существом довольно противным. Гулял по улицам поселка со своей мерзкой собакой, бультерьером. Собака тогда пребывала в подростковом щенячьем возрасте, но злобность уже была написана большими буквами на ее морде. Юра всегда выводил ее на поводке. Но поводок был длинный — собачке ничего не стоило приблизиться к какой-нибудь

нервной дамочке и напугать ее до крика. «Начитались газет, — недовольствовал Юра, — наслушались слухов про собаку-людосда. А бультерьер, если хотите знать, самая мирная собака». Может быть, так оно и есть, но почему же тогда эта мирная тварь и за калиткой своей дачи сидит на привязи? И еще у Юры есть одна забава: носиться по улицам на велосипеде. Велосипед у него — чудо: какой-то новейшей марки, весь в звоночках, фонариках, проводках. К нему прилагаются кожаные перчатки с раструбами и шлем с опускающимися на лицо очками. Именно на лицо, а не только на глаза. И вот Юра в полной экипировке катит по улицам поселка. В глазах мальчишек, восседающих на своих побитых двухколесных драндулетах, восторг и зависть. Но Юре этого мало. Обгоняя мальчишек, он снимает ногу с педали, отводит ее в сторону и, не глядя, несколько раз подряд бьет в бегущие рядом колеса. Я сама это однажды видела: Юра умчался вперед, а на дороге — «Полтава», только вместо коней и людей смешались в кучу велосипеды и мальчишки.

Я подошла к ним.

«Что же вы такие убогие? — спросила. — Вон сколько вас. Неужели не можете проучить одного негодяя?»

В ответ — молчание. Заворожены чужим превосходством, покорно подчиняются силе и богатству. Одно только их извиняло: Юре тогда было тринадцать, у них самого старшему лет десять.

И вот в такого Юру влюбилась этим летом моя подруга Жанна. Поэтому мы и вышагиваем туда-сюда по

узкой улочке с вызывающим названием Грозная. У этой улочки, похожей на коридор между двумя рядами высоких заборов, вообще не должно быть никакого имени, такая она скучная и безликая. Вдоль нее с обеих сторон прорыты неглубокие канавы, заросшие травой. Через них перекинута мостки к воротам и калиткам.

— Жанна, — говорю, — меня уже ноги не держат. Давай полежим в канаве, отдохнем.

Жанна смеется.

— Ты забыла, что здесь почти деревня. Не успеем завалиться в канаву, как тут же соберется народ: ой, ой, что это с ними?

Жанна преувеличивает, никто не соберется, здешних дачников вообще ничем не удивишь: сидят за своими заборами, как мыши, ни грядок, ни цветов на клумбах, только кое-где слышны детские голоса.

— Может, он спит или уехал в город, — говорю я, — или подглядывает за нами с какого-нибудь дерева. Он такой. Подглядывает и злорадствует: вперед, девочки, левой, правой, бодрей, веселей!

Жанна останавливается и смотрит в сторону Юриной дачи.

— Он не такой, — говорит, — он — замечательный. Ты его совсем не знаешь.

— Такой, такой, — не уступаю я, — он привык, что все в него влюблены. А если кто-нибудь не влюблен, то он этому не верит. Может, и в самом деле в него все влюблены?

— Ты же не влюблена, — в голосе Жанны никакой уверенности.

— Я не люблю красивеньких, — отвечаю, — мужчин украшает характер, еще считается, что их украшают шрамы.

Жанне мои слова не нравятся.

— Какие шрамы? — в ее голосе раздражение. — И какой Юра мужчина? Он мальчик, школьник.

В ее глазах я, как всегда, умничаю. Мне нечем выделиться в людском потоке, вот я и стараюсь обратить на себя вниманиe разными словечками. Жанне не надо выделяться. Она родилась уже выделенная. Она внучка известного академика, и это выше всех ее личных заслуг и качеств. Где бы она ни назвала свою фамилию, ее спрашивают: «Ты не дочка того самого?» И Жанна слышным от скромности голосом отвечает: «Внучка».

Калитка наконец открывается. Это роковой момент. Даже у меня скает сердце. Жанна хватает меня за руку и до боли сжимает ее. Сам Юра соизволил предстать перед нашими очами. Кажется, что сейчас произойдет нечто невообразимое: он рухнет на колени, Жанна заговорит стихами. Но ничего такого не происходит. Юра смотрит на нас, склонив голову к плечу. И не спешит даже поздороваться. Много нам чести. Мы должны суетиться, что-то шептать, а он будет слушать и снисходительно поглядывать на нас. Обычно я первая вступаю в разговор. Но в этот раз молчу. Жанна от моего молчания в замешательстве. Юра это видит, он вообще видит нас насквозь. То, что я молчу, кажется ему великой дерзостью, почти бунтом. Меня надо поставить на место, напомнить, что я здесь никто, существо случайное.

— Ты еще не уехала? — спрашивает он.

От его расслабленного подлого голоса меня охватывает гнев. Я стою перед ним, а у него вопрос: уехала я или нет? Но надо держать удар. Отвечаю:

— Протри глаза. Я уехала. Еще вчера. — Поворачиваюсь и ухожу.

Жанна что-то кричит мне вслед, потом бежит за мной, догоняет, и мы ссоримся.

— Ты не должна на него обижаться, — вразумляет она меня, — у него плоховато с юмором, это он так пошутил.

— У него другой дефскт, — отвечаю, — у него плоховато с головой. У него пунктик: все в него влюблены. А во что влюбляться? Он же никакой, пустельга, пирожок ни с чем.

Я понимаю, что оскорбляю не его, а мою бедную влюбленную Жанну. Ту, которая давным-давно, когда ей было шесть лет, увидела меня на дачной улице, подошла и сказала: «Не уходи. Будь моей подругой». И мы стали дружить. Набегавшись, врываются в дом и пили воду прямо из-под крана. И никто не ужасался: это же сырая вода, микробы! Никто не впадал в панику от наших разбитых коленок и других кровавых ссадин. Протирали наши раны одеколоном да еще покрикивали: не ойкай, терпи! По воскресеньям мы с Жанной одни ходили в кино, а кино было не так уж близко — в малюсеньком городке с красивыми домами на единственной улице. Тогда этот городок называли Нефтебазой, потом переименовали в Березку. И вот однажды пошли мы туда с Жанной, сидим, смотрим фильм-сказ-

ку про какого-то недотепу. Он был влюблен в принцессу и очень хотел на ней жениться. Но такой уж он был горемыка, что все его добрые порывы оборачивались против него. Сеанс был дневной, детский. Зал корчился от смеха. Мальчишки, так те прямо с кресел на пол сползали от хохота. А Жанна сидела рядом тихо-тихо, как неживая. Я повернула голову и то, что увидела, никогда уже не забуду. Жанна плакала.

«Ты что?» — спросила я.

«Жалко, — ответила она, — он такой хороший, а его все бьют».

С Березкой связано все наше раннее детство. Здесь не только кинотеатр, но и стадион, два магазина и даже маленький зверинец с медведем, попугаями в красивых клетках и вечно спящим питоном. Мы с Жанной страдали, что нет нас здесь зимой, потому что для детей в Березке устраивали такую елку, какую нигде больше не увидишь. Ее не привозили из леса, она росла посреди маленького сквера, сизая, почти голубая. И вот она вся в огнях, игрушках, с утра до вечера музыка, веселье, детей весь день катают на тройках не только по улицам, но и с выездом в лес.

Мы тогда не знали, что все эти блага и детские радости связаны с первым именем городка — Нефтебаза. На этой базе я никогда не была — хотя она находится недалеко, путь туда всем закрыт. Кроме тех, кто работает там и живет в Березке. Нефтебазу охраняют как военный объект, потому что она обслуживает огромный пассажирский аэропорт. Оттуда, кстати, не прошедшие таможенно обитатели зверинца.

Аэропорт еще дальше от Березки, чем нефтебаза, но он все время даст о себе знать. Самолеты то взлетают, то идут на посадку. И хоть летят они не над головой, все равно гул такой, что любителям тишины лучше сюда не соваться. Они и не суются. И не только из-за гула. Здесь никто летом не сдаст жилья — ни дачники, ни тем более жители Березки, хотя у многих в дачном поселке пустуют флигели, сторожки и другие строения. Нам с мамой редкостно повезло, что мы несколько лет подряд снимали здесь комнату с маленькой верандой и отдельным входом. Но потом хозяйка продала свою дачу, и мы расстались с этим местом. И вообще у нас тогда жизнь круто переменялась: мой отец вдруг вспомнил о нас, позвал, и мы уехали к нему в Краснодар. Эти два года я не хочу вспоминать, я вообще хотела бы забыть их навсегда. Единственное, что надо запомнить: никогда не надо возвращаться в прошлое, потому что его невозможно изменить и сделать настоящим. Хорошо, что мы не обменяли квартиру, не потеряли московскую прописку. Вернулись, и я пошла в свою школу. А в конце учебного года вдруг раздался звонок. Мама Жанны приглашала нас к себе на лето. Совершенно бесплатно.

«Вы же знаете нашу семейку, — сказала, — даже подсчитать не удастся, сколько нас здесь проживает летом. И если вы приедете, уверяю, больше нас от этого не станет».

Я завопила:

«Поедем!»

Мама колесбалась.

«Неудобно, Света, все-таки чужие люди».

В результате снарядила меня туда одну.

Моя подруга Зоя не раз говорила мне, когда я рассказывала о своей жизни на даче, что все воспоминания о чем-нибудь хорошем со временем становятся идеальными. Я не спорила: какая в конце концов разница между хорошим и идеальным? Я издали и вблизи любила дом Жанны. В городе он мне даже снился — огромный, с двумя террасами дачный дом. Все меня там знают и любят. И я тоже их всех люблю: и мать Жанны, и отца, и старшую их дочь Валерию, и дальнюю родственницу Доню, и величественную Бабушку — вдову академика, основателя дачи. Такая блаженная радость охватывала меня при воспоминании, что я даже иногда плакала, понимая, что эти люди не мои, они сами по себе, и мы с мамой тоже сами по себе, отдельно. Вспоминался большой стол на террасе, тарелки с клубникой, я слушаю разговоры взрослых и смеюсь вместе со всеми. Всегда здесь кто-нибудь смешил всех других своими рассказами. Только Бабушка иногда позволяла себе сказать что-нибудь не всем приятное. Однажды она сказала про меня и Жанну: «Сейчас они обе очень симпатичные, но со временем Света, пожалуй, будет покрасивей нашей Жанны». Валерия бросила на меня удивленный взгляд — мол, не вздумай поверить, ничего такого с тобой не произойдет. И не ошиблась: ничего такого со временем со мной не случилось.

Я сразу заметила, что два года, прошедшие без меня, многое здесь изменили. Дом уже не торчал, как дворец, отсвечивая своими высокими окнами. Он словно стал

меньше, присел на корточки и загрустил. И деревья — яблоня, сливы — тоже поскутнели, высохшие необрезанные ветки торчали из зеленой листвы, как погорельцы. И перила на крыльце стали шаткими, и железная бочка под водосточной трубой украсилась ржавыми разводами. Может быть, и раньше тут не так уж все сверкало и блистало. Может, Зоя права — все это казалось идсальным только издали. Или это не замечали здесь раньше никаких прорех и ржавчины мои глаза? Они были устремлены на людей. На их лица, разговоры, привычки. Мне нравилось, как легко и радостно подчиняют себя хозяева приехавшим из города гостям: кормят до отвала, водят на прогулки в лес, устраивают им ночлег в лучших комнатах.

Но за эти два года и люди здесь изменились. Бабушка, у которой и раньше болели ноги, уже редко выходила из своей комнаты, сидела у открытого окна и донимала проходящих мимо просьбой: «Поговорите со мной». С ней говорили, а потом обходили ее окно, стараясь не попадаться лишний раз на глаза. Своими странными суждениями Бабушка многих выводила из равновесия. Меня она не спросила, откуда я здесь взялась, а сразу огорошила вопросом:

«Как ты считаешь, о чем думает человек в тюремной камере?»

Я ответила:

«О свободе. О чем ему еще думать?»

Почему-то мой ответ ее озадачил. Она довольно долго молчала, потом тряхнула головой и произнесла:

«Ни о чем таком он не думает. Свобода — это не

езда на машине и не пешие прогулки, это то, что у человека в душе».

Мне показалось, что она говорит о себе.

Доня тоже сдала. Она еще бодро бегала, кланялась своим грядкам, гремела посудой на кухне, но не было уже в ней прежнего командирского задора. Теперь голоса ее почти не было слышно, и мы с Жанной уже не были в ее глазах милыми девочками, которым надо достать что-нибудь из кармана и дать. Она почти не замечала нас. Мы для нее стали чем-то вроде приезжих гостей, которых чем больше, тем ей больше хлопот.

Кажется, только Валерия изменилась в лучшую сторону. Вытянулась, подстриглась под лохматого мальчика, шорты, клетчатая рубашка — и не скажешь, что старше сестренки на целых семь лет. Но главное, переменила ко мне и Жанне свое отношение. Раньше изнывала от скуки, общаясь с нами, иногда откровенно хамила: «Дело не в том, что вы младше, а в том, что вы бездари, серость». Себя, разумеется, считала яркой личностью, великим талантом. Но жизнь, как выяснилось, таких самоуверенных без всякой жалости бьет по кумполу. Ни один театральный вуз, куда она пыталась поступить, не принял ее в свои объятия. И где-то еще не повезло. А уж больней всех нанес удар начинающий бизнесмен из Латвии по имени Янис, хлипкий белобрысый юноша с желтыми усами и бородкой. Я помню этого жениха. Он всегда приезжал с цветами, и Доня ворчала: «Лучше бы кусок мяса привез, тут от своих цветов некуда деваться». Говорил он с приятным прибалтийским акцентом. Я сразу заметила, что этот ак-

цент как бы добавляет глубокомыслия самым обычным словам. Валерия называла его «мой новый латыш», и это смешило меня. Будто до него у нее был старый. Потом сообразила, что «новый латыш» — это знак богатства, удачи, такой же, каким были отмечены наши «новые русские». В общем, «новый латыш» был влюблен, они подали заявление в загс. Но через два месяца, когда подошла пора регистрации, наш Янис не исчез, не смылся, как сделал бы нормальный русский подлец, а, следуя каким-то своим латышским предрассудкам, явился на дачу и торжественно объявил:

«Моя семья в лице отца, матери, сестры и брата дали мне совет не спешить. Я еще очень молод, чтобы самостоятельно решать что-то без своей семьи. Если Валерия тоже согласна не спешить, мы отложим наш окончательный визит в загс на какое-то время».

За столом было много народа. Валерия вскочила, рванулась к двери. Все молчали, пришлось Бабушке за всех отдуваться.

«Ты совсем не очень молод, — сказала она, — ты уже готовый перезрелый фрукт. Тебе всю жизнь не надо спешить. Знаешь почему? От таких, как ты, рождаются глупые дети. Твой отец когда-то поспешил и ничего хорошего из этого не получилось».

За столом кто-то хихикнул, кажется, я. Бывший жених покинул свое место и направился к двери. Бабушка сказала ему вслед:

«В следующий раз, конца будешь жениться, покрась свою бежевую бородку в какой-нибудь другой цвет».

Сейчас Валерия опять невеста, и день свадьбы при-

ближается. Но об этом никто ничего не говорит, словно бояться сглазить. Жениха я не видела, при мне он еще не появлялся. Жанна на все мои окольные и прямые вопросы упорно отмалчивается. Когда я наседаю, отвечает уклончиво: «Это не наши с тобой проблемы». Я могу о женихе разузнать у Бабушки, она все, что знает, выложит без утайки, но не могу этого сделать. Нельзя о чужих тайнах расспрашивать маленьких детей и таких же доверчивых стариков. Никто мне этого не говорил, нигде об этом не читала, просто сама почему-то знаю — нельзя.

Мы вернулись с Жанной с улицы Грозной, а у ворот машина — шикарная и цвет не просто синий, а с переливами, перламутровый. Я в иномарках не разбираюсь, но это была выдающаяся тачка, человек десять спокойно могло бы в ней разместиться.

— Джип, — сказала Жанна, — Светка, дай слово, что не будешь ни во что вникать. Он приехал.

Я сразу догадалась, кто этот «он».

— Очень мне надо. Во что, собственно, я могу вникнуть? Я его не знаю, он меня не знает — что за паника? Я вообще могу пойти погулять, если кому-нибудь мешаю.

— Ну вот, — теперь уже обиделась Жанна. Она мялась, топталась на одном месте, не зная, как со мной быть, — дело в том, что ты его знаешь.

— Я?

— И ты, и еще миллионы людей.

Вот это да! Теперь уж я никуда не уйду. Надо быть последней идиоткой, чтобы не посмотреть на знаменитость да еще в роли жениха Валерии. Но сначала надо успокоить Жанну.

— Не бойся, автографа у него просить не буду. Я

вообще не понимаю людей, которые собирают чужие фамилии. Они ведь лезут к знаменитостям не за автографами, а чтобы показаться им на глаза. Вот она — я, я, я, умница, красавица, влюбись в меня, пожалуйста, с первого взгляда.

Жанна наконец улыбнулась. Я, кажется, ее успокоила.

— Ты всегда выдумываешь неизвестно что. Ну ладно, с красавицами ясно, а мальчишки? Они ведь за автограф знаменитого футболиста жизнь готовы отдать.

— Так уж и жизнь. Просто умные собирают марки, а дурачки орудуют локтями, в бою добывают трофеи, а потом даже себе не могут объяснить, зачем им эти каракули.

Жанна направилась к крыльцу дачи, а меня поминала из окна Бабушка.

— Света, объясни: что происходит?

Я выразительно пожала плечами, мол, понятия не имею.

— Не умсешь врать, — сказала Бабушка, — кое-что знаешь. Но не все. Все знаю только я.

— Зачем тогда спрашиваете? И вообще, все знать невозможно. Человечество накопило столько знаний, что никакой гений не может сказать: «Я знаю все».

— А я говорю. Потому что мне известно, что знаний существует всего десять, а все остальное слова и цифры.

Этот разговор мог длиться бесконечно, а где-то совсем недалеко пребывал жених, талантливый, знаменитый, которого знают миллионы. Мне хотелось рассмотреть его вблизи, уж я-то сразу определяю, что за фрукт — надежный или тоже сбесжит. Хоть бы на этот раз повезло Валерии.

Бабушка словно читала мои мысли.

— Опять двадцать пять, — сказала она, — пустой номер. Муж должен быть глупым, толстым и ленивым — тогда это муж.

Ес знаменитый, ученый муж, построивший после войны эту дачу, вряд ли был глупым и ленивым. Она специально произносила такие слова, чтобы морочить людям головы.

— Спроси у жениха, — говорит мне Бабушка, когда я отхожу от окна, — как звали гоголевскую Коробочку. Он наверняка не знает. Спроси, спроси, с мужчин надо сбивать спесь.

Этого еще не хватало. Ну уж нет, никаких вопросов, буду сидеть за столом тихо, как мышь под веником. Жанна права: это действительно не наши проблемы. И если уж впутывать в эту историю Гоголя, то при чем здесь Коробочка? Есть у него другой персонаж прямо для этого случая. Подколесин, кажется. Вот о нем бы спросить: «Не помните, как звали этого безвольного дурачка, нерешительного нытика в бессмертной комедии «Женитьба»?» Жених уставится на меня, как на заговоривший самовар, а ответит мне Валерия: «Света, прикуси язык. Еще одной трагедии я не переживу. Вот станешь сама невестой, тогда и будешь спрашивать, почему они прыгают в окно». «Мне это не грозит, — скажу я, — дачи у меня нет, а в городе я живу на двенадцатом этаже».

Это все Бабушка. Это она всегда что-то включает во мне, задаст ход воображению. От кого еще услышишь: с мужчин надо сбивать спесь. Звучит браво, а если вдуматься? Ну, собьешь, и что?

Жениха я сразу узнала. Это был Саша Пантелей — ведущий моей самой любимой телепередачи «Пошсвели извилиной». Название смешное, предполагающее, что у людей в мозгу всего одна извилина. Но сам ведущий и его игра в вопросы-ответы эту извилину обогащают разными сведениями. Где бы я еще узнала, что в Австралии на всем континенте не водится ни одного крупного хищника? Но это не главное. Главное для меня в том, что Саша Пантелей говорит просто так, отвлекаясь от игры. Однажды, не помню уж по какому поводу, он сказал: «У носорога морда усталая, сморщенная, как у черепахи. А рог — это у него лишнее». Или: «Друзья нужны для чего? Для того, чтобы от них получать одобрение своей жизни». И даже такое: «У очень глупых мужчин бывают, как правило, очень красивые жены».

Его имя Саша постепенно забылось, осталась только фамилия. Многие думают, что Пантелей — это и есть его имя. Он и в жизни оказался таким же веселым и симпатичным, как на экране. И все же не таким: молодой, а лицо уже усталое и улыбка какая-то виноватая, будто он заранее за что-то извиняется. Может, он и на самом деле извинялся за то, что присхал не один, а привез с собой свою любознательную энергичную мамашу. Мне бросились в глаза ее прическа и серьги. Прическа была короткая, в мелких завитках, похожая на шапочку, а серьги-сосульки висели на золотых цепочках. Потом я рассмотрела ее подробнее: круглолицая, пышная, но с тонкой талией, брови выщипаны, а глаза как от другого лица, строгие, зоркие. Мы с Жанной сразу прозвали ее Мадамой.

Пока сидели на лавочках вокруг клумбы, я так волновалась, что Жанна шепнула мне:

— Что с тобой?

Со мной был страх. Сейчас эта Мадама обнаружит, что сын ее очень молод, и даст совет не спешить. Но она, к моей радости, ничего такого не изрекла. Мысли ее бежали в другом направлении. Ее интересовали дом, теплица, возраст фруктовых деревьев, а также сколько человек обитает летом на даче. Она не тратила времени на всякие пустые любезности ради первого знакомства. Пожелала осмотреть флигель, заявив, что молодым лучше всего обосноваться отдельно. Зимой они будут жить у нее, а летом здесь, во флигеле. У меня от ее речей — гора с плеч. Молодец мамаша. Все четко, ясно: схватила быка за рога и тут же повернула его в ту сторону, в какую надо.

Я не заметила, как исчезли Валерия и Пантелей, да и все, кто восседал на лавочках вокруг клумбы, расползлись потихоньку кто куда. Мы с Жанной не успели улизнуть и пошагали вслед за гостьей во флигель. Возле крыльца мама Жанны вдруг спросила нас:

— Вы-то куда?

В другой момент такой вопрос мог бы нас обидеть, но сейчас он прозвучал как избавление.

На террасе накрывали стол. Салаты, ветчина, пирожки с капустой и мясом. Голодные, мы стоя похватали того-сего и, не сговариваясь, бегом выскочили за ворота. Нет, там, где сейчас будут пировать, не наша жизнь. Там уже слышен звон свадебных колоколов, а наша личная жизнь была за лесами, за морями, хоть и казалось, что она где-то рядом.

2

Сейчас все распевают модную песенку про любовь, мол, есть эта любовь или нет — неважно. А важно то, что человеку кажется. Примерещилось тебе, что любишь, значит, и есть у тебя любовь. Если в это верить, то и наша любовь не за лесами-морями, а действительно рядом. У Жанны на улице Грозной, а моя в деревне с не менее боевым именем — Воиново. Эта деревня начинается там, где кончается наш дачный поселок. Наверное, там когда-то жили древние воины, потому что и сейчас их потомки, деревенские мальчишки, отличаются воинственностью. У них нескончаемая вражда, вечный бой со своими сверстниками, живущими в Березке. Дачный поселок разделяет их, он вроде нейтральной полосы, но именно на этой полосе они и устраивают свои потасовки. Зимой у них мирно. Зимой они учатся в одной школе, там не особенно помашешь кулаками. Но зато летом, к ужасу дачников, они собираются на

главной улице и лупят друг друга без всякой пощады. Причем каждая сторона считает себя победительницей, хотя побеждает всегда какой-нибудь дачный пенсионер с охотничьим ружьем. Он выбегает и стреляет в небо холостым зарядом. Потом обзывает мальчишек архаровцами и тунеядцами, обещает призвать на их головы милицию. Те не очень понимают, кто такие архаровцы, пытаются хамить, но боевой пыл у них уже на нуле, и они расходятся.

Дачные мальчишки не примыкают ни к той, ни к другой стороне. Во-первых, их мало, во-вторых, все они под бдительным оком своей родни. Но если бы им выпало выбирать, то они, конечно, выбрали бы «нефтяников». Мальчишки из Березки более остроумные, раскованные, увлекаются компьютерами, в общем, как теперь говорят, продвинутые. Деревенские наверняка не хуже, но слово «деревня» вроде как припечатано к ним и никуда уж от него этим ребятам не деться.

Я же на стороне деревенских, и не потому, что когда-то влюбилась в Николу. В него я влюбилась бы, даже если бы он жил в непроходимой тайге. Просто он лучше всех. И вообще деревенские мальчишки лучше городских: уже в пятом классе перестают ныть щенками, не возятся, не тузят друг друга, как наши, на переменках. Если их о чем-нибудь спросишь, отвечают серьезно, как люди, не паясничают, не придуриваются. И еще у них наблюдается готовность выполнить чью-нибудь просьбу.

Именно из-за одной такой просьбы я и познакомилась с Николой. Это случилось два года назад в середине лета. Наша хозяйка уже продала свою дачу, увезла вещи

и уехала. А у нас сразу возникла проблема с холодильником. Раньше мы пользовались хозяйским. Уезжать не хотелось, к тому же наше проживание было оплачено до сентября, но и без холодильника не жизнь. И тут нам вдруг повезло. Соседка, жившая напротив, предложила свой, который у нее «отдыхал», как она выразилась, уже несколько лет в сарас. Забрать-то заберем с большой благодарностью, но как его перетащить через дорогу к себе?

«С этим — в деревню, — посоветовала соседка, — там кто-нибудь возьмется за это дело».

И я пошла в деревню. Первым, кого я там встретила, был Никола. Раньше я его нигде не видела, ни в Березке, ни на дачной улице. Если бы он на секунду где-нибудь мелькнул передо мной, я бы запомнила его навсегда, такой он был неотразимый. Синие глаза, густые светлые вихры и загар, не ровный, пляжный, а до черноты, как у какого-нибудь странника или геолога. Наверное, я остолбенела от своей любви с первого взгляда, потому что он спросил:

«Ты чего?»

Я выложила свою просьбу: холодильник надо перетащить, не знает ли он, кто может помочь, мы, конечно, заплатим и так далес. Никола кивнул, повернулся ко мне затылком и свистнул. Я даже вздрогнула, это был свист соловья-разбойника. И тут же из ближайшей калитки выскочил мальчишка — такой же светлоголовый, но не вихрастый, а просто лохматый.

«Женька, — сказал ему Никола, — есть дело, пошли».

И тот без всяких вопросов двинулся с нами в путь. Всю дорогу мы молчали. Только уже потом, когда они перестали холодильник, мы втроем долго ходили по дачным улочкам и говорили, говорили.

Мне запомнилось, что, когда мама протянула Николе деньги, он показал на Женьку:

«С этим к нему. Он даже с родной матери берет деньги за мелкие услуги».

«Ты такой жадный?» — спросила у Женьки мама.

Тому вопрос не понравился.

«На машину коплю, — ответил он, — накоплю и буду вас всех возить на станцию».

«Через сто лет, — добавил Никола и пояснил: — За деньги будет возить».

Но мама не приняла его иронию.

«У человека цель, — сказала она, — а цель — это почти идея. Жизнь без идеи, между прочим, пустая жизнь».

Никола не согласился.

«Накопить и машину купить — это, конечно, цель, но не идея. Идея — это что-то высокое. И если выбирать что-нибудь одно, то лучше идею».

Мама с интересом посмотрела на него и спросила:

«Тебе сколько лет?»

«Четырнадцать».

«Молодец, — сказала мама, — ты меня порадовал, а то я думала, что нынешние подростки уже выбрали для себя «пепси» и больше им ничего не надо».

А когда я поздно вечером вернулась домой, она уже говорила другое:

«Мальчики симпатичные, даже не подумаешь, что деревенские. Но это совсем не значит, что следует с ними шляться до темноты. Тебе уже пора знать, что мальчики — это мальчики, а девочки — это девочки и раньше положенного срока им вместе на темных улицах делать нечего».

Я понимала, о чем она говорит. Подобные намеки всегда выводили меня из себя. И тогда я не сдержалась.

«Когда наступит «положенный срок», — возмутилась я, — шляться по темным улицам мальчикам и девочкам будет уже неинтересно. Они к тому времени уже все пережизнут и будут терзаться наставлениями своих детей».

«Очень остроумно, — мама тоже была возмущена, — между прочим, этот Никола, похоже, поумней тебя».

Жанна к моему знакомству с Николой отнеслась прохладно. Она в то лето еще не была влюблена в Юру и с утра до вечера донимала меня рассказами про какого-то Егорчика Китаева, у которого мать народная артистка, а отец ездит на машине с особыми номерами. Поставые никогда эту машину не останавливают, только козыряют. Больше всего меня в этом предмете воздыханий возмущало имя. Назвали человека простецким русским именем Егор, ну и был бы Егором, а то какой-то Егорчик. Проживал Егорчик в пятикомнатной квартире, на спектаклях сидел в директорской ложе, отдыхал на каких-то островах. Конечно, на таком фоне мой Никола из деревни Воиново, как говорится, не смотрелся. Но я представляла себе, как этот мифический

Егорчик Китаев ходит вокруг огромного холодильника, не зная, как за него взяться, и улыбалась.

«Тебе смешно, — говорила Жанна, — я таю, как свечка, а тебе хиханьки».

Она не таяла от любви и вообще не таяла, наоборот, поправлялась. Необъятный стол на террасе, уставленный салатами и пирожками, боролся с Егорчиком Китаевым и побеждал. Таяла от дурного предчувствия в те дни я — ходила и оглядывалась. Ждала, что вдруг появится Никола. Я познакомлю его с Жанной, и он увидит, какая она красивая. И тут же рядом буду я, как бледный ее отпечаток, как третий экземпляр под копирку. Не знаю почему, но я иногда, ожидая хорошее, предполагаю худшее. Наверное, так страхуюсь: если хорошее не случится, то я не особенно расстроюсь, этого, мол, и ждала. Мама называет это «комплексом умной Эльзы». Есть такая немецкая сказка «Умная Эльза». Там эта Эльза тоже была настроена на худшее. В день своей свадьбы пошла в погреб за вином, прислала на скамеечку, подняла глаза к потолку, а там мотыга, которую подвесили после уборки урожая. Увидела ее Эльза и залилась слезами. Кто-то вошел и спрашивает: «Чего рыдасшь?» «Как же мне не рыдать, — отвечает Эльза, — сейчас все хорошо, свадьба, а потом? Потом родится дочка, вырастет, найдет себе жениха и будет у них свадьба. Дочка пойдет в погреб за вином, а мотыга свалится с потолка и убьет ее».

Никола нагнал нас, когда мы с Жанной шли на озеро. Солнце с утра распалило воздух. С двух сторон утоптанной, твердой, как камень, тропы стояли поспев-

шие колосья пшеницы. Неподальску тарахтел комбайн. Хлебное поле называлось опытным и принадлежало нефтебазе. Поэтому и урожай, и ярко-красный новенький комбайн были отменного качества. Тропа словно чертой разделяла поле на две части, и мы передвигались по ней гуськом, в затылок друг другу. Первой шла Жанна, потом я, за мной — Никола.

«Я заходил к тебе, — сказал Никола, — твоя мама сказала, что вы с Жанной пошли на озеро».

Услышав свое имя, Жанна остановилась и повернулась к нам. Мотыга не упала, Жанна была все такая же красивая, но мир не рухнул, остался на своем месте.

«А почему раньше не приходил?» — спросила я.

«Разве я не говорил? Мы ведь с Женькой служивые люди. Коров пасем. Сезонная работа».

«Женька твой друг?» — спросила Жанна.

«Брат. Не был бы братцем родным, я бы к нему близко не подошел».

Жанна смутилась и глянула на меня. Взгляд был выразительный: видишь, даже мне неловко — коров пасет.

После этой встречи мы с Жанной почему-то никогда уже не говорили о Николе. Она знала, что я бегаю к нему на пастбище, но обходилась без вопросов. Иногда только произносила слова старинной песни: «Любовь нечаянно нагрянет, когда её совсем не ждешь». Я в ответ не менее загадочно улыбалась, и наша дружба, как лодочка у берега, качалась, поскрипывала и никуда не плыла. Наверное, прав был Саша Пантелей, когда сказал с экрана телевизора: «Друзья нужны для чего? Для

того, чтобы от них получать одобрение своей жизни». Жанна мою дружбу с Николой не одобряла, и мы отдалились друг от друга.

По краям пастбища росли маленькие, похожие на кусты крыжовника, дубки. Умная собака Гулька обсергала их как могла, потому что коровы стремились именно в эти посадки. Считаются они мирными животными, так оно и есть, но нужен за ними глаз да глаз. Никола мотался по полю, как заведенный, а Женька лодырничал. Однажды прихожу и вижу: Никола носится наперегонки с Гулькой, отгоняя коров от дубков, а Женька сидит под березой, читает книгу и ест банан.

«Ничего себе устроился, — сказала я ему, — как в африканской саванне, только вместо пальмы береза».

Женька зыркнул на меня, оторвавшись от книги, и огрызнулся:

«Не знаешь ничего — так помалкивай».

Никола потом объяснил:

«Переэкзаменовка у него».

Женька без всякого рвения грыз гранит науки: откладывал в сторону учебник, клал на него камушек, чтобы встер не листал страницы, вытягивался на траве и смотрел в небо.

«Мечтатель, — говорил Никола, — мечтает, как останется на второй год, потом на третий, на четвертый... А к тому времени уже и денег накопит, машину купит и будет возить кого на станцию, кого в аэропорт».

Женька не терпел насмешек. Кидался на брата, выставив, как бычок, голову, сбивал его с ног, прижимал к земле.

«Ах ты отличник, ах ты зубрилка, — приговаривал Женька, — какой толк от твоих пятерок, если тебя распоследний «крутой» одной левой уложит?»

Но вообще братья никогда всерьез не ссорились. Женька подчинялся Николе, терпел его насмешки — такова уж участь младших братьев.

Но вскоре Женькино лодырничанье под березой закончилось. К ним приехала в отпуск деловая, решительная тетка из Тулы вместе со своим мужем, и они повернули жизнь в доме Николы на свой лад. Женьку засадили за учебники — конец августа не за горами, а Николину работу взвалили на себя. Сказали ему: «Надо же тебе хоть немного отдохнуть перед школой».

«Такие люди, — рассказывал мне Никола, — племяннику, видишь ли, надо отдохнуть, а им не надо, хотя у самих отпуск раз в году. Тетку послушать, так лучшего отдыха, чем на свежем воздухе, среди этих шалых коров не бывает. А все потому, что хотят помочь...»

Теперь я знаю, что он тоже такой, а тогда об этом не думала. Тогда мне застилала глаза любовь. Верней, даже не сама любовь, а размышления о ней. То чувство, которое я испытала при первой встрече с ним, прошло. Потому что если бы не прошло, я не бегала бы к нему на пастбище, не болтала бы с ним легко и беспечно, гуляя по улице. Я бы столбенела при одном виде его, язык бы мой заплстался от одного сознания, что он рядом. Так было и раньше, когда я влюблялась. Боялась в глаза посмотреть своему избраннику. Некоторые даже не догадывались о моих чувствах. А те, кого мои предательницы-подружки одаривали этой новостью, начи-

нали задираться, дразнить меня, один дурачок — это было в пятом классе — огрел меня портфелем по голове. Наверное, этот удар встряхнул меня, расставил в моей голове все по своим местам. Хватит тебе влюбляться, сказала я себе, пусть лучше кто-нибудь тебя полюбит. Но никто с этим не спешил. И Никола ни о какой любви не заговаривал.

Женьки с нами уже не было, он готовился к переэкзаменовке, в лесу пошли грибы, и мы с Николой почти каждый день ходили в лес. Я мечтала, что Никола объяснится мне в любви и почему-то это будет в письменном виде. Он положит на крыльцо букет цветов, а в букете — записка: «Света, я тебя люблю». Но он ни о чем таком не помышлял. Принес однажды рано утром корзинку грибов и оставил на крыльце. Я увидела, и сердце мое екнуло: поверх грибов лежала записка. Развернула, а там всего два слова: «Лукошко верни».

Грибов в тот год было много, почему в лес с утра и устремлялось много людей. Тем более что на озеро уже никто не ходил, хотя и случались жаркие дни. Считалось, что во второй половине августа купаться уже нельзя. Жанна с Валерией уехали к морю, в Евпаторию. Я иногда заходила к ним, стояла возле бабушкиного окна, ждала, когда она выглянет. Мама Жанны и Доня зазывали меня в сад, там поспевали груши и сливы. Но я отказывалась. Мне надо было поговорить с Бабушкой. Только она могла объяснить, как ко мне относится Никола — влюблен или просто общается.

Но как начать такой разговор? Не спросишь же вдруг, с бухты-барахты: скажите, любит он меня или

не любит? И мы говорили о чем угодно, только не о том, о чем мне хотелось с ней поговорить. Но вот однажды она спросила:

«Тот мальчик, с которым ты ходишь а лес, он хороший?»

«Очень, — ответила я, — он лучше всех».

«И мама твоя тоже так считает?»

Я могла бы ей ответить, что маме он нравится, но все же она не советует шлаться с ним до темноты. Почему? А понимайте, как хотите. Мамины слова звучат довольно загадочно: мальчики — это мальчики, а девочки — это девочки. Бабушка тоже могла произнести что-нибудь подобное. И я ответила:

«Мама считает его умным».

Видимо, это ее устроило, больше вопросов не было. Если человек умный, все остальное в нем как бы второстепенно.

Но желание выяснить — любит, не любит — не покинуло меня. Я так себя этим заморочила, что потеряла всякое представление, сколько мне лет и как я буду выглядеть в его глазах.

«Поцелуй меня», — сказала я ему, когда мы, возвращаясь из леса с грибной добычей, присели на поваленное дерево, место нашего всегдашнего отдыха.

В ответ — молчание. Мы сидели рядом, руки его лежали на коленях, голова опущена. Я увидела, что после моих слов он еще ниже пригнул голову. Наконец произнес:

«Нет».

«Почему?»

«Я не хочу так, — помолчал и добавил: — как ты придумала».

Я действительно придумала, но не могла же я об этом ему сказать. Он поднялся, взял свою и мою корзинки, и мы молча вышли из леса.

Мне бы загрузить, почувствовать себя оскорбленной, униженной, но ничего такого со мной не случилось. Наоборот, мне стало весело. Он был старше меня на год, но в тот момент показался мне младшим. Самолюбивый, сильный, но еще мальчишка и весь в моей власти.

«Ты, значит, ни с кем еще не целовался?» — спросила я, следуя за ним по узкой тропе. И тон у меня был такой, будто я уже перцеловалась со всеми мальчишками из своей школы.

Никола остановился, повернулся ко мне, его угрюмый взгляд говорил, что слова мои ему очень не нравятся.

«Не придуривайся, — сказал, — и не строй из себя, пожалуйста, «крошку». Тебе это не идет».

Мою веселость как рукой сняло. Может, он и влюблен в меня, но совсем не так, как мне бы хотелось. Никакой моей власти над ним нет и вообще вить из себя веревки он никому не позволит.

А если не влюблен? Если все это я выдумала? Просто показалась я ему человеком умным, а потом он рассмотрел — примитивная «крошка».

«Никола, — спросила я, — а ты был в кого-нибудь влюблен?»

Лицо его оставалось хмурым, но ответил сразу, не раздумывая:

«Был».

Сердце мое опустошилось, и вся я стала какая-то пустая и легкая. Если бы вдруг подул ветер, меня бы куда-нибудь унесло. Вот так убивают словами, даже одним. Коротенькое правдивое «был» — и человека нет. У меня даже не осталось прежнего голоса. Хотела спросить звонко, беззаботно, а прозвучало хрипло и надсадно:

«Как же ее звали, если не секрет?»

«Так же, как тебя — Светлана».

Человека нельзя убить дважды. Он проводил меня до калитки. Я не сказала ему, что уезжаю через два дня. Будет еще лето, и тогда я ему все объясню: «Ты хороший человек, Никола, добрый и правдивый, но меня ты не любил. Ты общался со мной только потому, что тебя притягивало ко мне мое имя. И ты в этом не виноват. Первая любовь — это настоящая любовь, поэтому и вспоминают ее всю жизнь. А я была всего лишь случайным человеком в твоей жизни». Я сочиняла эту речь и заливалась слезами, прямо какой-то водопад хлынул на щеки и шею. Через год, услышав эти слова, он, может быть, тоже заплачет.

Через два дня к нашим воротам подъехал фургон. Шофер оказался грибником, сказал: «Я на часок отлучусь, поброжу по лесу». У меня было время слетать в деревню, попрощаться с Николой, но я не двинулась с места. Мама спросила:

«Никола не придет?»

Я ответила, что мы два дня назад попрощались.

В день отъезда я уже всеми своими мыслями была в Москве. Радовалась скорой встрече со своими одноклассниками и с соседкой по дому, подружкой Зосей. Вот

кому я расскажу о Николе. Зоя обо всем можно рассказать и не бояться, что она побесжит одаривать моими новостями тех, кому это хоть чуточку интересно.

Но когда мы с ней встретились и я ей все поведала, Зоя не пощадила меня.

«По-моему, ты зарвалась, — сказала она, — насмотрелась всяких пошлых телефильмов и действительно возомнила себя «крошкой». Открой свою метрику и посмотри, сколько тебе лет, если забыла. Любовь у нас будет: и у тебя, и у меня, но позже, мы же не Джульетты».

Напрасно я перед ней оправдывалась, пыталась что-то объяснить, мне уже самой наш последний разговор с Николой казался непоправимой глупостью. Несколько раз принималась писать ему письмо, но оно не писалось. Слова — это же не что-то, состоящее из букв, они пишутся, когда вылетают из сердца. И куда-то исчезают, когда хочешь ими прикрыться и спастись.

Зоя права: я не Джульетта. И Никола не Ромео. Поэтому мы и остались живы.

За два года я не забыла его. Чем дальше уплывало мое последнее лето на даче, тем все лучше и прекрасней становился в моих воспоминаниях Никола. Мне казалось, что и он вспоминает меня. Пусть не я его первая любовь, но не просто же так мы встречались с ним каждый день, столько обо всем переговорили. Мы дружили. Он друг мой. И это самое главное.

3

Но вот снова замаячила передо мной моя дачная жизнь в доме Жанны, и я первым делом подумала о Николе. Каким он стал? Конечно, изменился, ведь и я уже не прежняя. Представляла, как мы встретимся, что скажем друг другу. Но пошла уже вторая неделя, как я здесь, и никакой встречи. Когда впервые спросила о нем Жанну, то наткнулась на ее испуганный взгляд.

«Что с тобой? — удивилась я. — Нсужели это любовь к Юре выключила тебя из нормальной жизни? Чего ты испугалась? Отвечай: давно ты видела Николу?»

Жанна молчала.

«Так видела или нет?» — чуть ли не рычала я.

«Не помню».

Вот такие разговоры у нас с ней были в первые дни. Я пыталась и так, и сяк растормошить ее, разузнать, что здесь без меня случилось, но Жанна ускользала от прямых ответов.

«Тебя не узнать, — говорила я, — ты есть и тебя нет, ты, как сомнамбула».

«Это хорошо или плохо?» — равнодушным голосом спрашивала Жанна.

«Это ужасно. Меня два года не было, все здесь переменялось и не с кем поговорить. Типина какая-то кругом. Неужели всегда здесь так было тихо? Даже мальчишки из Березки не дерутся с деревенскими. Что это с ними случилось?»

И тут она меня озадачила.

«Знаешь, Света, давай больше никогда не будем говорить об этих мальчишках. Кто они нам? Никто. Они здесь постоянно живут, у них свои дела, свои проблемы. А мы дачники: приехали-уехали, нам до них дела нет».

Очень неспроста все это было сказано, и в словах ее мамы было что-то недосказанное:

«Света, ты здесь без родителей, мы отвечаем за тебя, поэтому вечером никаких гуляний по улицам, никаких походов в Березку. Так всем будет и лучше, и спокойней».

Выросли, называется, повзрослели. В тринадцать лет бродили допоздна по улицам, в кино ходили на последние сеансы, а в пятнадцать сажают на цепь, только что лаять не заставляют. Я об этом сказала потом Жанне и спросила:

«Ты со мной согласна? Только отвечай по существу, не спрашивай, хорошо это или плохо. Я тебе сразу говорю: плохо».

Чего Жанна не умела — это врать. И вилять, лавировать, уходить от прямых вопросов ей уже надоело. Повздыхав, помявшись, она выдавила из себя:

«Ты же ничего не знаешь».

Я тут же вцепилась в нее.

«Чего? Чего я не знаю?»

Ответа не последовало.

«Мы же подруги, — наседала я, — как же ты можешь что-то таить от меня? Я ведь все равно узнаю. Завтра утром пойду в деревню и разузнаю, что здесь случилось».

«Не ходи! — Жанна схватила меня за руку, — не надо».

Я даже вздрогнула, таким перепуганным сделалось ее лицо.

«Не надо, Света».

Не только маленьких детей и доверчивых стариков нельзя расспрашивать о чужих тайнах. Нельзя трясти душу, добывая ответ, и таким, как моя Жанна. Это не она отдалилась от меня, а я от нее. Забыла, как она, маленькая, подошла ко мне и сказала: «Будь моей подругой», как плакала в кино, когда весь зал смеялся. И Юру я наверняка возненавидела из-за того, что он отнял у меня Жанну. Не к нему она должна была бегать на улицу Грозную, а жить моей предстоящей встречей с Николой.

И все же, чего она так испугалась, когда я сказала, что пойду в деревню?

Я решила ни о чем ее не расспрашивать. Но все-таки от одного вопроса не удержалась. Спросила без всякой тревоги, как бы между прочим:

— Он жив?

— Да, — ответила Жанна, — к сожалению, жив.

4

Утром уже все вокруг было согрето жаркими лучами солнца, когда я вышла в сад, раздумывая, в какую сторону сейчас податься. Дом, как всегда, когда гости приезжали с ночевкой, еще спал, бабушкино окно было закрыто. Только Доня, ранняя птичка, бодрствовала, собирала на грядках клубнику. Я подошла к ней. Она протянула мне огромную трехпалую ягоду.

— Съешь. Это самый лучший сорт — «корона». А они пусть спят. Им такая ягода не полагается. Проспят все царство небесное, а потом будут гадать: чего это нам не везет в жизни?

Доня и раньше осуждала своих хозяев: за долгий сон, за бесконечное застолье на террасе, за то, что постоянно привечают дармоедов в лице друзей и родственников. Произносила она свои крамольные речи не громко, себе под нос, «бурчала». Как говорила Бабушка:

«Доня бурчит, а колесо вертится. Еда выращена,

кушать подано — это Донино колесо завершило свой круг».

Никто не расшифровывал бабушкиных изречений, а я всегда понимала, о каком колесе она говорит. Доня зассвала грядки, Доня собирала урожай, Доня уставляла стол салатами и свежей клубникой, а также шинковала, солила и мариновала дары сада и огорода на зиму. Помидоры краснели на своих хрупких веточках, картошка незримо поспевала под землей, и все это завершало свой круг в тарелках на огромном столе. А эти тарелки надо было потом еще и мыть. Таков был Донин круг, Донино бегущее, как с горы, колесо.

— Ну что ты скажешь про жениха, — спросила Доня, — как он тебе?

— Понравился. Вполне симпатичный жених, — дипломатично ответила я.

— А эта?

«Этой», конечно, была Мадама, мать жениха.

— Эту я как следует не разглядела. Мы ведь с Жанной ушли, за столом нас не было.

— А я ее разглядела, — Доня глянула в сторону дома, приблизилась ко мне и шепотом сообщила: — Как вы с Жанной ушли, Валерия с женихом через час тоже отбыли. А эта осталась. Посуду со мной вместе мыла. Вилками и ножами интересовалась — серебряные или нержавейка. Я говорю: не сомневайтесь, чистой пробы. А она как зыркнет на меня: «Ты, Доня, только на вид простая».

На даче мало кто слушал Донины речи. Намолчалась она, набурчалась себе под нос и сейчас наверстывала.

— Не надо было ее сюда привозить. Все она увидела, все зацепила своим глазом. Разглядела, что хозяева-то никудышные. Доживают, проматывают остатки прежнего богатства. А ей надо, чтобы были богатенькие, бизнесмены, чтобы деньги ковали, красивую старость ей обеспечивали.

— Разве старость бывает красивая? — удивилась я.

— А как же! — Доня выпрямилась, подбоченилась, мол, смотри сама. — Только в старости и видно красоту человека. В молодости что? Губки бантиком, носик крантиком. У кого крантик великоват, тот некрасивый. А в старости вся красота человека — как нарисованная на лице. Ты присмотришься и сама увидишь, кто в своих морщинах красивый, а кто, как грецкий орех, просто сморщенный.

Вот это да. Не ожидала я таких слов от Дони. В этот момент я могла бы выведать у нее и кое-что другое, повернуть разговор на внешние события — мол, а какие в поселке новости. Но Доня если что и знала, то так все могла запутать, персиначить на свой лад, что лучше не лезть в эти дебри.

— Значит, у Мамамы в старости лицо будет, как грецкий орех? — спросила я напоследок.

— Еще чего! Найдет своему сынку другую невесту и купит себе новое личико. Теперь все можно купить. Вот и она купит, и будет у нее вывеска без морщин, гладенькая, как детская попка.

Она дала мне еще две «короны»: ешь. И крикнула вдогонку:

— А нам такой красоты не надо, нам своя в самый раз!

Я никуда не шла. Это ноги мои шли. Не заметила, как оказалась на улице Грозной. Что за фокус? Без Жанны бреду по ненавистной улице. Теперь только не хватает, чтобы Юра возник в своей калитке: «Так ты все-таки не усхала? Видимо, не повидав меня, никак не можешь уехать?»

Чего не хочешь, то и случается. Сзади послышался шорох велосипедных шин, потом заливчатая трель звонка. Юра затормозил, не доехав до меня, и крикнул:

— Эй, синьора, вы кого здесь выслеживаете?

— Не тебя, — бросила я через плечо.

Он поравнялся со мной и — этого только не хватало — обхватил рукой мои плечи. Я дернулась в сторону.

— Руки не распускай.

Юра был настроен благодушно: улыбался, еще несколько раз пытался меня обнять. Он дурачился, но было, как всегда, что-то недоброе в его кривлянье.

— Послушай, Юра, отстань, пожалуйста.

— Такие мы нежные, неспорочные, неподкупные?

Улыбается — зубы острые, как у грызуна, головка все такая же маленькая, состриги с нее копну кудрей — и ничего не останется. Мелкий экземпляр, хоть и вымахал под два метра. Доня как-то о нем сказала: «В ботву пошел».

— Такие, какие есть, не про вашу честь, — ответила я расхожей в нашем московском дворе фразой.

— Ой, ой, чем же «наша честь» вам не угодила? Чем

мы хуже тех, кто вас за ручку в лес водил? Может, поведаете, что у вас там происходило?

Он болтал, просто болтал, как обыкновенный пошляк. Но почему подкатил к моему сердцу страх? Была в его словах не обычная насмешка, а какая-то зловещая подлость. Это же он про Николу. Это же с Николой мы ходили в лес. Когда все было, а этот, головка луковкой, помнит. Надо его встряхнуть, чтобы перестал корчить из себя идиота.

— Я знаю, почему ты ко мне липнешь. Влюбился и места себе не находишь.

Кто бы мог подумать, что Юра такой тонкокожий, такой обидчивый, когда на него возводят напраслину. Покраснел, захлопал своими длинными ресницами, хотел улыбнуться — не получилось. Еле пришел в себя.

— Много на себя берешь, — сказал, — я в таких не влюбляюсь.

— В каких «таких»?

Тут уж он ничего придумать не смог, дернул плечом и побрел к своему велосипеду. Я постояла, глядя, как он удаляется, и бросилась вдогонку.

— Не сердись, — сказала, — никто из нас ни в кого не влюблен. Это я просто ляпнула. Надосло слушать твои подковырки, ведь словечка в простоте не скажешь — все с издевкой.

Я искала примирения, что-то еще говорила в свое оправдание. Он прервал меня:

— Ты в него на самом деле не влюблена?

— В кого?

— В Николу.

Что-то подсказало мне: откажись от Николы, и тогда Юра расскажет, что тут случилось. Я не только чувствовала, но уже как бы точно знала, что Никола попал в большую беду.

— Какой еще Никола? — я старалась, чтобы мой голос звучал беззаботно. — Когда это было... Мы же два года не виделись.

— Но все-таки что-то у вас было? — Голос Юры звучал требовательно, в нем не было обычного схиждства. — Так было или не было?

— Ты о чем?

Тут Юра не выдержал и сорвался:

— Кончай прикидываться овцой! Думаешь, никто не знает, чем вы в лесу занимались? Поэтому ты два лета здесь и не показывалась.

Кажется, кое-что стало до меня доходить. Ах, какой несправимый негодяй этот Юра. Ярость охватила меня.

— Было! — выкрикнула я. — Было! А тебе что? Не досталось? Дать бы тебе сейчас кирпичом по твоей мелкоформатной башке, чтобы умолк навеки. — И тут я заплакала.

— Успокойся, — сказал Юра, — скоро твоего Николу судить будут. За изнасилование. Не все такие добренькие, как ты. Нашлась и другая: мамочке рассказала, как он ее трахнул, а мать доченьку за ручку — и в прокуратуру.

Лучше бы этот Юра взял кирпич и опустил его на мою голову. Еще неизвестно, чья голова легковесней — его или моя. Нет, он не врал. Так не врут. Даже ради

того, чтобы раз и навсегда поставить меня на колени, невозможно придумать такое. Юра, кажется, понял, как мне плохо.

— Ладно тебе, — сказал, — не переживай. Чего уж теперь. Что случилось, то случилось. Зря я тебе все это сказал. И Жанна просила помалкивать.

Он меня утешал. Спасибо, конечно. Но Жанна! Подруга называется.

Оберегала мой покой, как будто молчание может плотной завесой прикрыть то, что случилось. Это равнодушные люди придумали, что молчание золото. На самом деле молчание — зло. Вот сейчас стой и ломай голову, как оправдаться перед Юрой. Почему-то в этот момент его мнение обо мне волновало меня больше всего. Как теперь объяснить ему, что ничего такого, на что он намекал, у меня с Николой никогда не было? Мы просто дружили, ходили в лес, собирали грибы. А крикнула я: «Было!» — просто с досады и злости.

Мне казалось, что я стою перед Юрой и молчу целую вечность. Теперь знаю, что самые мудрые решения и слова приходят в минуты душевного потрясения. Стояла и вроде беспокоилась только о себе, чтобы Юра не посчитал меня «добренькой», а сказала то единственное, что надо было сказать.

— Вранье все это, Юра. Чьи-то злобные выдумки. Можешь в них верить, если такой доверчивый, а я не верю.

Юра удивился: лицо вытянулось, в глазах недоумение.

— Не верю, — повторила я, — такого преступления Никола совершить не мог.

И тут Юра начал превращаться в человека. Глаза сделались красивыми, головка превратилась в нормальную голову, не так уж много и было на ней кудрей.

— Будет суд, и все выяснится, — серьезно сказал он, — но вряд ли его оправдают. А ты меня удивила.

Я и сама себя удивила. Верю или не верю — об этом старалась не думать. Бродила по улицам поселка, как слепая, ничего вокруг себя не видела. Только на крыльце террасы очнулась, там уже заканчивался завтрак, ели клубнику. Жанны за столом не было. Зато появились Валерия и Пантелей.

— Где ты пропадаешь? — спросила Валерия. — Жанна пошла тебя искать.

Я не «где», а просто пропадаю, могла бы я ответить, но не только те, что сидели за столом, никто в целом мире не понял бы меня.

Мама уже освоилась здесь основательно. Сидела во главе стола в халате, на голове чалма из полотенца. Видимо, приняла душ и даже не соизволила переодеться.

— Девочка, — сказала она мне, — отнеси бабушке ягоду.

Я глянула на Жаннину маму, та кивнула: отнеси. Мне стало горько: чужой дом, чужой стол, чужие люди. Даже по имени не называют — девочка. Я взяла тарелку и покинула террасу.

— Что-то у тебя случилось, — сказала Бабушка, — сядь и расскажи, если это не какой-нибудь большой

секрет. Старики для того и существуют, чтобы снимать с молодых все печали, объяснять их глупости.

Она была не просто старухой. Она была старой старухой: ноги ее уже плохо слушались, но глаза глядели зорко и со слухом было все в порядке. Когда-то я ей сказала, что она похожа на птицу-великана, выглядывает из своего окошка, как из дупла, и всех насквозь видит. Бабушка никогда не обижалась на подобные сравнения.

«Птица-великан — это еще не великая птица, — ответила она, — великой может быть и маленькая пташка. Быть похожим на любую птицу прекрасно. Хуже всего, если человек похож на растрепанное прошлогоднее гнездо».

Возможно, сейчас я была похожа на такое гнездо. Я не могла ей рассказать о Николе. И не потому, что толком сама ничего не знала. Это был не наш с ней разговор. И с мамой я не смогла бы об этом говорить. Ни с кем, кроме Жанны, разве что еще с Валерией. Но Валерия сейчас заморочена своим замужеством, ей бы самой услышать от кого-нибудь умный совет.

— Ты ела ягоду? — спросила Бабушка. — Если не ела, давай поделимся.

Клубника здесь кратковременное лакомство, и объедать Бабушку мне не хотелось. К тому же Доня ее недолюбливала и вряд ли, как меня, угощала по утрам «коронной».

Я поблагодарила, отказалась и собралась уже уходить, но она вдруг своим обычным голосом, как о чем-то совсем незначительном спросила:

— Тебе уже рассказали, что здесь натворил твой приятель?

Я замерла: неужели она о Николе?

— Стало быть, ничего не знаешь, — продолжала Бабушка, — хранят тайну, оберегают твой покой. Или выпустили уже весь свой пар и переключились на что-нибудь другое.

Она посмотрела на меня внимательно и прикрыла глаза.

— Похоже, что ты все-таки кое-что знаешь. И узнала недавно, может быть, даже сегодня. От этого у тебя и глаза в разные стороны и нос подрагивает, как у кролика.

В другой раз я рассмеялась бы, к зеркалу подбежала: нос как нос, ничего, как у кролика, не подрагивает. Но сейчас я только сжалась, не представляя, какими словами выразить то, о чем и думать не знаешь что.

Выручила меня Жанна. Возникла в дверях и набросилась на меня:

— Что происходит? Где ты была? Я бегаю по улицам, как угорелая кошка, ищу ее, а она тут восседает как ни в чем не бывало. — И без передышки, с тем же возмущением в голосе спросила: — Ты сла?

Все правильно: старики должны снимать с молодых печали и объяснять их глупости. А друзья должны одобрять наши поступки. Но не только одобрять, иногда и осуждать. А иногда и спрашивать, как спросила сейчас меня моя Жанна: ты сла?

Хозяйка и гости сидели на террасе в прежнем составе. Посуда со стола была уже убрана. Меня удивило,

что Валерия и жених сидят потупившись, явно смущенные, видимо, разговор шел о них. Все смолкли, когда мы появились, а взгляд Мадамы выразительно сказал: идите, идите, куда шли, не задерживайтесь. И мы отправились на кухню.

Доня священнодействовала. Во второй половине дня должен был присхать отец Жанны, и она готовила не просто обед, а особый, праздничный. Кухня благоухала всеми немыслимыми запахами: от жареного мяса с молодым чесноком и лавровым листом до сладкого ароматного компота из черешни. Запахи были такие, что я чуть не зарычала, как голодный зверь. Доня накидала нам в тарелки того-сего, каких-то обрезков, остатков. «Как собакам», — шепнула мне Жанна, и мы, давясь от смеха, стали поглощать эту, в общем-то, очень вкусную еду. Обиделись потом, когда наелись.

«Ты, Доня, могла бы нам дать и чего-нибудь получше: вот с этой сковороды или салата».

— А кто вы такие, чтобы вас ублажать? — Доня была настроена воинственно. — Как поесть, так все вы есть, а как помочь — так все вы прочь.

Половину своих прибауток она, похоже, сочинила сама. Причем самых обидных. Но бесполезно ей объяснять, что словом можно не только утешить, но и убить. Вот и сейчас: накормила, а потом своими недобрыми словами перечеркнула нашу благодарность. Хотя о чем это я? Какая благодарность? Когда мы ее и кому выражаем?

В этот раз, выйдя за ворота, мы даже не посмотрели в ту сторону, где была улица Грозная. Сразу свернули

к полю и пошагали по узкой тропке, которая вела к озеру. В этом году опытное поле было засеяно клевером. Изумрудно-зеленый ковер слепил глаза. После высокой пшеницы, которая росла здесь в прошлые годы, поле показалось мне каким-то стриженным, как городской газон. Солнце жарило. Мы вспомнили, что не взяли с собой купальники, но возвращаться не стали: посидим возле воды, поговорим.

Жара доконала нас. Не доходя до озера, мы свернули на поляну, на которой рос большой раскидистый дуб, и устроились в его тени. Не глядя на меня, Жанна стала рассказывать о том, что случилось в ту злополучную ночь. В общих чертах это было так.

Выпускной вечер. Как всегда в Березке, шумный, радостный, праздничный. Торжественная часть, потом что-то вроде банкета с шампанским и благодарственными тостами в честь учителей. Танцевали, пели, потом, как всегда и везде, двинулись бродить до рассвета. Мальчишки буйствовали: орали, носились по площади, как угорелые, явно были навеселе. Красиво выпили шампанского вместе с учителями, а потом добавили тайком кое-чего покрепче. Руководители базы раскошались — пригласили популярную группу музыкантов. Но музыканты напрасно старались, оглашая своими модными песенками площадь. Их никто не слушал. Все разбрелись кто куда. Как утверждает молва, тогда-то и увели трое подонков одну из девочек в лес и там над ней надругались. Вроде бы все трое, но она в своем заявлении назвала одного Николу. И еще написала, что

те двое отговаривали Николу: мол, не падо, потом пожалеешь.

— Так и написала, что отговаривали? — спросила я Жанну.

— Да, говорят так.

— А этих двоих я знаю?

Эти двое были явными подлецами. Что значит «отговаривали»? Их же двое было. Взяли бы, скрутили и увели.

— Может, ты их когда-то видела, — ответила Жанна, — но это не имеет никакого значения. Они так все за эти годы изменились, что ты и Николу сейчас вряд ли узнала бы.

Николу я узнала бы и через двадцать лет.

— А ту... ну с которой все это случилось, ее я знаю?

— Ее знаешь, — ответила Жанна, — это Наташа. Помнишь, все катила перед собой коляску, привязана была к братцу своему маленькому.

Я вспомнила. Славная такая, с желтыми косичками. И несчастная. Выродили родители ребеночка, и она все летние каникулы была к его коляске как прикованная. Ни в кино, ни на озеро. Познакомились мы с ней на стадионе. Только что начался матч, а она уже катила свою коляску к выходу.

«Зачем уходишь? — сказала я. — Он же спит».

«Ага, — произнесла она с укором, — потому и ухожу, что спит. Они же там орут, а этот пассажир проснется и тоже будет орать».

Она мне понравилась. Я потом с ней несколько раз встречалась и с Жанной о ней говорила: хорошо, что у

нас нет никого из младших, а то возили бы их туда-сюда, жизни бы никакой не было. Наташ в Березке и в дачном поселке было несколько, и мы нашу новую знакомую прозвали «Наташа с пассажиром».

— А пассажир се, наверное, уже большой, бегает на своих двоих, — сказала я Жанне.

— Какой пассажир? — удивилась она.

Забыла. Память у людей избирательна: одно почему-то помнится, другое забывается.

— Ну тот, что лежал в коляске.

— Точно. Мы же за это звали ее «Наташа с пассажиром», — Жанна вздохнула. — Не везет человеку. Сначала братец, как гиря, на шес, потом эта история. Слушай, у нее же после всего, что случилось, свой ребенок может родиться?

«Этого только не хватало», — подумала я, а вслух сказала:

— Не нагораживай.

Дуб, под которым мы сидели, больше не спасал от жары. Наступил полдень, и тень словно растаяла. Хотелось пить. Мы поднялись и побрели в сторону станции. Там в голубой палатке когда-то продавала воду и мороженое круглолицая, красивая Катя. Она нас из всех выделяла: когда не было очереди, рассказывала что-нибудь смешное, вроде того, что скоро уедет отсюда, уже написала заявку в заграничную брачную контору на жениха-американца. «Тогда, девочки, будете ездить ко мне в гости. Я вам всю Америку покажу». Я спросила, дождалась ли Катя своего американца. Жанна в ответ рассмеялась:

— Как же! Все женихи за океаном в глубоком обмороке, на какого местного хмыря она их променяла.

Местный хмырь меня не интересовал. В общих чертах я его себе представляла. Меня расстроило другое: голубой палатки возле железнодорожной платформы не было. Вместо нее возвышался ресторан из белого кирпича с дурацкой вывеской «У Васи». Перед входом блестяли на солнце пластиковые столики для любителей мороженого. Столики пустовали, и мы быстро поняли почему. Такой высокой цены у этого снежного лакомства не было никогда. Я хотела сказать Жанне: давай возьмем один шарик на двоих, попробуем, что за невидаль, но меня опередил чей-то звонкий, словно с небес голос:

— Света, с приездом!

Крикнул стоявший на платформе незнакомый, стриженный наголо парень.

— Кто это? — спросила Жанна.

Я пожала плечами. Платформа была высокая, к ней с двух сторон вели довольно крутые лестницы. Но парень и не думал спускаться ни по одной из них. Он прыгнул прямо оттуда, где стоял, с середины платформы, прямо в пыльные колючие кусты боярышника и, прихрамывая, направился к нам.

— У меня четыре минуты, — сказал он, — сейчас придет электричка. Что передать Николе?

Тут я его узнала — Женька! Но что, кроме приветов, я могла передать?

— А ты не мог бы пропустить эту и ухватить следующей электричкой?

— Нет. Меня мама в Москве ждет. Завтра мы вернемся.

И тут раздался тревожный свист приближающегося электропоезда. Он был такой пронзительный, словно это не пригородный поезд шел по своему мирному маршруту, а какое-то чудовище мчалось в бездну. Женька взмахнул на прощанье рукой и помчался к лестнице, ведущей на платформу. Я успела крикнуть ему в спину:

— Я приду к вам завтра! Скажи Николе, что я здесь и буду до конца лета!

Мы с Жанной стояли и смотрели, как он бежит, потом одолевает лестницу. Успел. Электричка отчалила, а мы с ней еще долго стояли как вкопанные.

— Ты и вправду пойдешь к ним? — спросила Жанна, когда мы шли обратно.

— Пойду.

— Зачем?

— Затею, что надо идти. А ты бы разве не пошла?

— Не знаю, — ответила Жанна, — не уверена. Слушай, Светка, может, от всего такого лучше держаться подальше? Мы же на сто процентов не уверены, что он не виноват. А вдруг все было так, как написала в своем заявлении Наташа? Тогда как?

— Тогда ни я, ни ты ничего в этой жизни не понимаем.

Почему-то я не могла рассказать Жанне, как обошелся со мной Никола, когда мы, выходя из леса, присели передохнуть на поваленное дерево. Ему могла сказать: «Поцелуй меня», а признаться в этом подруге не хватало духа. Он ответил мне тогда: «Я не могу так».

Он не мог бездушно, как робот, выполнить мой каприз. И сказать неправду, что никогда никого не любил до меня, что я его первая любовь, тоже не мог.

Так разве мог такой человек совершить то, в чем его обвинили? И все же есть одно «но», которое не дает мне покоя. Я верю, что Никола не совершал преступления, но...

Но на своем последнем школьном вечере мальчишки пили не только шампанское. Никола, наверное, тоже пил. Поверил, что детство осталось за школьной дверью, а сам он уже взрослый. Почему же не выпить по такому замечательному поводу? Вот он и забыл, а ведь знал, конечно же знал, что пить не только вредно, но и опасно.

5

Если верить всему тому, о чем пишут в нынешних модных журнальчиках, можно свихнуться. Или возненавидеть себя за то, что принадлежишь к женскому роду. Словно нет уже на свете ни дружбы, ни книг, ни восходов, ни закатов, ни жизненной цели чего-то достичь, а существует единственное женское дело — нравиться мужчинам. В каждом таком журнале множество советов, как стать неотразимым совершенством, чтобы мужчины, оглядываясь, посворачивали себе головы. А девиз у всего этого такой: надо любить себя! Мол, тогда тебя только полюбят, когда ты сама от себя без ума.

В каждом старшем классе есть поклонницы такого чтива. Они как стайка газелей среди своих сверстниц. Не всегда дуры. Есть среди них и отличницы, и таланты, и красавицы. Но главное, что их отличает от всех, это уверенность, что впереди у них лучезарная жизнь без всяких забот и трудностей, которые навалятся на дру-

гих. Все они в этом своем будущем великие актрисы, знаменитые манскенщицы, жены богачей. И никакой опасности, что на этом пути их обойдет какая-нибудь деревенская Нонна Мордюкова, а богачи даже если на них и женятся, то еще неизвестно, что за счастье без любви в золотой клетке.

Иногда мне кажется, что Жанна в своем классе такая же газель. И тогда я набрасываюсь на нее с воспитательными речами, разбиваю в пух и прах все эти журнальчики, набитые сплетнями, разоблачаю «газелей». Жанна с интересом слушает меня. Воспитывать ее не надо. Она уже воспитана, и лучше меня.

— Никакие они не «газели», — говорит она. — Просто они немножко другие: любят все легкое, красивое, а надо учить уроки, писать контрольные, на физкультуре прыгать через этого дурацкого коня. Вот они и сбиваются в компании и щебечут о своем: о модах, артистах, о том, что вычитали в этих журнальчиках, которые ты ругаешь. Но, конечно, главная тема у них — любовь.

— Как будто у других девчонок это не главная тема.

— Другие девчонки обсуждают другую любовь: свою, единственную. А этим надо, чтобы все мальчишки были в них влюблены. Но такого не бывает, и они толкут воду в ступе, щебечут, щебечут.

Мне давно хочется поговорить с Жанной о Юре. Это неправильно, что моя красивая, умная Жанна влюблена в такое ничтожество. Она не «газель». Ей не надо, чтобы все мальчишки были в нее влюблены. Ей надо, чтобы Юра хотя бы относился к ней по-человечески. Я этого

понять не могу: ну как можно любить человека, который постоянно тебя унижает?

— Жанна, — говорю, — а что это вообще такое — любовь?

— Это словами не выразить, — отвечает она.

— Почему?

— Потому что любовь нельзя объяснить. Это не только чувство, но и что-то еще. А вот что — этого я не знаю. И никто не знает. Люди вообще по-настоящему многого не знают. Думасешь, мы знаем, что такое огонь, вода, электрический ток? Дедушка говорил, что это такие же загадки, как сам человек и его жизнь.

Дедушку-академика я хорошо помню, хотя тогда еще не ходила в школу. Он был не только опорой, но и, как теперь понимаю, стержнем всей семьи. Его уважали и боялись: умолкали, когда он появлялся, бросались выполнять любую его просьбу. Только мы с Жанной не ощущали его грозного величия. Прятали его тапочки, когда он их снимал под столом. Однажды, когда он обследовал дно высохшего колодца, забросали его ветками. И уже тащили ведро с водой, чтобы окатить его сверху, но, к счастью, Доня выскочила наперез. Он терпел от нас все, называл «диверсантами из третьего тысячелетия» и подолгу нам что-то рассказывал, не заботясь о том, что мы почти ничего из его слов не понимаем.

Но оказывается, кроме понимания есть еще запоминание. Можно в детстве что-то запомнить, а потом уже понять. Мы с Жанной кое-что запомнили из его изречений, но до сих пор их не понимаем. Например: «Пре-

дел недосыгаем, это бесспорно. И все равно надо стремиться его достичь». Чепуха какая-то: зачем стремиться к тому, что бесспорно недосыгаемо? Расшифровали мы только «диверсантов из третьего тысячелетия». Тут все ясно: двадцать первый век уже на расстоянии вытянутой руки. И это уж точно, что нам в этом времени жить. А он уже тогда видел нас взрослыми в этом третьем тысячелетии, и все прощал нам, маленьким разрушителям, «диверсантам» из этого далека.

Он умер зимой, и я не переживала этой утраты, он для меня как бы растаял. Новое лето было уже без него, на даче началась совсем другая жизнь. Насажало много гостей, на террасе с утра до вечера длилось праздничное застолье: кто-то присажал, кто-то уезжал, нас с Жанной кроме Дони никто не одергивал, и мы обрели свободу. Иногда гости привозили с собой детей, иногда Валерия общалась с нами, но нас с Жанной больше притягивали улицы поселка и Березки, там была наша жизнь.

Уже третий день я мучаюсь невыполненным обещанием. Сказала Женьке, что приду завтра, и не пришла. Боюсь его матери. Как вспомню ее темное, обветренное лицо с плотно сжатыми губами, так все у меня внутри холодает и немест. Ну что я могу ей сказать? Я верю, что ваш сын ни в чем не виноват? Она тоже в это верит.

Познакомились мы с ней у них во дворе. Никола зашел в дом, а я ждала его у крыльца. И тут она появилась в дверях.

«Молока хочешь?» — спросила.

Я растерялась и помотала головой: не хочу.

«Как знаешь», — сказала она на ходу, направляясь к калитке.

«Друзья нужны для чего? Для того, чтобы получать от них одобрение своей жизни», — сказал когда-то Саша Пантелей с экрана телесвизора. Но Жанна не одобряла мой поход в дом Николы, у нее не было стопроцентной уверенности в том, кто виноват, а кто безвинно страдает от чужой подлости. А тут еще появилась Марина со своей матерью и втссалась между мной и Жанной, перескочила ее внимание на себя. Раньше эта Марина нравилась мне, была девочка как девочка, веселая, остроумная, а тут явилось нечто невообразимое. Губы подкрашены, челка закрывает не только лоб, но и брови, юбка вообще караул — какая-то бахрома из веревочек. Вышла из машины, увидела нас с Жанной: «Привет, малышки! Живы еще? Не отравились кислородом?» Потом села на скамейку, достала из сумки пачку сигарет и закурила. Мы с Жанной стояли перед ней, и как только она щелкнула зажигалкой, придвинулись друг к другу, загородили эту картину от окружающих. Марина засмеялась:

— А дым разгоняйте лопухами.

Она уже ни с кем не считалась.

— Родителей я воспитала, а остальные перебыются.

Нас она решила и впредь величать «малышками», но я ее быстро остановила:

— Не гоношись, не такая уж ты дама из Амстердама, обыкновенная «газель».

«Газель» ее озадачила, но выяснять, что это значит, не стала. Ее новый образ не допускал каких-либо объ-

яснений с «малышками». Противно это все было, учитывая, что она наша сверстница, даже на два месяца моложе меня. К Жанне она относилась более-менее милостиво — все-таки у нее в гостях. Отыгрывалась на мне. Цеплялась к каждому слову. Если вспоминала что-нибудь из прошлой дачной жизни, то непременно какую-нибудь гадость и приписывала ее мне. Сегодня сказала:

— Помнишь, как мальчишки принесли на палке дохлого ужа. Мы с Жанной трогали его, раскачивали, а ты вцепилась в калитку и от страха рыдала.

Этого я не помнила. То есть ужа помнила, а то, что рыдала, нет. Зато я каждую минуту помнила другое: надо идти в деревню к матери Николы, а я не иду.

— Сейчас у меня другие страхи и другие рыдания, — торжественно заявила я и без оглядки, решительным шагом двинулась вперед по дороге.

Голоса этой Марины уже слышать не могла. Никогда прежде такой неприязни я ни к кому не испытывала.

Только уже на подходе к деревне вспомнила, куда и к кому иду.

Кажется, меня ждали. Мама Николы увидела меня из окна, вышла на крыльцо и сказала:

— Пришла все-таки.

Мы вошли в дом. Женьки не было. В углу перед иконой мерцал огонек лампадки. Окна были занавешены, в просторной комнате прохладно, даже холодновато после уличной жары. Сели за стол, и я увидела ее руки на белой скатерти. Сухие, загоревшие до черноты, со сбитыми ногтями. Я знала, что муж ее умер, когда

младшему, Женьке, было два года. Она растила сыновей одна. Вот этими своими темными руками копала грядки, полола, доила корову. Сыновья подрастали и, конечно, помогали ей, и родня была хорошая, но основную тяжесть жизни тащила она на себе. У нее было суровое лицо: низкие брови, светлые глаза, узкие, плотно сжатые губы. Совсем непохожий на нее Никола, когда я всмотрелась, был все-таки чем-то похож. Они одинаково смотрели на собеседника: прямо и в то же время как бы немножко сбоку, оценивающе. Одинаково улыбались, не разжимая губ, выражая сомнение, мол, кто его знает, так это или не так. Но самая милая похожесть была в некоторых деревенских словах, верней, в интонации, с которой они их произносили.

Я не ожидала, что она заплачет. Положит голову на свои руки и затрясется в беззвучном плаче. Я не знала, что сказать, как успокоить ее. Сидела и молчала. Она подняла голову.

— Это накопилось, — сказала. — Уж извини меня.

Мы долго сидели за столом. Она говорила со мной так, будто я ей была ровня — подруга или давняя знакомая.

— Посуди сама, — говорила, — эта Наташа теперь никогда не откроет правды. Ведь если расскажет все то, что было, тогда ей самой садиться на скамью подсудимых.

Этого я не понимала. Как же так? За правду — и вдруг на скамью подсудимых.

— Закон такой, — объяснила мать Николы, — если откажется от того, что написала в заявлении, — значит,

в том своем заявлении оклеветала человека. А за клевету надо отвечать, статья есть такая в кодексе. Это обвиняемый может следовательно говорить одно, а на суде другое. Нехорошо, конечно, нечестно, но как бы позволительно. А тому, кто возбудил дело, кто считается потерпевшим, надо, хочешь не хочешь, держаться своих первых слов. Иначе обвиняемых выпустят, а того, кто ложно обвинил, посадят на их место.

Этого я не знала. Не знала и того, что произошло на самом деле в ту ночь в лесу. А произошло вот что: когда они четверо — Никола, Артем, Сергей и Наташа — приблизились к лесу, Артем достал непечатую бутылку водки и стал ее открывать. Никола воспротивился, стал вырывать эту бутылку, вырвал и решил ее зашвырнуть куда-нибудь подальше. Но было темно, бутылка шмякнулась на что-то мягкое и, к несчастью, не разбилась. Артем и Сергей быстро нашли ее, Наташа подбежала к ним, и они втроем, издали, стали изгаляться над Николой. Мол, чего ты за нами увязался, тебе не такие, как мы, нужны, а народные артисты, и вообще, ты здесь даже не третий, а четвертый лишний. Никола послушал-послушал все это да и ушел.

Конечно, не надо бы ему уходить, а если ушел, то не домой надо было идти, а назад, к ребятам. Хотя бы показался им на глаза, чтобы потом на него всех собак не навешали. Но он пошел домой. А в лесу случилось то, что случилось. И больше того, Сергей и Артем бросили Наташу в лесу. Вернулась она оттуда только утром. А через три дня развернулась вся эта подлая история. Мать Сергея — завуч школы, отец Артема — совладе-

лец нефтебазы. Когда они узнали, что назревает заявление в прокуратуру, то испугались, засуетились. Пошли в ход деньги отца Артема, разговоры с Наташей и ее родителями. В Березке говорили, что сама завуч диктовала Наташе это заявление, в котором единственным виновником назывался Никола. Вроде она заверила Наташу, что школа даст Николе хорошую характеристику и получит он условное наказание, а потом через год в армию уйдет и все забудется.

Если бы я все это узнала от кого-нибудь другого, а не от матери Николы, то не смогла бы поверить. Неужели взрослые люди способны сотворить такую явную подлость? Еще как-то можно объяснить хотя бы помрачением рассудка поведение родителей Сергея и Артема. Но мать и отец Наташи, как они могли? Неужели за деньги можно продать родную дочь? А сама Наташа? Как она дальше будет жить, если Николе вынесут даже условное наказание?

Я сказала об этом матери Николы.

— Не будет никакого условного, — ответила она, — за изнасилование, Света, приговаривают почти как за убийство.

— Лучше бы мне всего этого не знать, — вырвалось у меня. — Но так же не бывает, суд разберется, вы ведь верите, что разберется?

— Всяко бывает, — откликнулась она, — адвоката бы хорошего, опытного, да откуда у нас такие деньги? — Она смотрела на меня, склонив голову к плечу, и не было уже в ее лице прежней суровости. — Вот ты сказала: лучше бы мне этого не знать. А почему лучше?

В какое море впадает Волга — это надо знать, а какая статья за какое преступление — это разве не надо? Жалко мне вас, молодых, и эту дуру-девку тоже жалко. Повырастали на хороших харчах, а головы еще детские, мало что об этой жизни знают.

На даче, когда я вернулась, ни Жанны, ни Марины не было. Подумала: прохаживаются по улице Грозной, выглядывают неотразимого Юру. Если так, то Жанна напрасно потащила туда Марину. Эта Марина уже в десять лет считала, что все мальчишки влюблены в нее. И сейчас она вывернется наизнанку, чтобы обратить на себя внимание Юры. А Жанна будет страдать.

Так и случилось. Жанна вернулась одна, растерянная и несчастная. Села рядом со мной на скамейку, спросила без всякого интереса:

— Ты ходила в деревню?

— Ходила.

Больше у нее вопросов не было. Мы сидели молча, как чужие, пока в ворота со звоном не влетела на черном велосипеде Марина. Промчалась мимо нас по дорожке и затормозила возле беседки, где Валерия, Пантелей и кто-то из гостей играли в карты.

— Даже странно, что Юра доверил ей свое сокровище, — сказала Жанна, имея в виду велосипед.

Мне хотелось помочь Жанне, вывести ее из оцепенения.

— Да ты что? Никто с тобой ничего не доверял, сама села и покатила, она же такая. Вот увидишь, он скоро появится, не бросит на произвол судьбы свое сокровище.

И тут же, словно подтверждая мои слова, появился

Юра. Приблизился к нам и стал прохаживаться туда-сюда вдоль скамейки. Потом небрежно, как бы между прочим, спросил:

— Марина надолго приехала?

Мы молчали, и Юра рывкнул:

— Вы что, оглохли?

— Спроси об этом у нее сам, — сказала я.

Юра ухмыльнулся, но не перестал маячить перед нами, да еще записл какую-то веселенькую мелодию: ля-ля-ля — такие дела, эти дурочки ревнуют, потому что далеко им до Марины. Эти слова он не произносил, только ля-ля-ля, но и без слов все было понятно.

Жанна поднялась и ушла, а я ему сказала:

— Поешь мотивно, а слушать противно.

Но Юру ничем не прошибешь, только дернул плечом и спросил на ходу:

— Это стихи? Сама придумала?

Глаза его косили в сторону беседки. Там Марина вилась вокруг Пантелея. Это же такая удача: знаменитый Саша Пантелей был с ней рядом. Как же не отметить, не запечатлеться в его глазах. Марина не учитывала только одного: рядом с Пантелеем была Валерия. Уж она-то видела эту Марину насквозь, уж она не будет, как ее сестричка, молча переживать такое нахальство.

Наконец Юре надоело мотаться туда-сюда вдоль скамейки, он сел рядом со мной. Спросил:

— Хочешь прокатиться? — и кивнул в ту сторону, где в траве лежал велосипед.

— Хочу поговорить с тобой о серьезном деле, —

ответила я. — Нужен хороший адвокат, и при этом бесплатный.

— Прямо бесплатный сыр, — Юра откинулся на спинку скамейки и посмотрел на меня скучающими глазами. — Знаешь, где бывает такой сыр?

— Знаю. В мышеловке.

— Знаешь, оказывается. Но знание у тебя отдельно от желания. А надо все это соединить. Где это ты видела хорошего бесплатного адвоката?

Я вообще ни одного адвоката живьем не видела.

— Послушай, Юра, бесплатный сыр в мышеловке — это же приманка, обман для какой-то несчастной мышки. А я говорю о человеке, о таком адвокате, который действительно защитник. И такой есть, только бы найти его, а уж я бы до его души достучалась.

Юрино равнодушие слегка развеялось, он уже не стрелял глазами в сторону беседки, слушал меня и довольно внимательно. А я словно неслась с горы, и страх во мне был, и отвага — сумею растормошить, убедить Юру, и найдем мы такого адвоката, выручим Николу. Кажется, я добилась своего, Юра сказал:

— Если все так, как ты говоришь, его оправдают. Во всяком случае, я постараюсь сделать все, что смогу.

Но что он мог? Зато у него был отец, какой-то тяжеловес в мире бизнеса, сдвинувший на «мерседесе» с охраной. На этого отца я и рассчитывала.

— Юра, а если бы с тобой случилось что-нибудь подобное, как бы твой отец тогда среагировал?

— Он взял бы ремень и выдрал меня, как паршивого пса.

Ничего себе. Что-то новенькое. Таких слов я от Юры не ждала. Мне казалось, что дома его нежат и лелеют, а тут вдруг «выдрал», «ремень». Я так была ему благодарна за эту откровенность и вообще за весь наш разговор, что не удержалась и спросила:

— Юра, почему ты не всегда такой?

Юра поднялся, посмотрел на меня сверху вниз.

— Об этом поговорим в следующий раз. — Он опять глядел в сторону беседки. И направился туда. Там, в траве, лежал его велосипед.

А мне не хотелось двигаться: ничего я уже не понимала в этой жизни. А каких-нибудь два-три года назад все-то я знала. Не только как спасти одного человека, а всех людей на земле. Знала, как избавить человечество от войн, вранья, зависти, сплетен. Даже план придумала: в такой-то день и час все газеты и радиостанции объявят, что начинается новая жизнь: добрая, справедливая, красивая. И для этого ничего не надо делать — вот это тоже надо было обязательно объявить. Потому что не все люди любят что-то делать даже во благо самих себя. А вот не делать — это же так легко.

Теперь мне смешны все эти мечты и планы, а тогда я волновалась, верила, что можно одной какой-нибудь придумкой исправить человечество. Самое непостижимое во всем этом, что люди ведь отличают белое от черного, хорошее от плохого. Отличают, но мирятся с черным и плохим. Ну и ладно: пусть живут как живут. Только одному человеку — Наташе — я больше так жить не дам.

6

Наташу я увидела в магазине. Коляски рядом с ней уже не было, бывший пассажир топтался возле нас на своих двоих. Тогда ему не было и года, значит, сейчас около трех.

— Ты меня помнишь?

Мне хотелось сразу расположить ее к себе, и голос мой, кажется, прозвучал чересчур ласково, фальшиво. Наташа свела брови и отвернулась, мальчик потянул ее за рукав: пойдём. Не глядя на меня, Наташа ответила:

— Не помню, — и, чтобы уж совсем не продолжать разговора, добавила: — никого и ничего не помню.

Ответ был исчерпывающий. После таких слов мне следовало обидеться и пожелать ей забыть все и всех на самом деле. Но я слишком долго ее выслеживала, чтобы разыгрывать из себя какую-то случайную знакомую, которую не желают узнавать. Слова мои прозвучали угрожающе:

— Смотри, потом не вспомни. А то ведь вспомнишь, когда будет поздно.

Голубые глаза Наташи вдруг закипели слезами, нос стал розовым, мне показалось, что она вот-вот заплачет. Но она не заплакала. Она была светло-рыжая, и это у нее так проявились на лице злость и волнение.

— Тебя это не касается, — враждебно сказала она, — не лезь не в свое дело. Приехала и дыши воздухом, отдыхай. Без тебя разберутся.

И тут встрял этот малыш, от горшка два вешка, я даже удивилась, что он умеет говорить.

— Пошла вон, — крикнул он и взмахнул своим крохотным кулачком, — а то сейчас как дам!

Наташа не одернула его, наверное, была рада и такой поддержке. А я уже поняла, что не пробьюсь к ней, не будет она со мной разговаривать. С ней уже поговорили.

Мы вышли из магазина. Она шла впереди меня: в одной руке сумка, в другой ладошка братца. А я шла за ними и, ни на что не надеясь, уговаривала ее совершить подвиг: люда жизни свои отдавали за правое дело, на костер шли, под пули, а ее жизни не угрожает опасность, ей всего-навсего надо спасти свою совесть.

— Мертвеца можно закопать в землю, — говорила я, — и он никогда уже больше не возникнет, а клевету не закопаешь. Она будет ходить за тобой всегда. Все люди о ней забудут, сам Никола расплатится за чужую вину и тоже постарается забыть, а ты каждый день будешь вздрагивать, вспоминая, какую подлость совершила.

Мы подошли к ее дому. Наташа вошла в свой подъезд, даже не оглянувшись. Я присела на скамейку. Просто так, чтобы передохнуть, обдумать, что же делать дальше. Я не ждала, что Наташа выйдет ко мне, но она появилась.

— Чего ты ждешь? — спросила.

— Ничего.

— Пошли к нам, мама хочет с тобой поговорить.

Лучше бы я туда не ходила. Столько крика, оскорблений, ненависти никогда не обрушивалось на мою голову.

— Моя дочь была честной, не такой, как вы все, — услышала я уже в прихожей, — специально заманили, напоили, попользовались. А теперь еще и виноватой сделать хотите?

Она была такая же рыжая, как ее дочь, только поярче. Глаза горели, как у кошки в темноте, когда она меня отчитывала.

— Я знаю, кто тебя послал. Я все про всех знаю! Меня лучше не трогать, пока я не вывела вас всех на чистую воду! Я не только этого выродка, я вас всех засажу! Я со всех вас за позор моей дочери миллион долларов по суду востребую.

Отвечать ей что-либо было бесполезно, но я попыталась.

— Вы успокойтесь. Виновные, конечно же, должны быть наказаны...

Она не дала мне договорить. Она лучше всех знала, кто виновен. Заорала уж совсем диким голосом:

— Это ты успокойся! Не шлейся, не вынюхивай!

Пока тебя здесь не было, все шло, как надо, по закону. А ты появилась, и все зашептались, стали тыкать в нас пальцами. Но рано обрадовалась, найдется и на тебя управа!

Я повернулась к Наташе. Она сидела на диване, опустив голову. Малыш залез под стол и оттуда глядел на меня, вытаращив глаза. Хотя бы эта ужасная женщина сына своего пощадила.

Нет, никогда на земле не будет всеобщего согласия. Даже если все люди каким-то чудом договорятся с такого-то числа уважить друг друга, не врать, не подличать, то все равно найдется хоть одна такая Наташина мама, которая своим злобным криком все испортит.

На даче, как всегда, когда присажал глаза семьи — отец Жанны, царил порядок. Стол на террасе был украшен вазой с цветами, на столе парадная посуда. Доня в новом фартуке, помолодевшая, приветливая. И разговоры не обыденные, а о чем-нибудь серьезном, новом в науке. Говорил хозяин дома, остальные слушали. Только Мадама и Марина иногда пытались переключить общее вниманиис на себя. Мадама вдруг сообщила:

— В Китае скоро будет перепись населения. Представляете, какая их там всех ждет работенка.

Все правильно, ничего, вроде, смешного, но все засмеялись. Видимо сработало странное правило: неважно что сказано, а кто сказал. Марина же старалась просто блеснуть, чтобы не только отец Жанны, но и Саша Пантелей подумали: она не просто умница, она еще и

отважная спорщица, она мисс Чудо двадцатого века. Однажды я сй по этому поводу сказала: «Ну что ты выставляешься? Ведь глупо же. Умный человек что-то нам рассказывает, а ты лезешь, опровергасшь».

Марина вздохнула. Вздох был говорящий: о, боже, еще с этой объясняться. Отчитала меня по всем статьям: я злая, а прикидываюсь доброй, тираню Жанну, настраиваю ее против Юры, и если уж кто здесь выставляется, так это я, только хитро и ловко.

Наверное, вид у меня был тот еще, когда я вернулась после встречи с Наташиной матерью. Все уставились на меня, ждали, что я скажу. А что я могла им сказать? Все у вас здесь красиво, чинно, благородно, а там женщина орет, как ненормальная, и мальчик смотрит на нее из-под стола круглыми от изумления глазами. Этого не расскажешь. Я села на свободное место возле Бабушки и вдруг прижалась щекой к ее плечу. Прижалась в каком-то порыве, на одно мгновенье. Она все поняла, повернула ко мне лицо и шепнула:

— Все будет хорошо.

Три коротеньких слова, а больше и не надо. Я так была сй благодарна: своими добрыми словами она успокоила меня, сняла с моей души тревогу. И представить себе было невозможно, что чуткая Бабушка всего через несколько часов обернется громоподобной, властной старухой.

После обеда глава семьи, Валерия, Пантелей, Мадама, а с ними и Марина покидали дачу. Расставание, как всегда, было долгим: стояли возле машин, прощались, договаривались о будущей встрече. Марина сказала мне:

— Я знаю, что случилось с Николой. И мой тебе совет: не вникай, не влезай и чужие дела по уши. Живи по касательной. Понимаешь, о чем я говорю?

Чего уж тут не понимать. Она сама так жила и призывала к этому всех. Можно было бы ей ответить, что жизнь по касательной очень нестойкая штука, очень уж легко сорваться с любой окружности. Но не к месту и не ко времени был этот разговор. Они все уезжали, а мы с Жанной поглядывали друг на друга: скорей бы уж они уехали. Всякое долгое прощание тягостно.

— Где же ты раньше была со своим мудрым советом? — сказала я Марине. — Теперь уже поздно.

— Тогда уезжай отсюда, — голос Марины прозвучал грозно, — не баламуть.

Почему-то это «не баламуть» больно ужалило меня. Старинное слово, где она его только подцепила?

Я ничего о разговоре с ней не сказала Жанне. Они уехали, а мы долго ходили с ней по улицам, обсуждали мою встречу с Наташей и ее матерью. Вспомнили, что надо возвращаться на дачу, когда уже стало совсем темно.

За столом на террасе в одиночестве восседала Бабушка. На столе — неубранная посуда, остатки еды от недавнего пиршества, посреди на блюде почти половина огромного торта в кремовых завитках и засахаренных ягодах. Мы набросились на этот торт, как голодные дикари, нас даже не смущал остывший чай, которым мы его запивали. Вошла Доня, присела на краю стола и стала заглядывать в чашки, наверное, искала чистую.

Не нашла, потрогала ладонью самовар и вдруг положила руки на стол, на них голову и закрыла глаза.

— По-мосму, она уснула, — с удивлением сказала Жанна.

И тут раздался громовой голос Бабушки:

— Вот она сейчас умрет, и все мы, и те, что уехали тоже, будем ее убийцами!

— Бабушка! — этот негодующий укор означал: что ты такое говоришь? Разве можно так безответственно разбрасываться словами?

Я посмотрела на Доню: она ничего не слышала, спала. А Бабушка разошлась, не остановить:

— Я давно уже бабушка, а вы давным-давно не маленькис дети. Я тоже в любой момент могу умереть только из-за того, что смотреть мне на вас невыносимо.

Такой разгневанной мы ее никогда не видели. Она выдала нам сполна. В России даже царские дети не росли в безделье, их обучали не только наукам, музыке, танцам, они много работали. И не только в России. Мать последней царицы была дочерью английской королевы Виктории. Так вот эта Виктория всем своим детям отвела в королевском саду огородные участки, на которых они своими руками все высаживали, пололи, выращивали. До сих пор сохранились таблички с их именами на тех участках. А мы, то есть Жанна и я, живем как молодняк редких животных, занесенных в Красную книгу. И даже не ощущаем, что живем в зоопарке, потому что не сидим в клетке, а разгуливаем по вольеру. Кто нас кормит, кто за нами убирает, нашему вольерному сознанию недоступно.

Голос ее был не только переполнен презрением к нам, он стирал нас в порошок. Мы с Жанной настолько были ошарашены, что даже не смели переглянуться. Доня по-прежнему спала и ничего не слышала. Жанна первая обрела себя и сказала Бабушке:

— Обличать и негодовать проще всего. Скажи лучше человеческим голосом, что нам делать.

И Бабушка сказала:

— Поднимись и включи самовар, принеси из буфета две чашки и два блюда. В чашки налей чаю, в блюда положи то, что осталось от торта.

— Вторая чашка с блюдцем тебе? — спросила Жанна. — Как я поняла, первая чашка Донс?

Бабушка продолжала сердиться:

— С кем я говорю? Есть здесь хоть один человек, который меня понимает? Твоей маме — вторая чашка. Отнесешь ей в комнату. Она не спит. Она наверняка лежит и думает: чем кормить гостей, если они завтра нагрянут?

Перевоспитать человека словами, даже очень сильно и вовремя сказанными, нельзя. Но встряхнуть можно. Бабушка в тот вечер встряхнула нас основательно. Мы не только перемыли посуду, но и подмели, а потом вымыли пол на террасе.

Доня сидела за чистым столом, пила чай и молча поглядывала, как мы ползаем у ее ног с тряпками. Почему-то никакой благодарной похвалы мы от нее не дождались. Единственное, что мы от нее услышали, был довольно вялый вопрос:

— Что это вы, на ночь глядя?

Бабушка была уже в своей комнате, когда мы закончили уборку. Все-таки награды мы жаждали — если не от Дони, то хотя бы от нее. Очень обидно было, совершив трудовой подвиг, оставаться неотмеченными, незамеченными, словно каждый день мы такие подвиги совершали.

Вымогать похвалу мы не умели. Тихонько вошли в комнату, скромно присели к ее столику.

— Не хочешь полюбоваться, как блесит и сияет терраса? — спросила Жанна.

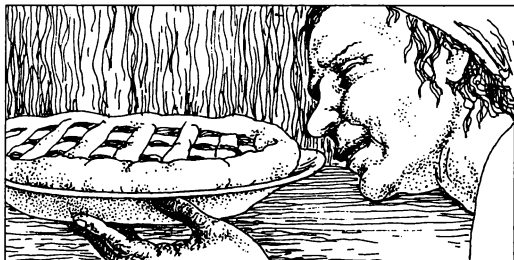
— Хочу, — ответила Бабушка, — но не могу. Устала. Такие, как вы, устают от большой работы, а старики просто от прожитого дня. Зато я отдыхаю, когда вижу вас, разговариваю с вами.

Обласкать человека словом можно по-всякому. Можно сказать «молодец», «я горжусь тобой», а можно, как Бабушка: «Я отдыхаю, когда вижу вас».

Не знаю, как она, но мы отдыхали в тот вечер, разговаривая с ней. Говорили о любви: как узнать, настоящая или ненастоящая? Почему и куда она уходит? Под конец я спросила:

— А вот если у человека не любовь, а цель кого-то спасти и ничего не получается? Тогда как?

— Тогда надо запомнить то, что я сейчас скажу, — ответила Бабушка. — Редко какая цель достигается с первого раза. Но нельзя отступать. Один раз не получилось, второй, а ты еще раз и еще — пока не получится.

7

С каждым днем растет наша решимость помочь Николе. Вышагиваем по улицам дачного поселка и обсуждаем все возможные и невозможные способы установить справедливость. Жанна предлагает подключить одноклассников Николы: не все же там такие подонки, как эти Сергей и Артем. Я возражаю: во-первых, все разъехались, поступают в институты, во-вторых, среди них ни одного свидетеля, никто из них не видел, как эти четверо ушли в лес и когда кто оттуда вернулся. Точно выяснить удалось только одно: ни Сергея, ни Артема в Березке сейчас нет. Оба они, вместе или порознь, пребывают в отъезде, причем, говорят, за пределами нашей страны.

— Пребывают в бегах, — сказала Жанна, — прячутся, как зайцы, в каком-нибудь дорогом отеле на денюжки папы Артема. А не сходить ли нам, Света, к этому папе? Даже интересно, как он будет выкручиваться.

Ну Жанна! Даже в мою бесшабашную голову не залетела такая мысль. Я загорелась.

— Пойдем, посмотрим ему в глаза, выскажем все, что думаем о нем и его сыночке.

Но пыл мой быстро прошел: уж этот папаша наверняка давно договорился со своей совестью, никакие наши слова его не проймут.

— Не будет он выкручиваться, — сказала я, — обзовет нас последними словами и вытолкает в шею. А вот с этой теткой, матерью Сергея, поговорить стоит. Все-таки учительница, завуч. Во всяком случае, оскорблять нас не будет.

— Она вообще не будет с нами говорить, — ответила Жанна, — ходят слухи, что ее Сергей, как и Никола, ни в чем не виноват. Это все Артем. А Сергея тоже прикупили, как и Наташу. Вот и получилось: трое валят на четвертого и других свидетелей нет.

Жанна продолжала меня удивлять. Совсем недавно она казалась мне «газелью». А на самом деле она была вдумчивым, спокойным человеком, который не загорается с одной спички, как я, но зато и не гаснет через секунду. И еще у меня на все есть готовый ответ, а ей надо все обдумать, прежде чем принять решение.

— Только один человек может разрубить этот жуткий узел, — сказала Жанна, — это Наташа, и больше никто.

Я возразила:

— Ничего она не разрубит. Ее запугали и запутали. По-моему, никому дела нет, что с ней случилось. Все от нее только чего-то хотят: одни — чтобы прикрыла

преступника, другие, как мы, чтобы выдала преступника. Мне ее по-настоящему жалко.

— Мне тоже, — сказала Жанна, — но без нее никакая справедливость не восторжествует. Преступник будет на свободе, а тот, кто ни в чем не виноват, — в тюрьме.

Мы ходили по улицам поселка, забыв, что где-то здесь рядом находится тихая зеленая улочка, которая совсем недавно была нашим единственным маршрутом. Вспоминает ли о ней Жанна? После отъезда Марины мы не ходим на улицу Грозную и совсем не говорим о Юре.

Он встретился нам в поле, когда мы пересскали его, направляясь в Березку. Юра был без своего велосипеда и злобной собаки. Настроен мирно.

— Девочки, привет!

Мы поздоровались, но никакой радости от встречи с ним не выразили.

— А я хотел к вам зайти, — сказал он, — куда вы запропали?

Я сразу схватила быка за рога:

— Юра, как хорошо, что ты появился. Как там дела с адвокатом? Удалось на него выйти?

Он довольно долго молчал, закатив глаза, будто вспоминал, о каком адвокате речь, потом, лениво растягивая слова, спросил:

— Ты имсешь в виду наш разговор, когда здесь была Марина?

Мерзавец все-таки, хоть и показался мне в последний раз человеком. Зачем называть это имя при Жанне?

— Я имсю в виду твоего отца. Ты вроде пообещал через него выйти на адвоката.

— Прямо какие-то шпионские дела — выйти на адвоката под кличкой Бесплатный.

— Не валяй дурака, Юра, — остановила его Жанна, — дело серьезное.

Юра даже дернулся от неожиданности: неужели это сказала Жанна? Но не перестал валять дурака.

— Я не ослышался? Это заговорила человеческим голосом влюбленная маргаритка? Или две дачные маргаритки ршили использовать меня в своей борьбе за справедливость?

Надо было закруглять эту наглость.

— Пошли, Жанна, — сказала я, — пока этот недоумок не сказал еще чего-нибудь.

Юра словно поперхнулся «недоумком», закашлялся, покраснел. Такие наглецы бывают очень тонкокожими, когда оскорбляют их.

— Полегче, девочки, — сказал он, — полегче на поворотах.

На это мы ничего не ответили и направились в Березку.

К кому мы шли? Зачем? Этого мы не знали, просто шли. Ведь когда не стоишь на месте, а идешь, даже не зная куда, можно встретить не только Юру, но и какого-нибудь хорошего человека.

И мы встретили. Женька окликнул нас с крыльца магазина. Я его опять еле узнала.

— Хоть бы ты поскорей отрастил свои лохмы, — сказала ему, — а то сам на себя не похож.

— Уже отрастают. — Он погладил себя по голове и улыбнулся.

У хороших людей и улыбки особенные. У Женьки все, что было на лице, сияло радостью: и глаза, и нос, и зубы.

— Похоже, у тебя неплохие новости? — осторожно спросила я.

— Откуда? — ответил он, и улыбку с его лица как смыло. — Никола передавал тебе привет. А я и не знал, что ты еще здесь. Думал, уехала. Что же ты один раз к нам пришла и больше не показываешься?

Мы проводили его до деревни. По дороге он кое-что рассказал. Из прокуратуры пришел ответ, что предварительным следствием установлена вина Николы, хотя сам он свою причастность к изнасилованию отрицает. Женька наизусть процитировал ответ из прокуратуры. В его речи слово «изнасилование», которое мы с Жанной никогда не произносили вслух, звучало как самое обыкновенное. В этом ответе приводились фамилии одноклассников Николы, которых опрашивали следователи, среди них упоминалась и какая-то Зинаида Воробьева, «подруга подозреваемого».

— Ты знаешь эту подругу? — спросила Жанна.

— Я всех из их класса знаю, — уклончиво ответил Женька.

Я приуныла. Жанна это замстила. Когда возвращались обратно, сказала:

— Может, они просто сидели на одной парте. И потом, Светочка, он же не клялся тебе в вечной любви.

Он мне вообще никогда не говорил о любви.

— Мне не клялся, а сй, может быть, клялся.

Жанна вдруг остановилась, словно наткнулась на какое-то препятствие. Спросила:

— Это что-нибудь меняет?

Нет, это ничего не меняло, кроме моего настроения. Все во мне сникло: два года мечтала о нем, а он в это время дружил с какой-то Зинаидой Воробьевой.

— Какое все-таки противное имя — Зи-на-ида, — сказала я Жанне.

— Ты меня удивляешь, — ответила она, — творится что-то ужасное, человека оклеветали, а у тебя, видите ли, ревность.

— У меня обыкновенное разочарование.

Жанну словно подменили.

— У барышни разочарование, — возмутилась она, — присхала на свидание, а у него другая. Барышня в трансе: да как она смеет, да чем она лучше меня? Да тем, Светочка, что она была тут рядом, а ты за тридцать земель.

Где-то я читала, что ревность — это чувство собственника: не отбирайте у меня мое, а то мне будет очень больно. Никола не был моей собственностью, значит, эта Зинаида ничего у меня не отобрала.

— Кажется, барышня выходит из транса. — Я вытаращила глаза и стала трясти головой, показывая Жанне, как это происходит. Она отпрянула от меня, а я рассчитывала рассмешить ее. — Не пугайся, со мной все в порядке. Просто надо сейчас встречаться с Зинаидой Воробьевой, а неохота.

— А мы через «неохоту», потому что надо, — сказала Жанна.

Но встретиться с Зинаидой Воробьевой оказалось не так-то просто. Ее не было в Березке — сдавала в Москве приемные экзамены в театральный институт. Эта новость ударила меня как бы уже по больному месту. Ревность все-таки легче объяснить, чем справиться с ней. Театральный институт подкосил меня окончательно. Значит, эта Зинаида Воробьева красивая и талантливая. В такую влюбиться легче легкого. Интересно, рассказывал ли сй Никола о своей первой любви, моей тезке? Или она поумней меня — об этом не спрашивала?

Те немногие одноклассники Николы, которых нам удалось разыскать, разговаривали с нами скупно: а зачем это вам? Вы просто так спрашиваете или кто-то вам поручил? Сначала мы отвечали на эти вопросы подробно и откровенно, что два года назад были знакомы с Николой, общались с ним, а теперь вот узнали, что с ним случилось. Одноклассники мялись, не хамили, но в разговор не вступали. И все отсылали нас к Вере Антоновне. Мы быстро догадались, что Вера Антоновна — та самая завуч, мать Сергея.

— Все-таки нам ее не миновать, — сказала я Жанне.

И мы направились к ней.

Она жила в доме рядом со школой, второй подъезд, первый этаж. Хорошо, что возле крыльца была скамейка. Мы опустились на нее и долго сидели молча. Представляю, как мы выглядели со стороны. Куда подева-

лись наши пыл и отвага. Я ждала, что Жанна поднимется и скажет: «Посидели, примерились, а все остальное — в другой раз». Но она поднялась и спросила:

— Ты не уснула?

Забыться, уснуть, проснуться и чтобы все это оказалось сном — какое бы это было счастье. Но Жанна смотрела на меня требовательно, не догадываясь о моих мыслях. В ее глазах я никогда не была малодушной.

— Пошли. — Я тоже поднялась. — Пошли, раз уж пришли.

Дверь открылась, и нас окутала теплая волна, выплывшая, видимо, из кухни. Запах только что поспевшего пирога сразу напомнил нам, что с утра мы ничего не ели.

— Девочки, как хорошо, что вы явились, — воскликнула хозяйка. — У меня пирог в духовке. По собственному рецепту — с сыром и малиной. Ступайте в ванную, мойте руки и за стол.

Мы с Жанной переглянулись. С кем она нас перепугала? Чего угодно, но такого приема мы не ожидали. Может, у нее плохо со зрением или мы на кого-нибудь похожи? А она уже несла в комнату тарелки и говорила на ходу:

— Одну из вас я вроде бы знаю, — это относилось к Жанне, — ты ведь внучка того самого академика? И подругу твою, кажется, припоминаю. Вы к нам обе в Березку бегали, когда еще были маленькими.

Я вдруг заметила, что она волнуется. Достала из шкафа чистую скатерть, положила ее на спинку стула

и забыла о ней. Стала разрезать пирог — рука подрагивает.

Она не была похожа на учительницу. Какая-то заискивающая, суетливая. Черты лица правильные, но словно стертые, будто отпечаток такого же, но более выразительного лица. Зато голос у нее был прямо райской птицы — мелодичный, с переливами. Этим голосом и стала она завораживать нас.

— Вот уж точно — интуиция существует. С чего бы я сегодня за пирог взялась? Сын в отъезде, гостей не ждала. А тут вы пожаловали. Я слегка предполагаю, что вас ко мне привело. Я даже рада вашему визиту. А то столько слухов кругов, столько всего накрутили-напутали — никакой суд концов не найдет.

И пошло-поехало. Мы с Жанной даже ее пирог есть не могли, растерялись, оцепенели. Оказывается, никакого преступления не было. Никто Наташу в лес не заманивал. Она сама увязалась за парнями. Она такая оторва с восьмого класса, все знают ее поведение. В прошлом году отец так избил ее, что она даже в больницу попала. Родители специально ребенка завели, чтобы она им своего в подоле не принесла. Думали: будет нянчить и перестанет за мальчишками бегать, да где там. А в ту ночь, когда был выпускной вечер, ничего в лесу не случилось. Заблудились они немного, поплутали и вернулись. Наташу до ее дома проводили. А она потом взяла и придумала всю эту историю.

Мы слушали, и уши наши вяли, как лопухи под палящим солнцем. Хозяйка же продолжала:

— А родители, конечно, своего не упустили. Как же!

У отца Артема хороший карман. Почему не попользоваться? Только если все так было, как написала их дочь в своем заявлении, почему же она к врачам обратилась на третий день? А потому, что хотела прежние грехи прикрыть своей выдумкой. Да вы съешьте пирог, — спохватилась она, — ой, я же вам чаю не подала!

— Все врет, — шепнула мне Жанна, когда хозяйка ушла за чаем, — зачем мы сюда пришли?

— А ты думала, если учительница, то уж само совершенство?

Пирог оказался очень вкусным. Чай еще не вскипел на кухне, а тарелки наши уже были пусты. Проглотили и не поперхнулись.

— Кого-то прикупают большими деньгами, а нас куском пирога, — сказала я Жанне. — Голод действительно не тетка, но у этой тетки я все-таки кое о чем спрошу.

И спросила:

— Вера Антоновна, почему же тогда она одного Николу обвинила? Почему никто не вступился за него, не защитил?

Она ответила, не задумываясь:

— Потому что все растерялись. Какое-то время мы же не знали, что в прокуратуре лежит заявление. А когда узнали, уже было поздно. Вы, девочки, далеки от жизни. Для вас прокуратура — это закон, справедливость, а там такие же халтурщики, как и везде. Им только бы на бумаге все выглядело правильно. Запутали Серезу и Артема, заставили свалить все на Николу. Мол, тому уже скоро восемнадцать, приговор будет ус-

ловный, пока следствие, суд, то да се, ему уже и в армию идти. А там все забудется.

Она была права: мы не знали жизни. Но такую жизнь и знать не хотелось. И учительниц таких лучше бы никогда не знать. В общем, сыну ее не позавидуешь. Ну а сам-то он что? Ничего не соображает? Умереть должен был в кабинете следователя, но не губить товарища.

Уж мы дали волю своему негодованию, когда возвращались домой.

— И все-таки странно, — сказала я, когда возмущение наше иссякло, и мы уже вроде как выдохлись от своих обличений, — теперь Никола в их глазах невинная жертва — всю вину свалили на Наташу.

— Ничего мы не знаем, — ответила Жанна, — я, например, ни одному слову этой учительки не верю.

8

У ворот стояли красные «Жигули» Пантелея. Мы с Жанной переглянулись: ну вот, не прошло и недели, не успели соскучиться, а они уже тут как тут.

— Где вы шляетесь? — набросилась на нас Валерия. — Тут девочка ждала вас и не дождалась. Странная такая, даже имени своего не назвала.

Я сразу подумала: неужели Наташа? Что же случилось? Зачем она приходила?

— Большая девочка? — спросила Жанна.

— Такая, как вы, может быть, чуть постарше. Рыжеватая, глаза голубые.

Точно Наташа. Я придвинулась к Жанне и сжала ей руку: молчи.

— Какие тут у вас еще новости? — спросила Жанна. Вопрос означал, что приходившая рыжеватая девочка нас не интересуется.

— Марина с нами присехала, — ответила Вале-

рия. — Позвонила: пропадаю в столичной пыли, мы ее и привезли.

Жанна сникла: еще и Марина. Для полного счастья только ее сейчас здесь не хватало.

И тут послышался голосок Марины. Она на Юрином велосипеде, он на каком-то другом пронеслись по дороге, не глянув даже в нашу сторону.

Мы стояли возле машины, и хорошо, что они нас не заметили.

— Вот к кому она спешила, — сказала Жанна, — вот без кого пропадала в столичной пыли.

Ревность не только чувство собственника. Ревность — это еще и большая обида. Ты любишь человека, он это знает и нарочно своим поведением причиняет тебе боль. Я не знала, как об этом сказать Жанне. Но Валерия недаром была ее старшей сестрой, она тоже все понимала.

— Да ни к кому ваша Марина не спешила, — сказала Валерия, — такие люди часто бегут сами от себя. Лишь бы куда, только бы не оставаться наедине с собой. Прибегут, но и на новом месте не знают, что с собой делать.

Мне казалось, что Валерия не замечала, как Марина вертится перед Сашей Пантелесом. Но она все замечала. И возможно, сказала ему: видишь, как она старается заинтересовать тебя собой? А он ей ответил: человек никого не может заинтересовать собой, если он сам себе неинтересен. Так это было или не так, но Валерия — это точно — своей соперницей Марину не считала.

Ужинали в сумерках, не зажигая света, потому что

свет притягивал полчища комаров. Но и в потемках самые бойкие залетали и покусывали. То и дело кто-нибудь бил себя ладонью по руке, по щеке, приговаривая: «Вот и еще одному кровопийце каюк». Разговор не ладился, перескакивали с одного на другое. Ни хозяев, ни гостей в этот вечер на даче не было, и если бы не Марина, мы бы рассказали Валерии и Пантелею о сегодняшнем дне: о письме из прокуратуры, о пироге с сыром и малиной и даже о незнакомой Зинаиде, которая решила стать артисткой. И наверняка в ответ услышали бы что-нибудь разумное: надо действовать так, а вот так не надо. Но за столом сидела Марина, и такой разговор исключался. Неровно подстриженная челка падала ей на глаза. Казалось, что она специально замаскировала свое лицо, чтобы никто не мог разглядеть его. Природа не терпит пустоты. И лицо человека тоже этой пустоты не терпит. Приходится прикрывать ее такой вот челкой и косметикой.

Мне показалось, что всем за столом, и Бабушке в том числе, мешает Марина. Поэтому все молчат и не смотрят друг на друга. Но сама Марина этого не ощущала. Наоборот, всеобщее молчание она посчитала приглашением высказаться, изречь что-нибудь неожиданное. И она высказалась: заявила, что никогда не смогла бы убить комара, ей его жалко, все-таки живое существо. Сказала и уставилась на Пантелея: ну давай, спорь со мной.

Пантелей не стал спорить, он хлопнул ладонью себя по щеке, прикончив очередного комара, и с какой-то издевательской улыбочкой спросил:

— А человека могла бы убить?

— Нет, — отвстала Марина, — зачем? Человек и так когда-нибудь сам умрет. Поэтому он должен быть милосердным ко всему живому.

Она по-прежнему выставлялась перед Пантелеем, только теперь без ужимок, как бы на другой, серьезной, основе.

— Марина — философ, — сказала Валерия, — а мы, нефилософы, живем и не чувствуем, что когда-нибудь умрем.

— И правильно делаем, — произнесла Бабушка, — Марина тоже этого не чувствует. Знать и чувствовать — разные вещи.

Бабушке никто не успел ответить, потому что в дверях вдруг появилась женская фигура. В темноте я не узнала эту женщину, и даже когда она заговорила, ее властный, начальственный голос никого мне не напомнил.

— Заварили кашу и сидите в темноте как заговорщики. А между тем человека уже, может быть, нет на свете. И отвечать за это кому-то придется. Тому, кто довел ее до отчаяния.

Жанна ее узнала.

— Проходите, Вера Антоновна, — сказала она.

Пантелей поднялся и зажгел свет.

Похоже, гостя своим зычным голосом распугала всех комаров. Они уже не кусались, или мы их просто перестали замечать.

Вера Антоновна прошла на террасу, но не села за

стол, а устроилась в кресле, в углу. Сидела и глядела на нас своими учительскими всевидящими глазами.

— Так что все-таки случилось? — прервал молчание Пантелей.

— Может быть, пока еще и не случилось, — уклончиво ответила гостя, — может быть, еще не поздно спасти человека.

Мы переглянулись. Какого человека? Я даже подумала, что она о Николе. Замучила совесть после нашего визита, и она решила действовать, не теряя времени.

— Что случилось, об этом пусть ваши барышни расскажут, — Вера Антоновна ткнула пальцем сначала в меня, потом в Жанну. Сидела она далеко от нас, но я почувствовала на своем лбу ее каменный неумолимый палец. — Я же вам скажу одно: если с Наташей что-нибудь случится, если она в отчаянии что-нибудь совершит над собой, то отвечать за это придется всем вам.

— И мне? — вопрос Марины прозвучал по-детски наивно.

И все же вопрос прозвучал вовремя, он вывел нас всех из оцепенения.

— Тебе отвечать не придется, — сказала ей Валерия, — к тебе даже у комаров претензий нет.

— Тогда я пойду спать, — Марина поднялась и выразительно зевнула, — а вы разбирайтесь со своими делами сами.

И ушла.

— Мы в общих чертах знаем, какая беда произошла с Наташей, — Пантелей опять прервал паузу, которая

после ухода Марины была особенно тягостной. — Но почему вы обвиняете нас?

Вера Антоновна словно ждала этого вопроса: вскочила с кресла, сложила руки на груди, выставив вперед локти, голову откинула назад. Эта странная поза была бы смешной, если бы ее слова не звучали зловеще.

— С Наташей ничего особенного не произошло, — она глядела в упор на Пантелея. — Это на вашем телевидении происходит каждый день порча подрастающего поколения. Вбиваете детям в головы всякую западную ересь. Такое время, такие нравы. И кому-то кость в горле — благосостояние и спокойствие нашего маленького городка. Вот и решили нас взорвать. Не гранатой, не бомбой, а более тонким способом — психологически, — она перевела дух, оторвала свой взгляд от Пантелея и опять взяла на прицел меня и Жанну. — Вы, девочки, понятия не имеете, в какую опасную игру вас втянули. Вы не живете здесь, вы здесь люди временные, сезонные. Вам кажется, что вы ищете правду, а на самом деле вас втянули в грязную и опасную политику.

Мне хотелось крикнуть ей: никто нас никуда не втягивал! Но тут Валерия подошла сзади и положила мне руку на плечо. Этот жест означал: молчи, не ввязывайся в разговор. Лица Жанны я не видела, она сидела, опустив голову. Неужели эта фурия ее напугала? А Вера Антоновна между тем перешла к конкретному событию, которое привело ее сюда. Наташа ушла из дома, пригрозив родителям, что они ее больше не увидят. Повод пустяковый — маленькая семейная

ссора. Отец что-то не так ей сказал, мать его поддерживала.

— Но разве это повод расстаться с жизнью? Разве это была первая ссора в этой не очень дружной семье? — риторически вопрошала Вера Антоновна. — Нет! Это результат травли, которую организовали темные силы. А вы, девочки, стали орудием в их руках.

Травля. Темные силы. Не верилось, что все это изрекает та самая приветливая суетливая хозяйка, которая совсем недавно угощала нас пирогом. Та Вера Антоновна считала виноватой во всем Наташу. Мол, никто девочку в лес не заманивал. Она сама увязалась за парнями, она такая с восьмого класса, всем известно ее поведение. И еще она говорила, что год назад отец так избил Наташу, что та попала в больницу. А тут из-за какой-то маленькой ссоры вдруг ушла из дома да еще с такой угрозой: вы меня больше не увидите.

Пантелей все-таки не выдержал и прервал ее пламенную речь:

— А нельзя ли поточней? Какие такие темные силы заставили наших девочек преследовать или, как вы выразились, травить Наташу?

— Это вы, — не моргнув глазом, ответила Вера Антоновна, — и, возможно, ваша будущая жена. Это ведь неплохой сюжет для телефильма: невиновного сажают в тюрьму, а виноватых подкупает деньгами начальник с нефтебазы. И если с Наташей что-то плохое случится, то начальнику головы не сносить. Вот и весь, как теперь говорят, механизм ваших действий.

Она была в этом доме впервые, но, казалось, знает здесь всех и вся.

Самообладание покинуло Пантелю.

— Вы действительно учительница? — спросил он. — Слушая вас, в это трудно поверить. Какой телефильм? Что за «механизм действий»? Это же бред.

Вера Антоновна ничего не сказала в ответ, только посмотрела на него, как на закоренелого двоечника.

— О чем мы говорим? — тихо произнесла Валерия. — Надо искать Наташу. Она ведь была здесь недавно, а мы не поняли, что сй плохо, что приходила она за помощью.

И тут раздался громовой голос Бабушки:

— Идите, ищите и найдите! А эта женщина пусть немедленно отсюда уйдет.

Но Вера Антоновна не ушла. Мы не понимали, почему она сидит, молчит и не уходит. Оказывается, она ждала подмогу. И вскоре помощь подоспела. Это были родители Наташи и с ними плотный лысый мужчина в шортах. Наташин отец, которого я представляла громиллой, держащим в страхе дочь и жену, оказался щуплым, каким-то даже жалким дядечкой. Да и отец Артема, если уж он такой воротила и денсжный мешок, мог бы появиться в чужом доме в более приличном виде.

Гостей пригласили к столу. Они не отказались. Только Вера Антоновна не сдвинулась с места, осталась там, где сидела. Те же, что сели за стол, поначалу были растеряны, не зная, к кому обращаться со своими претензиями.

— А где настоящие хозяйсва дачи? — спросил лысый.

— Они в отъезде, — сухо ответил Пантелей. — Нам же не стоит терять времени и надо срочно искать Наташу. Созвать народ, прочесать лес.

Его слова привели гостей в замешательство. Видимо, рыскать в темном лесу не входило в их планы.

— Нету ее там, — сказала мать Наташи, — после того, что случилось, она в этот лес никогда не пойдет.

— И не за этим мы сюда пришли, — пояснил отец Артема. Он уже выбрал себе главного в нашем застолье и обращался исключительно к Пантелею, — если родители уверены, что их дочь не направилась в лес, то мы этого опровергать не будем.

Странно было это слышать. Пантелей долго молчал, прежде чем спросить:

— Тогда чем же мы можем быть вам полезны?

Отец Артема опустил голову и стал ладонью гладить свою лысину, обдумывая вопрос. И вдруг резко откинулся на спинку стула и уставился на меня. Это был взгляд врага. Я сжалась: никогда прежде не доводилось мне видеть ненависть в ее чистом, почти материализованном виде. Как потом выяснилось, Жанна тоже заметила этот ненавидящий взгляд. Только Бабушка ничего не увидела и не почувствовала.

— Сейчас начнется моя любимая передача, — сказала она, поднимаясь с места, — и это будет поинтересней, чем все то, что я могу услышать здесь.

— Она права, — сказал отец Артема, когда Бабушка удалилась, — ничего интересного в нашем разговоре не намечается. Разговор будет деловым и коротким. — Он дернул головой и опять пронзил меня своим враж-

дебным взглядом. — Вот она, эта ваша неизвестно откуда взявшаяся подруга, должна убраться отсюда. И чем скорей, тем лучше.

Никто не свалился в обморок после его слов. Даже меня не очень задело его требование. Действительно, бред какой-то. У Веры Антоновны хоть все было понятно: мы с Жанной орудие темных сил — Пантелсея и Валерии, которые задумали выстроить телевизионный сюжет на чужом несчастье. А этот пришел и заявляет, что я одна в чем-то виновата и должна срочно отсюда убраться.

Валерия приняла удар на себя.

— И это все, с чем вы пришли? Все, чего от нас хотите? — спросила она, стараясь быть спокойной, но я видела, чего ей это стоило.

— Всего вам знать не обязательно, — ответил лысый, — чем меньше человек знает, тем легче ему живется.

— Вы тоже придерживаетесь такого мнения? — спросил Пантелсей у Веры Антоновны. — Меньше знать — больше шансов не вляпаться в какую-нибудь подлость?

Учительница молчала. Среди пришедших право голоса, похоже, было только у лысого господина в шортах.

— Зря вы раскипятились, — сказал он Пантелею на прощанье, — все, что здесь случилось, лично вас вообще не должно касаться. У вас хорошая должность на телевидении, вот и держитесь се, а то ведь можете очень быстро оказаться за пределами достигнутого.

Угроза вывела из себя Пантелея, он взорвался:

— Такой крутой? Такой могучий? Уверовал, что можно все и вся на этом свете купить? Сынка выкупить, работу у кого-то отнять? А не тонка ли кишка? Не лопнет ли от натуги?

— Саша, остановись! — крикнула Валерия.

Но его не остановил бы сейчас и танк.

— Никто отсюда не уедет и не уберется, — продолжал Пантелей, — и напрасно вы на это рассчитываете. Кстати, наша подруга, как вы выразились, почти ничего не знает. Так что вы напрасно ее боитесь. Но она будет знать все. И другие люди узнают правду. Ваша подлость выйдет наружу. И никакие деньги, никакие угрозы вам не помогут. Вот так. С тем и живите.

Когда незваные гости удалились, я спросила у него:

— Чего я не знаю?

— самого главного, — ответил Пантелей, — насилие над Наташей совершил один Артем, сын этого негодяя.

Это я уже знала. И Жанна знала. Наверное, знали и другие люди, не только Пантелей и Валерия. Знали и помалкивали. Но после того, как я побывала у Наташи дома, а потом мы с Жанной пытались хоть что-нибудь разузнать у одноклассников, начались разговоры. Недаром Вера Антоновна так взволновалась, когда мы пришли к ней, так суетилась, угощая нас пирогом. Она уже тогда нас боялась.

— Не понимаю этих родителей, — сказала Валерия, — дочь ушла из дома на ночь глядя, пригрозила самоубийством, а они спокойны, не бросились искать

се. Мать уверена, что в лес она не пошла. Странно все это. Может, Наташа никуда не уходила?

— Как же не уходила? — удивилась Жанна. — Ты же сама говорила, что она приходила к нам, хотела увидеть меня и Свету.

— Я сказала, что приходила девочка. И сейчас не уверена, что это была Наташа.

— Сестрички, не о том вы сейчас, — вмешался Пантелей. — Завтра мы узнаем, что с Наташей и где она. А сейчас меня интересуют люди, которые приходили сюда. Я понял одно: больше всего они боятся огласки. Прокурор, суд — тут они способны все запутать, выдать черное за белое. А вот слово, которое может прозвучать с экрана телевизора, бросило их в дрожь. Поэтому и мечутся.

— Хорошо, что они не догадываются, что на телевидении ты не имеешь никакого отношения к криминальным сюжетам, — сказала Валерия.

Мы не заметили, как появилась Бабушка. Я даже вздрогнула, когда раздался ее голос:

— Ты сказал, что завтра мы узнаем, что случилось с Наташей. Значит, сейчас спокойно разойдемся и пойдем спать? Интересно, что нам будет сниться?

Бабушка стояла слегка согнувшись, опираясь двумя руками на палку. И все-таки вид у нее был воинственный. Словно появился командир и в одну минуту обратил нас, растерянных, готовых плыть по течению, в маленькое войско. Она не могла повести нас за собой, но слова ее прозвучали вовремя. Валерия вышла из-за стола.

— Сегодняшней ночью нам ничего сниться не будет, — сказала она, — ушла Наташа из дома или не ушла, но мы идем ее искать.

Мы взяли с собой фонарик, но вскоре поняли, что толку от него никакого. Он даже мешал. Узкая невнятная полоска света, исходившая из него, только сгущала, делала непроницаемой темноту вокруг. Мы погасили его и двинулись по дороге, ведущей в деревню. Звезды драгоценно сверкали на высоком ночном небосклоне. Дачные дома за деревьями кое-где обозначались желтыми пятнами окон. Там горел электрический свет. Кто-то читал книгу, кто-то кого-то ждал. Но постучать в эти неспящие окна, позвать людей на поиск Наташи мы не могли. Не так это просто: постучать ночью в чужое окно.

Темнота постепенно рассеялась, или это наши глаза привыкли к ней. Но недолго длилось это просветление. Когда мы свернули на узкую улочку, ведущую к лесу, опять непроницаемая чернота окутала нас. Было такое ощущение, что мы бредем по дну какого-то глубокого ущелья. Да еще в этот момент я вспомнила, что эта улочка ведет не просто к лесу, а к той его стороне, где находится кладбище. На нем редко и как-то неслышно хоронили людей, и лишь однажды музыка оркестра громко и тревожно вырвалась из леса. Мы с Жанной тогда еще не ходили в школу и, не раздумывая, побежали на зов этой музыки. Провожали в последний путь старого генерала, который жил в Москве, но родом был из этих мест и завещал, чтобы его похоронили на родине. Было много здешнего и присяжного народа, люди плакали, и только мы с Жанной шныряли среди них с

сияющими лицами. И даже вернулись на дачу с цветами, подобранными у могилы. Взрослые учинили нам разнос: упрекали, путали. Доня сказала: «Сегодня генерала похоронили, а в следующий раз, если туда сунется, вас закопают». Они переборщили, нагнетая всякие ужасы, и добились обратного. Мы стали часто бегать на кладбище, но, конечно, об этом уже помалкивали.

Но кладбище днем и кладбище ночью — это два очень разных места. Смолкли наши голоса, когда мы подошли к его ограде. Гора мусора у входа напоминала своими очертаниями какую-то доисторическую фигуру — то ли динозавра, то ли еще какого чудовища. Мы взгляделись — это были остатки жестяных венков, бумажных цветов, всяких других, отслуживших свой срок, похоронных предметов. И все равно было страшно.

— Зачем мы сюда пришли? — шепотом спросила меня Жанна. — Даже если Наташа где-то здесь рядом, то все равно позвать мы ее не сможем.

— Почему? — тоже шепотом спросила я.

— Потому что среди умерших наверняка есть ее тезки. Представляешь, как это прозвучит? Будто мы их вызываем.

И тут случилось самое ужасное: на меня напал смех. Жанна недолго глядела с осуждением и тоже включилась. Мы обе уже тряслись, задыхаясь от смеха.

— Истерички, — фыркнула Валерия.

— Это нервное, так бывает, — вступился за нас Пантелей. Но это не помогло нам, мы уже хохотали во все горло.

Такое веселье, даже если есть ему объяснение, не может быть ненаказанным. И возмездие не задержалось. На тропе рядом с кладбищем появилась высокая мужская фигура. Мужчина шел медленно, вразвалочку, совсем не боясь, что приближается в такой поздний час к чересчур веселым людям. «Вооружен, — подумала я, — поэтому и не боится».

Он поравнялся с нами. Был не молодой и не старый — лет сорока пяти. Надо было его тут же поставить в известность, что мы не идиоты, не обкутившиеся наркоманы, а, наоборот, очень даже благородные люди, занятые поиском пропавшего человека. И я его сразу спросила:

— Вам не встречалась в лесу девочка? Мы ищем ее.

Мужчина не торопился с ответом. Стоял, молчал, потом сам спросил:

— Который час?

— Без десяти двенадцать, — ответил Пантелей.

Незнакомец был какой-то растерзанный: волосы всклокочены, куртка как с чужого плеча и вся драная. Спросил про деревню Воиново. Мы вызвались его проводить, но он отверг нашу помощь.

— Вы идите своей дорогой, а я своей. Девочку вашу не видел, да и вы ночью ее не увидите. В потемках сами заблудитесь.

Чем-то мы ему не понравились, или он нас все-таки боялся. Стоял и ждал, когда мы уйдем.

Мы побрели обратно.

Бабушка уже спала, окно ее не светилося. Стол на

террасе был прибран. Доня завершила свои дела, но не ушла к себе, дождалась нас.

— Так люди не живут, — бурчала она, — ходите-бродите, ищете в стогу иголку.

— Иди, Доня, спать, — сказала Валерия.

Доня никуда не ушла и продолжала бурчать, при этом она почему-то все время поглядывала на меня. Никто особенно не вслушивался в ее слова, они были давно всем известны: и живем мы не так, и говорим не то, и в голове у нас солома. Но что-то в этот раз она особенно недовольствовалась.

— Доня, хватит, — опять прервала ее Валерия, — поздно уже, завтра поговорим.

— Пока ее не было, — продолжала, не обращая внимания на слова Валерии, Доня, — и жили мы спокойно, а приехала — и все пошло кувырком. Ползла она не в свои дела и всех за собой потянула. Теперь всем ни сна, ни покоя.

Загадки в ее словах никакой не было: «она» — это я, из-за меня здесь все неприятности.

— Доня, хватит ходить вокруг да около, — сказал Пантелей, — говорите прямо, что здесь случилось, пока нас не было.

И Доня сказала:

— Мальчик у меня на кухне сидит. Стриженный. Свету дожидается.

Женька спал, положив руки на стол, уткнувшись лбом в сплетенные пальцы. Мы не стали его будить, он

сам проснулся. Вскочил, спросил который час и заволновался, затараторил: что я за дурак, что наделал, она же там одна, я ей строго наказал никому не открывать, совсем забыл, что дядька может вернуться, он утром приехал, а мама в Москве, вот он и ушел по грибы и пропал, а к вечеру Наташа заявила, сказала, что у вас была и не застала Свету, а Света ей очень нужна... Женька горевал так отчаянно, что Пантелей не выдержал и прервал его вопли.

— Охолони, — сказал он, — возьми себя в руки. И ответь вот на какой вопрос: зачем Наташе понадобилась Света?

Женька задумался.

— Не знаю. Она так плакала, говорила, что жизнь ее кончилась: или отец убьет, или в тюрьму посадят. Пойдем, — Женька протянул мне руку, — пойдем, Света, надо ее успокоить.

— Света останется здесь, — сказала Валерия, — с тобой пойдет Пантелей. А утром на свежую голову мы спокойно во всем разберемся.

И тут случилось то, чего я никак не ожидала. Пантелей вспылil. Он стал так кричать, что мне показалось, сейчас произойдет что-то непоправимое: «Что я здесь делаю?! Во что меня превратили?! Я не мальчик на побегушках! Не забываете, кто я!» Он был в такой ярости, что Доня даже перекрестилась. На Валерию я боялась взглянуть.

Наконец он откричался, плюхнулся в кресло, вытянул ноги и закрыл глаза. Видимо, приходил в себя и даже раскаивался, что не сдержался и наговорил неиз-

вестно что. Но нет, не раскаивался. Передохнул, открыл глаза и четким, ледяным голосом произнес:

— Кого-то собрались спасать, а кого-то утробить. Жертвой, кажется, избрали меня. А у меня, к вашему сведению, завтра вечером ответственная запись, и я должен быть на ней бодрым и жизнерадостным.

— Тогда не трать время попусту, — сказала Валерия, — иди спать. А мы без тебя определимся, как будем действовать дальше.

Пантелею ее слова не понравились.

— «Определимся»! «Действовать»! Прямо штаб какой-то великой битвы. Мы же эту Наташу честно искали. Ну не нашли. Она сама нашлась...

Валерия перебила его:

— Эту прогулку до кладбища ты считаешь поиском?

Пантелей оставил ее вопрос без ответа.

— Мы привели в чувство, поставили на место, — продолжал он, — этих оборотней из Березки. Мы показали им, что Наташу есть кому защитить. А вообще этим делом нам особенно увлекаться не стоит. Все равно мы не сможем подменить собой ни следствие, ни суд.

Вот как он заговорил, будто совсем недавно не утверждал другое. Высказался и стал ждать, что скажет Валерия. Она долго молчала, потом каким-то равнодушным, скучающим голосом произнесла:

— Тебе действительно надо выспаться. — И направилась к двери, покинула летнюю кухню.

Пантелей двинулся за ней. Очень скоро у ворот заурчала машина. Мы решили, что они оба уехали в город. Но оказалось, что уехал один Пантелей.

Валерия вернулась без всякой печали на лице, наоборот, на нем было такое выражение, будто, провожая Пантелю, она увидела нечто, переполнившее ее отвагой и радостью.

— Молодой человек, — набросилась она на Женьку, — о чем вы думаете? У вас там дядька зябнет под окном, Наташа трясется от страха, боясь открыть ему дверь, а вы тут сидите, развесив уши. Давайте-ка бегом домой. А мы все — спать. Утро вечера мудренее.

9

Утром меня разбудила Жанна.

— Просыпайся, с Мариной истерика. Может, ты приведешь ее в чувство. Не знаем, что делать. Тут Юра мотается за воротами на своем велосипеде. Вполне может явиться. А она лежит на террасе почти голая.

С террасы доносились странные звуки, словно какой-то зверь уже отрычался и сейчас, обессиленный, стонет, подывая.

— А с чего это у нее началось? — спросила я.

— Да с ерунды, — ответила Жанна, — оказывается, ей надо срочно домой, а ее не предупредили, что Пантелей ночью уедет. Да этого же никто не знал. Сам Пантелей не подозревал, что так внезапно уедет.

Я поднялась, быстро оделась, стоны на террасе подстигивали меня.

— Сейчас приведу ее в чувство, — пообещала я Жанне, — сейчас она у меня на всю жизнь успокоится.

А ты иди к воротам, удержи Юру, если он сюда направится.

Марина лежала на полу в ночной рубашке. Услышав мои шаги, подняла голову и прошипела:

— Пошла вон.

Я направилась к двери, вышла на крыльцо. На углу дома под водостоком стояла бочка, рядом с ней ведро. Я вернулась с этим ведром, полным воды. Марина уже не лежала, а сидела, обхватив руками колени. Увидев меня с ведром, все поняла и заслонила руками.

— Не надо.

— Надо, — сказала я, — водные процедуры — это то, что тебе сейчас необходимо. — Подняла за дужку ведро вверх, поддерживая его другой рукой снизу, еще секунда — и вода хлынула бы на Маринину голову.

Но тут не рука моя, а что-то внутри у меня дрогнуло. Не могу. Не могу сделать этого. Так же как не смогла бы никогда плюнуть в человека или ударить его по лицу. Даже в самой последней ярости.

Марина окинула меня презрительным взглядом.

— Слабачка, — сказала, покидая террасу, — мелкая интриганка.

Я потащила тяжеленное ведро обратно во двор, вылила его под дерево и вдруг что-то как сдавило меня: не хочу возвращаться в дом, не хочу никого видеть. Что я здесь делаю, какие мелкие интриги плету? Хочу помочь Николе? Да что я могу? Что я вообще о нем знаю? Правильно вчера сказала Доня: меня не было, и все они тут жили спокойно, а присхала и все у них пошло кувырком. Вот и Пантелей ночью отчалил. Валерия

пока не горюет, но это пока. Потом, когда поймет, что он сбегал от нее навсегда, еще как загорюет. И скажет себе, что это все из-за меня. И еще эти вчерашние незваные гости. «Она должна убраться отсюда», — заявил отец Артема. Вот я и уберусь. А они пусть тут сами разбираются. Пусть им помогает будущая великая артистка, «подруга подозреваемого» — Зинаида Воробьева.

И все-таки не хотелось оставаться в их глазах «слабачкой». Противное какое слово. Только с Марининного языка могло сорваться. Вот она не слабачка. Устроила истерику, узнав, что Пантелей уехал. Сама-то приехала сюда из-за него. И могла бы уехать с ним, если бы ее разбудили. Поэтому рычала и бесновалась на террасе, а все охали-ахали, что это с ней. Знали что, но изображали недоумение. Все врут. Наташа врёт прокурору, отец Артема врёт, спасая своего подонка-сына, Пантелей врёт Валерии — не любит он ее, не бросают среди ночи любимых, не сбегают от них, и учительница врёт, обвиняя во всем Наташу. Сплошное вранье кругом. И в самом его эпицентре — я. Надо же чтобы хоть кто-то торчал посреди, как громоотвод, для всей этой неправды. Я сама подставила свою голову под удары, которые предназначены им, и теперь мне не выскочить из этого круга. Это ведь просто сказать: уеду. А как уедешь? С собой же все это вранье не увезешь.

На крыльце появилась Жанна, позвала меня завтракать. Я глянула на нее волком: завтракать они будут, забыли уже все, утонули в своем вранье. Забыли, что

Наташа ушла из дома, ждет сейчас помощи, а мы не бежим, не рвемся спасти ее.

Но ничего такого я не сказала Жанне, только кивнула, мол, сейчас приду, а сама устремила к воротам. Не нужен мне никто. Я сама разберусь во всей этой подлой истории, сама выведу этих лжецов на чистую воду. Только бы Наташа не дрогнула. А уж я не отступлюсь. И когда правда восторжествует, тогда даже Марина что-то поймет, даже она скажет: нет, ты не слабачка, ты — молодец.

Все эти отважные мысли подстегивали меня, когда я шагала в деревню. Я была переполнена верой в победу правды над враньем, верой в свои силы.

— Что это ты маршируешь, как солдат? — неожиданно раздался за спиной голос Юры.

Я оглянулась. Он поравнялся со мной, сбавил скорость, переднее колесо его велосипеда виляло.

— Отстань, — сказала я ему, — отвали.

Так и порывало сказать ему еще и другое: дурачок, что ты мечешься, жмешь на свои педали? Не к тебе приехала Марина. Успокойся. Хоть вы и стоите друг друга, она тебя в упор не видит.

Но такого не скажешь. Такая правда хуже вранья. Ею, конечно, не убьешь, но покалечить человека можно.

— Грубая ты, — сказал Юра и прыгнул с велосипеда. Перегородил мне дорогу, вознамерился поговорить. — «Отстань», «отвали» — разве так общаются с друзьями?

— Друг! — Тут бы мне расхохотаться, но смех, как и слезы, не возникает по заказу. — Никому ты не друг,

Юра. Ну, может, велосипеду своему, собачке, а людям ты не друг.

— Ого, как остро.

Юра не обиделся, ему мои слова — болтовня. Он даже рад поболтать с какой-то там Светой. Делать-то ведь нечего. Марина приехала, но не спешит к нему. Жанна со своей безответной любовью тоже больше не бродит вдоль его забора. А я лицо нейтральное в его дачной жизни, но все-таки живое существо, почему бы не поболтать.

— Не задерживай меня, Юра, я спешу.

— К другу, которого нет?

— Почему это нет? Он есть. Тебе лишь бы болтать. Кстати, где твой адвокат? И сам ты где? Тебя ведь здесь тоже нет.

— А где же я?

— Ты у меня об этом спрашиваешь?

Я все-таки заморочила ему голову. Он, кажется, обиделся. Спросил:

— Хочешь дам совет?

— Обойдусь.

— И все-таки дам. Уезжай. И поскорей, пока тебя здесь не прикончили.

Он уже не болтал. Совет прозвучал серьезно. Всю мою воинственность смыло как морской волной. Что он сказал? Меня могут прикончить?

— Юра, такими словами не бросаются. Ты что-то знаешь? Говори.

Юра не сразу ответил, смотрел в сторону, словно

обдумывал — говорить, не говорить. Наконец произнес сквозь зубы:

— Там, куда ты идешь, Наташи нет. Она уже дома.

— Ее нашли?

— Она сама вернулась.

Все оборвалось у меня внутри. Опоздала. Проспала. А потом эта Марина, ведро с водой, то да се — проворонила. А Наташа ведь ждала меня. Вчера приходила, спрашивала меня, ждала и не дождалась.

— Юра, откуда тебе это известно?

Он дернул плечом, словно что-то стряхнул с себя, голос прозвучал враждебно:

— Это всем уже известно. В Березке все говорят, что это ты подговорила Наташу поменять показания. Зачем ты, Светка, влезла в это дело?

Он вроде бы даже сочувствовал мне, но это было какое-то трусливое сочувствие. Словно залез в кусты, спрятался и оттуда чирикает: уезжай, тебя прикончат, ах, зачем ты влезла во все это.

— Как влезла, так и вылезу, — сказала я ему и даже улыбнулась. — А ты садись на свой велосипед и жми. Знаешь, есть такая песенка: развевались кудри на ветру... Это про тебя. — Еще секунда — и я бы заплакала, так тяжело мне давались эти слова.

Юра что-то понял, видимо, заметил, что я просто храбрюсь, что совсем мне это море не по колено.

— Не ходи туда, — повторил он, — и послушайся меня — уезжай.

Хорошо, что я не поддавалась его словам, не повернула с полдороги. Женька ждал меня. И мать его ждала.

Дверь в доме была открыта настежь и окна открыты. Увидев меня из окна, Женька бросился к калитке. И мать его вышла мне навстречу, и тот мужчина, которого мы ночью встретили у кладбища, тоже присоединился к ним. Все они были рады моему появлению, на их лицах просто было написано: как хорошо, что ты пришла. Мне даже в те первые минуты показалось, что Никола вернулся домой и сейчас тоже выйдет во двор. Ничем другим их радость нельзя было объяснить.

Они уже отзавтракали: на столе в центре — миска с остатками клубники, неубранные чашки, блюдца. Крошки и фантики от конфет на скатерти. Хозяйка принялась убирать со стола, а Женька понес самовар на крыльцо, раздувать его для нового чаепития. Родственник тем временем взял миску и отправился в огород, где на грядках изнывала от своей спелости чудо-клубника, какая и не снилась Доне. Похоже, они собрались сообщить мне свою новость за торжественным и праздничным столом.

Но праздника не получилось. Не смогла я справиться с собой. Юре смогла улыбнуться в ответ на его трусливые слова «тебя прикончат», «уезжай», а здесь не смогла. Слезы хлынули из глаз, и все тут. Хотя новость свалилась на меня такая, что впору было радоваться и смеяться от счастья. Наташа сегодня утром написала новое заявление в прокуратуру. «Пусть меня судят самым страшным судом, но я должна рассказать всю правду» — так оно начиналось.

— Она хотела его отвезти следователю, — сказал Женька, — но девочки уговорили ее вернуться домой,

а сами — на электричку. Сейчас, наверно, Наташино заявление уже в прокуратуре.

— Девочки — ее одноклассницы? — спросила я.

— Ее и Николины, — ответила мать. — Они тебя вспоминали, ты разговаривала с одной из них. С тобой еще была Жанна, твоя подруга. Вспомнила?

Нет, я не вспомнила. Мы ведь с Жанной не с одной, а с многими разговаривали. Мать продолжала:

— Я и не ожидала, что они так откликнутся. Ведь у всех сейчас в голове институт, приемные экзамены. А они вот какими верными людьми оказались. Книг по всяким таким уголовным делам накопили. Зинаида говорит: мне теперь не в театральный, а в юридический поступать надо.

Зинаида. Вот тут и хлынули мои слезы. Хорошо, что никто ничего не понял. Да я и сама не понимала, с чего это меня так прорвало. Наверно, тут многое одно к одному набежало: и вчерашние гости на террасе, и кладбище, и бегство Пантелея среди ночи, и Юрин совет — «уезжай». А Зинаида была уже последней каплей.

— Не плачь, — сказал Женька, — теперь уже нечего плакать, теперь всей этой клевете скоро конец.

Я тоже в это поверила — скоро. Но до конца еще было далеко.

— Я тебя провожу, обеспечу твою безопасность, — сказал Женька, когда я собралась уходить.

— Не надо, — ответила я, — солнце светит, птицы поют, нигде не стреляют, значит, ничего со мной не случится.

Провожать меня до калитки пошла сго мать. При- села на лавочку возле забора.

— Ты тоже сядь, — сказала, — мне кое о чем по- говорить с тобой надо.

Я села рядом с ней и замерла. Впервые почувство- вала, как тревога переполняет другого человека. При- чем человека сдержанного, не паникера, умеющего вла- деть собой.

— Первое, что я тебе скажу, — будет моя про- сьба, — голос ее звучал глухо и спокойно. — Не говори своей подруге Жанне, что Наташа поменяла показания. Я знаю, что Жанна хорошая девочка, но она может сказать сестре, а та еще кому-нибудь. В общем, очень надо, чтобы пока никто об этом не знал. Конечно, кроме тех, кто уже знает. Это надо для Наташиной пользы и для самой правды, которой мы добиваемся. Ты поняла? Выполнишь?

Я буду виноватой перед Жанной, но никуда не де- нешься. Просьба показалась мне разумной, и я кивнула: выполняю.

— Теперь второе. Не знаю, как к тебе и подступить- ся. — Она покачала головой, словно заранее не согла- шаясь с тем, что предстояло ей высказать. — Сама толь- ко сегодня утром об этом узнала. Ну да ладно, дело вот какос: девочки написали письмо в прокуратуру, в самую главную, в Москву. Про отца Артема. Про все сго дела и делишки. Как он прибрал все к своим рукам и на нефтебазе, и в Березке, как опутал людсй страхом. Написать-то написали, сказать и написать можно что

удотно, главное — доказать. А как они докажут? Кто им поверит?

— Поверят, — вырвалось у меня, — молодцы девочки!

Мать Николе как-то странно, с опаской и в то же время с удивлением, посмотрела на меня.

— И ты бы тоже смогла написать такое письмо?

— Конечно.

— И подписалась бы своей фамилией? Не побоялась бы?

— А кого бояться? Видела я его: лысый, живот, как арбуз килограммов на десять, и еще шорты напялил. В зеркало бы на себя посмотрел, урод.

— Ой! — вскрикнула как от боли мать Николе. — Жалко мне вас, молодых, и страшно за вас. Неопытные вы, жизни не знаете. И себя не знаете.

— Уж себя как-нибудь знаем, — возразила я.

— Если бы. — Она вздохнула и умолкла.

Молчала долго. Я поднялась, хотела уйти, но она остановила меня.

— Сядь. Я еще не все тебе сказала. Письмо главному прокурору девочки подписали твоей фамилией.

Ее слова не сразу дошли до меня. Первая мысль: откуда им известна моя фамилия? И уж только потом: почему, зачем, с какой стати?

— Они уже раскаиваются, но что сделано, то сделано. Адрес написали дачный, тот, где ты сейчас живешь. И теперь вот ждут ответа.

— Так меня надо было предупредить.

— А они все по-другому выстроили. У них почта-

льонша своя, прошлогодняя выпускница из их школы. Она им ответ и передаст.

Обратно я пошла лесом. Хотелось побыть одной, а на дороге мог встретиться все тот же Юра или Жанна, которая сразу вычислила, где я, и, подождав, отправится меня встречать.

Лес был добрый, знакомый, с низкорослыми елками и тонкими чахлыми березами. Он был вытоптан, тропинки исчертили его вдоль и поперек. Это если пойти вглубь, там начнется настоящий лес, с грибами и ягодами. А здесь он похож на старый запущенный парк, даже скамейку можно встретить и сесть, отдохнуть. Я шла, и забытые ощущения — тепло этого леса, его запахи, корни деревьев, проступавшие вдруг на тропинке — возвращали меня в прошлое. Сколько раз эти коварные корни, незаметные, отшлифованные подошвами ног, обрывали наш с Жанной бег, и мы падали, как подбитые влет птицы. Я тогда уже заметила, что лес каждое лето меняется. Вроде бы те же тропки, те же деревья, а все уже другое. Малинника нет, вымерз зимой. А орешник, который и похож-то не был сам на себя, какие-то жалкие, пыльные кустики, вдруг вошел в силу, расправился, распушился и если взглядеться, то и беленькие орехи заметишь в зеленых с бахромой околоплодниках.

Я шла и думала о том, что лес каждое лето другой, а я все та же. И люди тоже неизменны: если умные, то навсегда, а если дураки, то так же навеки. Дурочки, что ли, эти девчонки? Зачем они подписали письмо моим именем? Я же не какая-то знаменитость. Ну про-

читает главный прокурор это письмо, и что? Почему он должен верить мне, а не этому подлецу в шортах? Правильно говорила мать Николы: сказать и написать можно что угодно, главное — доказать. А я даже не знаю, что они в том письме написали. Я им скажу при встрече: я не возмущаюсь, девочки, и даже не обижаюсь на вас. Но все-таки вы должны были знать, что правду не добывают неправдой. А они ответят: тебе хорошо рассуждать, ты здесь не живешь, а мы родителей своих спасали от гнева их начальника, уж ты пойми и прости нас. И тут я у них спрошу спокойно, но сурово: а как я докажу то, о чем вы написали? Нет, я не буду торжествовать, глядя на их поникшие головы. Я, может быть, просто повторю вопрос: как я докажу? Вот тут они и задумаются.

На дачу ноги не шли. Там Жанна ждет меня, а я не могу даже ей сказать, что Наташа вернулась домой, что ее чистосердечное признание, наверное, уже читает следователь. О письме Николиных одноклассников мне уже и самой думать не хотелось. Будь что будет. Я ничего не писала и доказывать ничего не собираюсь. Пусть кто писал, тот и доказывает. И если меня вызовет какой-нибудь прокурор и спросит: если не ты, то кто это написал? Я отвечу: а вот на этот вопрос пусть вам ответят авторы письма. И тут я вздрогнула, представив новый вопрос прокурора: почему вы сказали «авторы», разве не один человек писал это письмо?

Меня изнурили все эти виртуальные диалоги. Я свернула с тропки, увидев широкий низкий пенек, и направилась к нему. Возле пня лежало гнездо, упавшее с

деревя, легонькое, уже покинутое выросшими птенцами. Выросли и забыли про свой домик, будущим летом соведут себе новый. А человек, даже если меняет свое жилище, никак не может забыть прежнего. И любовь свою первую помнит всю жизнь, и даже детские обиды. Когда-нибудь через много лет я скажу Николе, что он моя первая любовь, и возникла она не в то лето, когда мы с ним дружили, а в другом месте, в большом южном городе, где мы прожили с мамой два года. То гнездо — белый домик на окраине Краснодара — не брошено, в нем живут сейчас новые люди. После нашего отъезда папа тоже уехал из этого города.

Думать о своих родителях мне всегда трудно. Они любят друг друга, когда живут в разных городах, и никакой дружной семьи у них не получится, когда они вместе. Под злую руку мама во всем упрекает меня. Это из-за меня, чтобы у нас была полная, нормальная семья, она с ним съезжается. Из-за меня же и бросает его, потому что во всех их ссорах я беру его сторону, прямо на глазах превращаюсь в упрямого, несправедливого, эгоистичного человека. Потом она раскаивается в своих словах, говорит, что мне не повезло с родителями. Я ее успокаиваю: «Мама, дети очень часто воспитываются от обратного. У жадных родителей вырастают расточительные дети, а у каких-нибудь нижегородских мещан пламенные бунтари вроде писателя Максима Горького». У мамы хватает юмора без всякой обиды закрутить такой разговор: «Очень умная дочь. Следуя твоей логике, о родителях этого не скажешь».

Я люблю их обоих и, как мне кажется, знаю их

лучше, чем они сами себя. Все дело в их характерах, преданности своей работе и равноправии. У мамы глаза гаснут, лицо камнеет, когда она сталкивается с каким-нибудь суждением о том, что женщина идет по жизни вторым номером за мужчиной. Она убеждена, что если бы власть на нашей планете принадлежала женщинам, то человечество давно бы забыло, что такое войны, тюрьмы, пьянство и безотцовщина. Я не вступаю в эти разговоры, тут уж я держу дистанцию. Хотя есть что сказать по этому поводу. Во всяком случае, если бы моей маме вручили большие вожжи — мчись, женщина, прокладывая счастливый путь всему человечеству, она бы за каждый ухаб, за любую на пути колдобину винила бы не себя, а кого-то другого. Как сейчас под злую руку иногда винит меня за то, что никак не сложится у нас семейная жизнь. «Вот и начала бы каждая женщина со своей семьей, — хочется сказать ей, — приказала бы себе: за каждый ухаб, за каждую колдобину отвечаю я. И не надо тогда никаких всемирных вожжей, первых и вторых номеров, жизнь сама расставит всех по своим местам».

Я сидела на пне, согнувшись, обхватив руками колени. Наверное, вид у меня издали был горестный, потому что мальчишка, проходивший неподалеку, вдруг крикнул.

— Эй! Ты чего?

Я подняла голову. Мальчишка был совсем незнакомый, я его никогда раньше не видела. Подошел ко мне: голубые джинсы с разрезами в махрах на коленях, рубашка застегнута на самую нижнюю пуговицу, так что

весь загар на груди выставлен на обозрение. Ну и, конечно, грива до плеч, с которой московские пацаны давно уже расстались. Длинный, но не старше меня.

— Я ничего, — отвечаю, — а ты откуда такой свалился?

— Я из Сочи, — отвечает, — а ты бывала на море?

— Бывала. Я два года в Краснодаре жила. Это недалеко от моря.

И чего он так сразу расположил меня к себе? О чем ни спросит, отвечаю, как на уроке, все что знаю. Спросил бы, о чем задумалась, сидя на пенечке, я бы и на этот вопрос ответила: да обо всем понемногу — о птицах, которые не тоскуют по своим брошенным гнездам, о письме, которое я в глаза не видела, но оно считается моим, о родителях, которые хотят, но не умеют жить вместе. Он ли был такой уж замечательный, у меня ли было такое настроенье, но чувство доверия и интереса к нему охватило меня. Сидела, тосковала, и вдруг этот мальчишка.

— Как тебя зовут? — спросила.

— А как ты думаешь? Ну, какое имя мне подходит?

Ни с кем никогда я еще так не знакомилась.

— Подходит Эдуард, Эдик. Угадала?

— Обижаешь.

— Тогда Иван.

— Не подходит. У меня отец Леопольд. Иван Леопольдович — это же кошмар.

— С таким отчеством любое имя — кошмар.

— А вот теперь отца моего обижаешь. Что дети родителей не выбирают — это тебе, конечно, известно. А

вот то, что родители имя себе не выбирают — этого ты не знаешь.

— Извини, буду знать. Так как же тебя все-таки называли без всякого твоего согласия?

— Хорошо называли, даже замечательно — Сергеем.

— Сережа, можно я тебя буду звать Сергеем Леопольдовичем?

— Сделай одолжение. А мне как тебя величать?

— Светланой Петровной.

Кое-что я о нем узнала. Приехал он сюда вчера к своей бабушке. У нее здесь дача на улице Грозной, по соседству с Юрой. Нет, с Юрой он еще не познакомился, так что пока здесь я его единственный друг.

— Так сразу и друг? — усомнилась я. — Очень уж легко они у тебя заводятся.

Он был немного странный и очень милый.

— А тебе бы хотелось быть единственной? Почему это девчонки все хотят быть единственными?

— Потому что ревнивые, — ответила я ему серьезно.

Он хлопнул себя ладонью по лбу и закружился на одном месте, потом брякнулся на траву, подрыгал ногами, вскочил и сказал:

— Это из-за тебя у меня крыша поехала. Между прочим, словом можно и убить. Тебя даже опасно о чем-нибудь спрашивать, сразу взяла и выдала всех девочек.

— Успокойся, не всех. Ревнуют только влюбленные.

Он опять покривлялся, повихлялся и на вдохе спросил:

— Значит, ты в меня еще не влюблена?

— «Еще». Не смей меня.

— Так это же хорошо, когда кто-то кого-то смешит.

Я была с ним согласна, но не сказала ему об этом. Очень уж он был какой-то отвязанный. Может, у них в Сочи все мальчишки такие, но среди здешних он будет выделяться.

Когда я сказала, что ухожу, мне пора, он пожал плечами.

— Что ж, очень рад был с вами познакомиться, Светлана Петровна.

— Мне тоже, Сергей Леопольдович.

10

На террасе меня встретило гробовое молчание. Сидели за столом и зловеще молчали, словно сговорились: она ждет вопросов, упреков, но не будет этого. У Жанны на лице обида, Валерия подняла брови, но взгляд пустой, безучастный, мол, никому не интересно, где ты была, откуда явилась. И Бабушка с ними заодно: сидит нахохлившись и покачивает головой в такт каким-то своим мыслям. Я понимаю, что они возмущены: если ты здесь гость, то и веди себя как гость, не шлейся где попало. И все-таки не велика моя вина, чтобы устраивать такой вот спектакль.

— А Марина уехала? — спрашиваю, чтобы прервать это демонстративное молчание.

Отвечает бабушка:

— Сначала объясни, кто такая Марина.

Еще не легче. Может, они сговорились прикинуться сумасшедшими?

— Марина, — отвечаю, — это такая особа в юбке с бахромой и выщипанными бровями. Вспомнили? Она еще тут утром лежала на полу в ночной рубашке.

— Прекрати! — оборвала меня Валерия. — Есть хочешь?

— Хочу.

— Иди на кухню. Доня тебя накормит. Потом поговорим.

Просто все как. Будто мне в горло что-нибудь полезет после такой встречи. Нет уж, пусть сначала расскажут, что тут без меня случилось, если случилось. С чего это они объявили мне бойкот? Но все мои слова не достигали их.

— Иди поешь, — твердила Валерия, — ты уже от голода заговариваешься. Иди, мы будем тебя ждать.

Только Доня встретила меня по-человечески. Щедрой рукой наполнила до краев тарелку зелеными щами, села напротив, приговаривая:

— Ешь, моя девочка, надайся впрок. В гостях — не у мамы родной, лишний раз не попросишь.

Что-то голос ее звучал чересчур слейно, и котлетам, как обычно, счет не вела, вместо одной положила мне на тарелку две. Когда я собралась уходить, вдруг сказала:

— Может, тебе не ходить к ним? Может, спрячешься у меня в подвале?

Ну совсем они тут без меня все чокнулись. Что еще за подвал? Почему мне надо в нем прятаться? Но прямо спросить об этом Доню не решилась, на прямые вопросы она любит отвечать своими поговорками. А в этих по-

говорках все как зашифровано. Спросила просто так, без всякого интереса:

— А меня там мыши не съедят?

— Какие мыши? — возмутилась Доня. — Там же продукты! Скажешь тоже — мыши. Ты до вечера только посидишь, этот придет — тебя нет, потопчется и уйдет.

Кто такой «этот», я выяснять не стала. Поднялась, пошла к двери, Доня схватила меня за руку:

— Послушайся меня, посиди в подвале. Этот пообещал еще раз сегодня прийти. Ему говорят: она ребенок, у нее мать в командировке, мы сами за нее все ответим, а вам разговаривать не разрешим с ней. А он: ребенок письма куда не надо не пишут, а она у вас писательница, вот пусть теперь объяснит, что она в письме насочинила, кто это ей внушил.

Кое-что прояснилось. Письмо. Наверное, та почтальонша, с которой договорились девочки, проворонила ответ. И теперь он в руках тех, кто запугал Наташу, подкупил ее родителей, кто задумал посадить в тюрьму без вины виноватого. Ответ у них в руках, а самого письма нет. Вот я и понадобилась. Очень им надо узнать, что в том письме.

Они все так же сидели за столом, но теперь у них вид был просто усталый. Я шагнула на террасу и, не отходя от двери, прямо с порога начала свою речь:

— Прежде чем возмущаться и судить человека, надо узнать, в чем этот человек виноват. Я виновата только в том, что ушла утром и не сказала вам куда. Но я же вернулась, и вы должны радоваться, что я живая и

люблю вас как прежде. И если тот человек наставит на меня пистолет и скажет: я убью тебя, если ты не скажешь, что в том письме, я отвечу: стреляй, убивай — и ничего не скажу. Я не знаю, что написано в том письме. И даже вам не могу сказать, но мне надо, чтобы вы мне верили...

— Остановись, — сказала Валерия, — ты посла и сейчас как пьяная. Тебя качает, ты совсем сегодня мало спала. Иди спать.

Жанна пошла со мной. Села на кровать у меня в ногах, смотрела в сторону, ждала, когда я ей что-то скажу. А я не могла сказать ей не только о письме, даже о том, что Наташа написала другое заявление и что сейчас она уже дома, тоже не могла сказать.

— Что ты молчишь? — спросила Жанна.

— Не знаю, как начать. Я сегодня в лесу познакомилась с Серсжей. Смешной такой, присхал из Сочи. Представляешь, живет у моря и зачем-то притащился сюда. Как ты думаешь, зачем?

— На тебя посмотреть, — сказала Жанна, — по моему, ты бредишь. Спи.

Проснулась я, когда за окнами уже было темно. На террасе гудели голоса. Присхали гости. Я прислушалась: не просто ужинают, а пируют, празднуют что-то. Вдруг все смолкли и какая-то гостья запела романс. Пела ужасно, о таких певцах говорят: много голоса и мало слуха. Но все слушали и, когда она закончила, стали аплодировать и восхищаться. И здесь, как везде, люди зачем-то врут друг другу. А потом вдали от этой певицы будут посмеиваться: мы в детстве таких называли гу-

дошниками, сй же медведь на ухо наступил. Такос я уже слышала, и певицу вспомнила. Она двоюродная сестра отца Жанны, училась с ним когда-то в одном классе. В каждом застолье он вспоминает что-нибудь смешнос из того врмени. В школе сго сестрица Адочка прославилась тем, что, отвечая урок, изрекла фразу: «В Южной Америке чем южней, тем северней». Класс под-сказывал: «холодней», но она упорно стояла на своем: «северней». Тсперь она уже давно не молодая, но по-прежнему — Адочка, даже се двоюродная племянница Жанна, по-мосму, не знаст се полного имсни и отчест-ва. И вот ведь какое дело: мы с Жанной ломали головы, не зная, как помочь Николе, где найти адвоката, и ни разу тогда наши озабоченные головы не осенило, что Адочка юрист, долгие годы работала в адвокатуре. Возможно, эта фраза на уроке географии сделала Адочку в наших глазах вечной тупицей. Но скорей всего не вспомнили мы о ней, потому что и в прежние годы она появлялась здесь рдко, а нынче — вообще впервые. И мы о ней просто забыли.

Появляться на террасе в разгар застолья мне не хотелось. Но можно было вырваться на простор и не пересекая террасу. Через окно. Этим входом и выходом мы с Жанной иногда пользовались. Не зажигая света, чтобы не напустить в комнату комаров, я открыла окно и вылезла наружу. Подошла к крыльцу. Электрический свет на террасе освещал эту сторону двора, и еще пла-фон на столбе возле ворот посылал на землю свой сла-бый, зыбкий свет. Я хорошо видела сидящих за столом, а они меня нет. Как же подать знак Жанне, чтобы она

вышла? Раздумывая, двинулась по тропке к сторожке. Там широкая скамейка, сяду и буду ждать. Когда-нибудь ведь надоест Жанне эта шумная, совсем не наша компания.

Сторожка была недалеко от ворот, но свет фонаря ее не достигал. И я не сразу заметила мужчину, сидящего на скамейке. А когда заметила, то подумала, что это кто-то из гостей. Может быть, даже музыкант с абсолютным слухом, которого доканали романсы Адочки. Я подошла поближе, мужчина поднялся и сказал:

— Сядь. Ты мне как раз и нужна.

Я не села, и он продолжал стоять. Страх сковал меня, показалось, что он сейчас схватит меня за руку и куда-то потащит. Я глянула в сторону террасы, увидела, что Доня вышла на крыльцо, хотела ее позвать, но вдруг вспомнила ее слова: «Этот придет — тебя нет, потопчется и уйдет». Вот он и пришел — «этот». Надо было послушаться Донию и спрятаться в подвале.

— Не дрожи, — сказал мужчина, — я тебе не враг. Скорей наоборот. Я из тех, кто хочет и может помочь Николе. Конечно, и ты не должна оставаться в стороне.

Был он в спортивном костюме, молодой, высокий. Я не разглядела в темноте его лицо, но чем-то он напоминал Пантелю, что-то такое театральное от него исходило. Положил мне ладонь на плечо.

— Пойдем. Нам надо поговорить где-нибудь в другом месте.

У меня не хватило смелости дернуть плечом, стряхнуть его руку. И убежать не смогла бы, ноги сделались пудовыми. Единственное, что смогла, это сказать:

— Я никуда не пойду.

Он понял мои слова по-своему.

— А никуда идти не надо. Мы поедем, поговорим, и я быстренько привезу тебя обратно.

Голос его звучал уже по-другому, беспечно и дружески.

— Днем ведь, сама понимаешь, дел выше головы. То одно, то другое. Все подследственные врут, изворачиваются, меняют показания. Только после рабочего дня, вечером или ночью, когда все спокойно, проанализируешь все, что они говорили, и забрезжит кос-какая истина.

— Так вы следователь?

— А ты подумала? — Он сел, вытянул ноги и откинулся на спинку скамейки. — Не только следователь, но и начальник той группы, которая занимается наиболее тяжкими преступлениями. Сволочная, я скажу тебе, работа. Люди сейчас телевизор смотрят, или, как эти, — он кивнул в сторону террасы, — выпивают, песенки слушают, а мне вот свою лямку служебную тянуть приходится.

Хорошо, что я выпалась, а то ведь, замороченная событиями этого дня, вполне могла бы поддаться, поверить ему, поехать неизвестно куда на ночь глядя. А тут меня как водой холодной окатило, даже страх прошел, когда он сказал про свою работу. Вполне возможно, что подследственные врут, изворачиваются, меняют показания, но и ты врешь. Тот, кто так предан своей работе, что и ночью по своей воле ее не оставляет, не

может назвать ее сволочной. Так что ты не следователь, ты кто-то другой.

— Я сейчас никуда не пойду и не поеду с вами, — сказала я, — давайте встретимся завтра.

Он не ждал такого ответа, верней, такого спокойного, без всякой робости моего голоса. Кажется, даже растерялся.

— Как это не пойдешь и не поедешь?

— А вот так.

Он молчал довольно долго, потом сказал:

— Значит, так: завтра в двенадцать дня я тебя буду ждать на станции, с правой стороны платформы.

И поднялся со скамьи. Исчез в темноте, как растаял. Калитка, выпустив его, даже не скрипнула.

На террасе продолжалось застолье. Жанны там уже не было. Я обогнула дом, заглянула в нашу комнату через окно и там ее не увидела. Из беседки донеслись до меня негромкие голоса. Прислушалась — кажется, Валерии и Жанны.

Увидели меня и смолкли. Многозначительно так замолчали, мол, у тебя свои дела и разговоры, у нас свои. Я сказала себе: не затевай склоки, не выясняй отношения, ведь все равно ничего им объяснить не можешь. Мне бы самой кто объяснил, зачем эти девчонки подписали письмо моей фамилией и чего хочет добиться от меня этот лжеследователь. Что он самозванец, подставной, в этом я не сомневалась.

— Заходи, Света, присаживайся, — сказала Валерия, — что ты стоишь в темноте как чужая?

Я поднялась в бесsedку, они сидели за столиком напротив друг друга. Жанна даже не глянула на меня.

— Может, все-таки расскажешь, что с тобой происходит? — спросила Валерия.

— Она влюбилась, — опережая мой ответ, сказала Жанна. — Он приехал из города Сочи, и Света закатила глаза: прощай, Никола, здравствуй, мой сказочный принц.

Я понимала Жанну. На ее месте я тоже обижалась бы на то, что моя лучшая подруга что-то от меня скрывает.

— Ты днем говорила о каком-то письме, — сказала Валерия, — что даже под дулом пистолета никому ничего о нем не расскажешь. Откуда ты знаешь, что кто-то приходил и интересовался этим письмом?

— Мне Доня сообщила. Она мне даже предложила посидеть в подвале, чтобы не попадаться ему на глаза, когда он еще раз заявится.

— Не явился почему-то, — Валерия даже посмотрела по сторонам, может, все-таки явился и прячется где-нибудь в кустах, — странный человек, похож на спортсмена, не очень успешного, не достигшего высоких результатов. И лицо молодое, красивое, но чего-то главного в этом лице не хватает.

Мне хотелось сказать, что я согласна с ней, хоть этого лица в темноте не рассмотрела. И вообще, мне хотелось все им рассказать, снять с себя не только волнение перед завтрашней встречей на станции, но и весь тот груз молчания, который возложила на меня мать Николы.

— И все-таки, Света, мы вправе знать, о чем это письмо, что в нем написано, — сказала Валерия.

И тут я дала волю всей своей искренности:

— Милые мои, хорошие, ну поверьте мне! Ни единого слова, ни одной строчки я не видела в этом письме и понятия не имею, что в нем написано.

— Поверим сй? — спросила сестру Валерия.

Жанна ничего не ответила, только слегка пожала плечами.

II

Утром мы помирились. Я проснулась и увидела, что Жанна стоит возле моей кровати и лицо ее сияет от счастья.

— Вставай! Ты представить себе не можешь, что я сейчас вспомнила.

— Что?

— Нет уж, ты поднимись, приведи себя в порядок, и тогда я тебе торжественно вручу этот подарок.

Подарок оказался для меня не таким уж сюрпризом.

— Слушай внимательно и не упади в обморок, — сказала Жанна, — адвокат, которого мы так искали, сейчас рядом с нами. Это Адочка.

Я все-таки зашаталась и плюхнулась на пол. Жанна точь-в-точь повторила все это и оказалась рядом со мной. Мы обнимались, смеялись, бурно радуясь «подарку», но, наверно, больше все-таки тому, что помирились. Надежда на Адочку-адвоката была призрачная.

Во-первых, очень уж давно она рассталась со своей профессией. Во-вторых, человек, который не слышит фальшивых нот в своем пении, вряд ли способен распутать узел преступной лжи и фальши.

— Пойдем походим по улице Грозной, — сказала я Жанне, — давненько мы там не гуляли. Кстати, сказочный принц, как ты его назвала, поселился на этой же улице, напротив Юры. Теперь мы будем смотреть в разные стороны: ты в одну, я в другую. По-моему, это смешно.

— Не очень, — ответила Жанна, — но кое-кто обхохочется. Я имею в виду Юру. Он ведь считает, что ты без памяти влюблена в Николу. А тут этот, из Сочи, если он тебе, конечно, не приснился в ту ночь, когда мы уснули под утро, вернувшись с кладбища.

Она не верила в Сережу, считала его моей выдумкой и тогда, когда мы с ней утюжили улицу Грозную, ходили вдоль ее высоких заборов. То и дело спрашивала: «Ну, где же он?» Довела меня до того, что я и сама стала сомневаться: действительно ли существует в природе этот Сережа или примерещился мне в лесу.

Ходили, ходили и «выходили», но не Сережу, а Юру. Он вышел из калитки без своего шикарного велосипеда и собаку не взял с собой. Она попробовала увязаться за ним, но он отшвырнул ее ногой и захлопнул перед ее носом калитку. Весь наш разговор с Юрой происходил потом под сиплое, какое-то простуженное завывание этого обиженного пса.

Юра был в хорошем настроении. Подошел к нам с улыбкой.

— Привет, девочки! У вас есть ко мне вопросы?

— Ни одного, — ответила Жанна, — а вот ты со своим вопросом что-то задержался.

Юра поднял брови, выражая недоумение.

— О чем же я вас всегда спрашиваю? Что-то не припомню.

— Тогда придется напомнить, — Жанна подмигнула мне и, передразнивая Юру, произнесла: — «Девочки, а где Марина?»

Ну Жанна... Уж такого я от нее совсем не ожидала. Юра тоже удивился, но не настолько, чтобы потерять дар речи.

— Марина, как я понимаю, уехала, — произнес он, глядя на Жанну свысока, но в то же время и с обидой, — и кое-кто этому, по-моему, рад.

— Уж не я ли? — спросила Жанна. — Она не ко мне приезжала, так что ее исчезновения я не заметила. А ты расстроился, даже к велосипеду своему охладел и собачку обидел, не взял с собой, вон она за оградой бегают, плачет.

Неужели это та самая Жанна, которая совсем недавно так трепетала перед Юрой?

— Собачку можно позвать. Когда ее хозяина обижают, она, между прочим, защитить может. — Голос Юры зазвучал примирительно.

А Жанну уже не остановить.

— Лучше бы она от тебя людей защищала.

— Тебя, что ли?

— И меня в том числе.

Я стояла в стороне, не вмешивалась. Понять не

могла, что происходит с Жанной. Благодушное настроение покинуло Юру.

— Чего ты сюда приползла? — вдруг крикнул он. — Тебя звали? Тебя никто никогда сюда не звал, сама маячила туда-сюда, выглядывала, выжидала. А сейчас какая муха тебя укусила?

— Могу объяснить, — ответила Жанна, — раньше никто меня сюда не звал, а теперь позвали. Когда увидишь, кто позвал, тогда что-нибудь поймешь. Не чета тебе — принц из сказки. Зовут Сережа. Загорелый, как индеец, и отважный, как Робин Гуд...

Что она еще говорила, я уже не слышала. В глазах у меня потемнело, сердце застучало от страха. Из калитки вышел Сережа и направился к нам. Жанна и Юра стояли к нему спиной и не видели, как он приближается. Бедная Жанна, она не поверила мне, была убеждена, что он моя выдумка... и что сейчас будет? Я ринулась навстречу Сереже. Когда оглянулась, то увидела, что Жанна бежит в противоположную сторону, а посреди улицы стоит Юра и смотрит то вслед Жанне, то в мою сторону.

— Знакомься, — сказала я, когда мы приблизились к Юре, — это и есть тот самый отважный Робин Гуд, о котором говорила Жанна.

Сергей протянул руку, представился. Растерянный Юра довольно мрачно буркнул в ответ свое имя. Теперь мне надо было как можно быстрее увести Сережу, чтобы Юра не выяснил, что Робин Гуд и Жанна не знакомы друг с другом.

На Сережиной руке красовались пижонские часы —

черные, квадратные, с выразительным белым циферблатом. Они показывали пятнадцать минут двенадцатого. Еще есть время, но уже пора направляться в сторону станции, где меня будет ждать этот тип. И надо что-то придумать, рассказать Сереже об этой встрече.

— Не скучай тут без нас, — сказала я Юре, — может быть, сегодня еще встретимся. Ну не сегодня — так завтра. И вот такая просьба: увидишь Жанну — ни о чем ее не расспрашивай, придержи свое любопытство. Я тебе все сама потом расскажу.

Вид у Юры был обалдевший, куда только подевалась его самоуверенность. Сережа тоже ничего не понимал, но ему как бы и положено было ничего не понимать: недавно приехал, о том, что здесь происходит, понятия не имеет.

— Ты что-то чересчур строга с этим Юрой, — сказал он, когда мы шли по улице Грозной, — и девочка эта почему-то убежала. Я, кажется, не вовремя появился.

Я не стала его успокаивать. Голова моя раскалывалась: как и что ему рассказать, чтобы он согласился помочь мне. Пересказывать всю эту ужасную историю, начиная с заявления Наташи в прокуратуру, не было у меня ни желания, ни времени. И о письме, которое девчонки подписали моим именем, я ему сказать не могла, просто не имела права. Получится, что подруге не сказала, а первому встречному выложила. Кто же он еще, если не первый встречный? Встретила вчера случайно в лесу и ничегошеньки я о нем не знаю. Ну приехал из города Сочи, а разве в этом южном городе нет негодяев и хлюпиков?

Но рассуждать обо всем таком у меня уже не было времени.

— Сережа, ты способен помочь человеку, не спрашивая, что случилось, зачем, почему?

— Если тебе — я готов, — не раздумывая, ответил он.

Сказал и сразу снял с меня огромную тяжесть. Я рассказала ему о предстоящей встрече с человеком, который назвал себя следователем. Он будет ждать меня с правой стороны платформы.

— А ты взойдешь на платформу с левой стороны. Заметишь, в какой вагон мы войдем, а сам сядешь в любой. Потом, когда электричка двинется, перейдешь в наш вагон. Тебя он не знает, так что ты спокойно можешь выйти вместе с нами и проследить, куда мы пойдем...

Сережа молчал, мне показалось, что молчит он слишком долго.

— Ты передумал?

— Я думаю. Мне надо успеть взять билет, а то высажат как зайца и вся наша операция лопнет. У тебя есть деньги?

Денег у меня с собой не было.

— Выкручусь, — успокоил он меня, — в крайнем случае прикинусь, что потерял билет. Сколько он у вас тут стоит?

И этого я не знала.

— Золотое детство продолжается, — сказал Сережа. — Что дорого, что дешево и вообще что почем —

это мы не проходили. Об этом надо спрашивать у мамы. Так?

Он тоже не знал обо мне ничегошеньки, даже того, что я здесь живу без мамы.

Ему, конечно, хотелось узнать, что вся эта слезка, которую я возложила на него, означает. Но он был человек слова: сказал, что готов помочь, ни о чем не спрашивая, и держался этого.

Но все наши планы в один миг полстели кувырком. Тот, кто назвался следователем, хоть и назначил свидание у платформы, но схать на электричке не соби-рался. Машина ждала его под деревом, неподалеку от ресторанчика из белого кирпича «У Васи».

— А я думала, что мы поедем на электричке, — сказала я и подняла голову, оглядывая платформу.

Сережи там не было. И внизу я его не увидела. «Иди, иди за нами, запомни номер машины», — беззвучно кричала я ему, но мысли, к сожалению, не передаются на расстояние.

Мы ехали в обратную сторону от Москвы. Я сидела на заднем сиденье, глядела в окошко. Места были незнакомые, я здесь никогда не бывала. Успокаивало почему-то, что мы едем параллельно железной дороге, в потоке машин, а не какими-нибудь пустынными полями и лугами.

Года два назад в нашем классе проводил беседу о личной безопасности работник милиции. Тогда в газетах часто появлялись заметки о жутких преступниках-маньяках — вот нас и хотели обезопасить от них. Единственное, что я запомнила, это то, что надо отбиваться

и кричать что есть мочи, если тебя потащат в лифт или машину. В конце той беседы милиционер отвечал на вопросы. Я ни о чем не спросила, а надо было спросить: а что делать, к примеру, если тебя никто никуда не тащил, а ты сама, как доверчивая овца, уселась в машину и поехала неизвестно куда? Интересно, что бы он ответил...

— Ты там жива? — спросил, не поворачивая головы, мой водитель. — Что-то ты сегодня очень тихая.

До сих пор понять не могу, как это случилось, но в ответ я вдруг запела. Старую бодрую песню, которую даже не мама, а бабушка моя пела со своими подругами, когда они собирались вместе. Там еще такой припев:

— А ну-ка, девушки, а ну красавицы,
Пуškai поет о нас страна.
И с песней звонкою пускай прославится
Среди героев наши имена.

Я понимала, как нелепо и не к месту звучит мое пение, это было что-то нервное, сродни тому смеху, который обуял нас с Жанной на кладбище, но остановиться не могла. Когда умолкла, он спросил:

— Как это понимать?

— Никак, — ответила я, — понять все невозможно, надо кое-что оставлять и непонятым.

Пусть знает, с кем имеет дело, не так я проста, как ему показалась.

— С тобой не соскучишься, — сказал он и уже до самого конца нашей дороги ничего больше не говорил.

Дом, в который мы вошли, я хорошо не разглядела, но это было явно какое-то заброшенное здание. И ка-

бинет был неопрятный, запущенный. На полу — высокие стопки старых газет и журналов. Рядом с ними разноцветные папки, раздувшиеся от своего содержимого, тоже возвышались неровными пирамидами. Наверное, в них хранились никому уже не нужные документы. На письменном столе среди всякого канцелярского мусора в черной бутылке из-под вина белели три крупные искусственные ромашки. От них веяло чистотой и покоем.

— Это ваш кабинет? — спросила я.

— Нет, это не мой кабинет, — ответил он, — это место, где мы будем разговаривать.

Наконец-то я его рассмотрела. Был он не таким молодым, каким показался при первой встрече, но из тех, кто очень заботится о своей молодости. В одежде что-то мальчишеское — джинсы чересчур узкие, рубашка из «мокрого» шелка. И волосы под соломой. Такой взъерошенный, щеголеватый юноша. А глаза усталые, тяжелые, и щеки, словно потеряв свою упругость, уже рухнули вниз. Но двигался легко, разговаривал энергично. Ну хочет быть молодым — пусть будет, мне-то что, мне все равно.

Он достал чистые листы бумаги, разделил их на две части. Одну протянул мне и спросил:

— Начнем?

Я кивнула и тут же задала свой вопрос:

— Как вас зовут? Как мне к вам обращаться?

Он замялся, словно не было у него ответа, стал зачем-то хвалить меня:

— Ты молодец, не теряешь самообладания, на твоём

месте не каждая твоя сверстница так бы себя вела. А называй меня просто Володей, можно даже на «ты». На вопросы отвечай спокойно, обстоятельно. Тут он широко улыбнулся и добавил: — Только, пожалуйста, больше не пой.

Первый вопрос был о Николе, откуда я его знаю.

— Он друг мой, — ответила я, — два года назад мы с ним познакомились и подружились. Потом два лета меня здесь не было, а когда приехала, то узнала, в какую беду он попал.

— Он просто твой друг или больше? Может быть, это любовь?

Вот с кем мне о любви говорить совсем не хотелось, так это с Володей. Если он следовательно, то пусть расследует события, а не мои чувства.

— Это к делу не относится, — сказала я, — может, любовь, а может, не любовь. Мы ведь с вами серьезный разговор ведем, а не секретничаем, как две подружки.

Он задумался, глядя на меня своими тяжелыми, неподвижными глазами.

— Пожалуй, ты права. Давай упростим это дело. Я продиктую тебе несколько вопросов, а ты в письменном виде ответишь на них.

Вопросы были довольно странные. На какой улице и у кого именно мы с мамой снимали дачу? В каком городе живет мой отец, как его зовут и кем он работает? Общаемся ли мы с мамой и в Москве с семьей академика Зотова? И еще несколько вопросов все в таком же роде. Я быстро написала ответы и протянула ему листок.

Он пробежал его глазами и сказал:

— Я так и думал. Тсперь напишешь еще пару строчек, и все. Я тебе их продиктую.

Он еще не начал диктовать, а я уже все поняла.

Письмо!

И не ошиблась. Кажется, это были его начальные строки.

«Пожалуйста, не удивляйтесь, что я, человек временный и посторонний в этих местах, обращаюсь к вам с этим посланием, — диктовал он. — Дело в том, что местные жители до того запуганы, что боятся друг другу сказать слово правды, а уж о том, чтобы сообщить в прокуратуру о всех безобразиях и преступлениях, которые здесь творятся, они и подумать не смеют».

Ох, девочки... Кто же так борется за правду? Лучше бы совсем без подписи, анонимку послали, чем вот так распорядиться чужим именем. Я отодвинула от себя листок. Не буду ни о чем спрашивать. Мне уже все ясно: сличал почерк тот, что в письме, и мой, настоящий. Убедился, что письмо писала не я.

— У тебя есть ко мне вопросы? — спросил он.

— Нет.

— Совсем не интересуется, что за текст я тебе диктовал?

— Совсем не интересуется.

Он помотал головой, как бы удивляясь.

— Ну ты и орешек.

Я пожала плечами. Он мне все больше и больше не нравился. Что это у него за работа? Если он действительно следователь, то зачем ему надо было везти меня сюда, в эту заброшенную контору, куда уже давно не

ступала нога человека? Скорей всего, он просто дурак. Умный человек в его возрасте носил бы другого покроя джинсы и не красил бы свою шевелюру в такой вызывающий золотисто-соломенный цвет. И отчество свое скрывает. «Называй меня просто Володей». Наверное, он такой же Володя, как я Клеопатра. Я даже не удивлюсь, если у него вообще нет никакого имени.

— Меня пару часов не будет, — сказал он, — ты здесь не скучай. Почитай что-нибудь. — Он кивнул на покрытые пылью стопки книг и журналов. — Кстати, у меня в машине кофе и печенье, я сейчас принесу.

Этого только не хватало. Какие журналы, какой кофе? Да не хочу я здесь и секунды лишней оставаться.

— Я здесь не останусь, — сказав это, я поднялась со стула и двинулась к двери.

— Стоять! — вдруг рявкнул он. — Там все закрыто. Садись и слушай.

Он спешил, глядел на часы, я ломала ему какие-то планы. Сказал, не глядя на меня, скороговоркой:

— Наташу надо спасать. Я за ней сейчас поеду. Привезу сюда. Только ты можешь на нее повлиять. Она на краю гибели. Сегодня утром мать вытащила ее из петли. — Он умолк и поглядел на меня так, будто я была виновницей всех Наташиных несчастий. Потом, поменяв свой гнев на милость, заговорил совсем другим тоном: — Понимаешь, какая история: эта дуреха передала вчера в прокуратуру другое письмо, отсклась от того, что было написано в первом. Не понимает, под какую статью себя подвела. Ведь теперь ее первое пись-

мо — заведомо ложный донос. Это сто семьдесят третья статья, и тут уж Наташе не будет никакой пощады.

Он все-таки действительно был юристом. Номер статьи и эти слова — «заведомо ложный донос» — просто так не придумасшь. Но пусть он все-таки не думает, что сразил меня этой статьёй.

— В прокуратуре разберутся, — сказала я, — выяснят, какое письмо из двух правдивос, какое ложнос. Разберутся и накажут тех, кто заставил Наташу взвалить чужую вину на Николу.

— У меня нет времени рассуждать с тобой об уголовном кодексе, — произнес он, направляясь к двери, — об этом вашим учителям надо было думать. Но кое-что запомни: во-первых, прокуратура никого не наказывает, во-вторых, второе письмо Наташи там даже не будут рассматривать.

Сейчас он закроет за собой дверь, запрет меня, и я буду здесь сидеть, как в тюремной камере, и ждать неизвестно чего. Даже если он и в самом деле привезет сюда Наташу — что я ей скажу, как смогу на нее повлиять? Нет, надо сейчас, пока не поздно, вырваться отсюда. Видимо, та беседа милиционера о преступниках-маньяках не пропала даром: надо отбиваться, кричать, звать на помощь. И пусть этот Володя знает об этом.

— Предупреждаю, — сказала я, приближаясь к нему, — если вы меня запрете здесь, то я устрою такой тарарам, такой подниму крик, что кто-нибудь да услышит. Окна повыбиваю или на чердак заберусь и оттуда спрыгну...

Он опешил. Мне его даже жалко стало, так он растерялся. Все, чего он так старался достичь своим цветом волос и узкими джинсами, вдруг случилось само собой — передо мной стоял, словно у доски на уроке, обиженный мальчишка, получивший за свой прекрасный ответ двойку.

— Это я еще вчера должен был предвидеть... — начал он и, не закончив, махнул рукой. — Пошли.

Мы вышли на улицу. Тут уж я была в безопасности. И пусть он не надеется — к машине я не подойду. И денег на билет просить не буду. Судя по всему, до моей станции отсюда не больше двух остановок.

Он подошел к машине, оглянулся. Я издала помахала ему рукой. Он даже не дернулся в мою сторону. Посверлил пальцем свой висок, мол, дура ты и больше никто. Я согласно покивала ему в ответ: конечно, дура, но все-таки отвязалась от тебя по-умному.

Когда-нибудь в спокойной обстановке я обдумаю, что такое неправда, вранье, ложь. Ну какую правду я могу сказать контролеру, если он вдруг появится в вагоне? Я скажу, что мы с подружкой впопыхах сели в разные вагоны и вот сейчас я хожу и ищу ее.

Я действительно переходила из вагона в вагон, пока не досхала до своей остановки.

На платформе я огляделась. Была небольшая надежда, что Сережа никуда не ушел, дождался меня. Но его не было. Зато за одним из столиков возле ресторанчика «У Васи» я увидела Жанну и Адочку.

Я пропадаю, меня носит неизвестно где, а они спокойно сидят и едят мороженос. Меня как ветром сдуло

с платформы, несколько секунд — и я уже стояла перед ними.

— У кого-то нет денег на билет, а у кого-то их навалом — сидят и поглощают американское мороженое.

— Не завидуй, — сказала Жанна, — сейчас я и тебе принесу.

Она скрылась за дверью белого домика, а я, не теряя времени, спросила у Адочки:

— Вы помните все статьи Уголовного кодекса?

— Не все, но главные помню. Какая тебя интересует?

Я была ей благодарна, что она не встрепенулась: ах, что случилось, почему тебя интересует Уголовный кодекс?

— Меня интересует сего семьдесят третья статья.

— Эту помню, — ответила Адочка, — это заведомо ложный донос. Человек пишет в прокуратуру или в другой государственный орган письмо, в котором приводит вымышленные или искаженные факты. Для чего? Для того, чтобы возбудить уголовное дело против того, кому решил насолить, отомстить или еще что-нибудь в этом роде. И как только такой ложный донос поступает в прокуратуру — преступление считается совершенным.

Я слушала и смотрела на дверь, за которой скрылась Жанна. Хоть бы она там задержалась, хоть бы я успела все разузнать у Адочки.

— А если человек написал ложный донос, а потом опомнился, раскаялся, тогда как?

— Никак, — ответила она, — преступление уже состоялось.

— Но человек написал второе письмо, изложил всю правду, объяснил, почему оклеветал невиновного.

— Клевета — это нечто иное, совсем другая статья, кажется, сто двадцать седьмая.

— Значит, никакого выхода нет? Совершил человек ошибку — и сразу преступник на веки веков? И даже раскаявшемуся никакого снисхождения?

— Почему? Суд примет во внимание все обстоятельства.

— Значит, судить будут обоих? И того, кто написал ложный донос, тоже?

— Нет. Судить будут одного. А тот, на кого поступил ложный донос, будет освобожден до суда.

Адочка устала от своего напора, ее кукольное лицо с накрашенными длинными ресницами сделалось жалобным, каким-то несчастным. Стало видно, что ей уже много лет и никакая косметика скрыть этого не может.

— А вообще с адвокатом, хоть и бывшим, — сказала вдруг она, — надо разговаривать не так, как ты сейчас. Надо доверять ему и не прикрывать правду. В общих чертах правды не бывает, она всегда конкретна. — Адочка посмотрела в ту сторону, куда уже с беспокойством поглядывала я, и добавила: — И к подруге надо относиться с большим доверием.

Вполне возможно, что Адочка до сих пор считает, что в Южной Америке чем южнее, тем севернее, но зато она знает такое, о чем многие люди даже не догадываются.

Необязательно писать ложные доносы, чтобы узнать, что это потом не прощается. Такое знание человек должен выработать в себе сам. Так же, как и то, что если есть у тебя друг, то доверяй ему, не обижай его ни в большом, ни в малом.

Я открыла дверь и вошла в прохладное нутро ресторана. Здесь тоже было несколько столиков, таких же, как на улице. За одним из них сидела Жанна. Других посетителей не было.

— Жанна, — сказала я, — ты обижаешься на меня, и это правильно. Мне бы только не хотелось, чтобы ты презирала меня.

— Я не презираю, — откликнулась Жанна, — я просто в последние дни тебя не понимаю.

— Думаешь, я сама себя понимаю? Столько всего вокруг происходит непонятного и даже зловещего, что кажется, уже никто ничего не понимает.

Мы разговаривали почти шепотом, но все равно бурно, потому что буфетчица за стойкой хмуро, с подозрением глядела на нас. Лучше всего было бы покинуть это место и закончить наш разговор где-нибудь наедине, но я не могла остановиться. Мне надо было высказать все, чтобы Жанна, как и положено другу, одобрила мои действия, сняла бы ту тяжесть, которую я на себе таскала. Она должна понять, почему я ничего ей не говорила. Слово, данное матери Николы, держало меня как в тисках. Она ведь именно Жанне просила ничего не говорить. «Жанна хорошая девочка, но она может сказать сестре, а та еще кому-нибудь». И я пообещала молчать. А надо было твердо заявить: Жанна не просто хорошая девочка, она надежный человек, я сама долго

не знала этого, но теперь знаю. И еще надо было сказать: знаете, дружба в пятнадцать лет — это не только разговоры о мальчиках, прогулки в Березку и обратно, это еще и доверие; такая дружба может длиться всю жизнь. И что же, мне потом до старости раскаиваться в том, что однажды чуть не убила дружбу, охраняя нашу с вами тайну?

Я рассказала Жанне о втором заявлении Наташи в прокуратуру, о письме Николиных одноклассниц, которое они подписали моим именем, и о наших встречах с Володей. И, конечно, о том, почему раньше не рассказывала ей обо всем этом.

— Не переживай, — сказала Жанна, — никакого слова ты не нарушила. Я тебя не подведу. Нам теперь только очень надо хорошо подумать, как действовать дальше.

Но ничего придумать мы не успели, буфетчица вклинилась в наш разговор.

— Девочки, а ваша бабушка уже ушла.

Мы с Жанной переглянулись: что еще за бабушка? Потом поняли, о ком она, и еще больше удивились: неужели она так про Адочку — «бабушка»? Хорошо, что сама Адочка этого не слышала, вот бы огорчилась. Уж кто-кто, а она никогда не считала себя старухой.

Мы догнали ее уже на дачной улице. Адочка шла медленно, чуть раскачиваясь, даже сзади, по походке, было видно, что идти быстрее она не может. Услышала наши голоса, оглянулась и остановилась.

— Я шла и вдруг вспомнила, — сказала она, — как в детстве твой папа, Жанна, спас мне жизнь. Я свали-

лась с обрыва в речку, а он подплыл и схватил меня за пятку.

— Он тоже помнит этот случай? — спросила Жанна.

— Конечно, — ответила Адочка, — все хорошее, что совершает человек в своей жизни, как правило, не забывается.

— И плохое, — добавила я, — плохое тоже помнится, хотя человек и хотел бы забыть о нем навсегда.

Адочка со мной не согласилась.

— Нет, — сказала она, — плохое живет отдельно. У каждого невыявленного преступления своя таинственная жизнь.

Мне показалось, что Адочка заговаривается.

— Ничего не понимаю, — сказала Жанна, — ты с нами, Адочка, как с детьми. Говори понятно, объясни, что это значит — плохое живет отдельно.

— А то и значит, что оно живет отдельно. Бывает так: человек совершил что-то дурное, ужасное, но почему-то никакое угрызение совести его не мучает. Но это совсем не значит, что дурной поступок исчез, испарился. Он притаился. Ждет, когда придет его время стукнуть виновного по голове.

Мы в Адочкиных глазах были хуже, чем дети, мы по-прежнему ее не понимали.

— Попробую объяснить иначе, — в голосе Адочки появилось раздражение от нашей непонятливости, — представьте, что человек совершил серьезное преступление, например убийство. Виновным себя не признал ни на следствии, ни на суде. Больше того, даже от своего адвоката скрыл правду. И тот пустил в ход все свои

знания, талант и убедил суд в невиновности своего подзащитного. Преступление не доказано, подозреваемый уходит из зала суда свободным человеком. Но преступление не исчезло. Проходит какое-то время, иногда даже много лет, и вдруг преступника настигает страшная беда, он вроде случайно погибает. На самом же деле — не случайно. Это нераскрытое преступление вылезло наружу и расправилось с ним.

— Прямо мистика какая-то, — сказала Жанна.

А я восхитилась Адочкой: пусть мистика, но зато какая справедливая.

— Но кто это может связать воедино, — спросила я, — преступление с таким вот возмездием? Ведь преступник никому никогда правды не говорил.

— Адвокаты это связывают, они часто прослеживают судьбы своих бывших подзащитных и отмечают это явление.

Адочка все больше и больше поражала меня. Родственники относятся к ней снисходительно — милая, одинокая старая девочка, одним словом, Адочка. Когда-то была адвокатом, но сейчас ни о чем серьезном с ней не поговоришь. Что она может знать? Она и в детстве ничего не знала, помните ее Южную Америку, в которой, чем южнее, тем севернее? А она, оказывается, знает такое, о чем другие даже не догадываются.

— Ты поняла, о чем говорила Адочка? — спросила меня вечером Жанна.

— Да. Она говорила о том, что нераскрытые преступления сами наказывают тех, кто их совершает.

— И ты веришь в это?

— Хочется верить. Это было бы справедливо.

12

Гости приезжают, уезжают, никогда такого столпотворения не было на даче. Мама Жанны вся в переживаниях: чем кормить, кого где разместить. Нам с Жанной пришлось покинуть свою комнату и перебраться в сторожку. Мы обрадовались: хоть будем подальше от всей этой суеты, но тут Доня взялась за нас: «Хватит шлындать по улицам — огород пропадает», и запрягла нас в прополку кабачков. Мы изнывали на этой работе: жара, корни у сорняков словно спаялись с землей, совком их надо подкапывать, иначе не выдернешь. Но хуже всего от сознания, что не пройдет и трех дней и вылезут новые сорняки, и опять начинать все сначала.

— Жанна, — говорю, — похоже, свадьба все-таки будет.

— А почему ей не быть? — в голосе Жанны холодок.

— Но они, кажется, поссорились. Валерия не едет к нему, и он сюда не спешит.

— Ой, Света, давай о своих проблемах, их у нас не меньше.

Своя проблема номер один на сегодняшний день — это Сережа. Мы головы сломали, решая вопрос: надо или не надо втягивать его в эту кашу, которая здесь заварилась. С одной стороны, надо. Он же сразу согласился защитить меня, когда я позвала его на станцию. Я спросила: способен ли он помочь человеку, ни о чем не расспрашивая, и он, не раздумывая, тут же ответил: если тебе — я готов. Он готов был защитить меня. Помощь — всегда защита. А с другой стороны, мы с Жанной боялись довериться ему. Какой-то он легковесный, дурашливый. Вчера, когда мы ему намекнули на это, он не обиделся, подтвердил: «Все правильно. Я человек незамысловатый, простой, как репа». Мы ходили по лесу, рассказывали друг другу всякие смешные школьные истории, и Жанна даже сказала Сереже: «Что же ты раньше сюда не присажал?» Но когда мы с ней вернулись на дачу, она произнесла странную фразу: «Он веселый, но, по-моему, из тех людей, которые запутывают жизнь».

А сегодня, когда мы надсаживались на кабачковых грядках, она сказала другое:

— Все-таки кое-что надо рассказать Сереже.

Мы стали обсуждать, что именно можно ему рассказать, и расстроились. Получалось, что надо рассказать или все, или ничего, серединка на половинку не получится.

— Расскажем все, — сказала я, — тем более что знаем мы, к сожалению, далеко не все.

Возвращаясь с огорода в свою сторожку, мы увидели замечательную картину. На подоконнике бабушкиного окна ногами в комнату, спиной к нам сидел Сережа. Они о чем-то бурно и весело разговаривали. Сережа не видел нас, а Бабушка увидела.

— Девочки, — позвала она, — вам надо обязательно познакомиться с этим молодым человеком.

— Мы знакомы, — сказала Жанна.

Сережа спрыгнул с подоконника и широко развел в стороны руки, словно собрался обнять нас сразу обеих, но оглянулся на Бабушку и стал выписывать в воздухе этими своими руками какие-то крендели и фигуры.

— Очень смешно, — сказала я, — Бабушка довольна. Я ее никогда не видела такой веселой.

— Эй, эй, Света, — остановила меня Бабушка, — что за манеры? Разве тебе неизвестно, что о присутствующих не говорят в третьем лице? Я, между прочим, здесь, рядом с вами.

— Так чем ты так развеселил Бабушку? — спросила Жанна, когда мы вышли на улицу.

Он охотно стал рассказывать:

— Ну сначала мы, как водится, познакомились. Она сказала, что зовут ее Настасья Петровна. Тогда я удивился и говорю: прямо как гоголевскую Коробочку. И тут она давай радоваться: такого, говорит, образованного молодого человека я еще не встречала. Тут я решил несколько снизить свой образ в ее глазах. «А вот скажите, пожалуйста, — спрашиваю, — если бы у Гоголя была другая фамилия, допустим, Моголь, он бы и эту фамилию так же прославил?» Ну тут смех так стал нас

обоих душишь, что весь остальной разговор состоял уже из одних междометий.

В общем, Сережа был в своем репертуаре. Пока мы ломали головы, как его ввести в курс событий, что сказать, как сказать, он сам решил эту головоломку. Не учли мы его общительности. Недели еще не прожил на новом месте, а в дачном поселке и в Березке у него уже куча друзей-приятелей. На стадионе свой, на улице ему кричат: «Сережа, привет!», «Сережа, куда запропал?» Только мы ему начали рассказывать о том, что здесь случилось после выпускного вечера, как он нас перебил:

— Да что вы мнестесь, слова подбираете, знаю я эту подлую историю. Здесь только о ней и говорят. — Он повернулся в мою сторону, в глазах его было что-то похожее на упрек. — Скоро вернется твой Никола. Не горюй.

Лицо мое вспыхнуло, никогда я не краснела так жарко. Мой Никола. Я чуть не отреклась от него в эту минуту: ничего ты, Серсжка, не знаешь, никакой он не мой, у него уже другая подруга — Зинаида Воробьева. Жанна поняла, что со мной творится, и сжала мою руку.

— А что говорят про Артема, — спросила она, — это правда, что отец отправил его за границу?

— Говорят, что отправил.

— А про письмо что говорят, — нассдала Жанна, — ну, про то письмо, которое написали девчонки и подписали Светкиным именем?

Про это письмо Сережа ничего не знал.

Мы рассказали ему о письме и о моей встрече с Володей.

— Ему надо было сверить мой почерк с тем, что в письме. Как ты думаешь, он действительно следователь?

— Вряд ли. Может быть, бывший. Настоящий следователь разговаривал бы с тобой в прокуратуре или у вас на даче. Зачем ему тебя куда-то везти, в какую-то заброшенную контору? Наверное, отец Артема, этот нефтяной босс — его хозяин, а Володя у него на посылках.

Сереза все больше удивлял меня. Очень уж он был какой-то разный: то веселится, как дитя, то серьезный, умный, и еще эта Настасья Петровна. Я читала «Мертвые души» целый год, все эти Собакевичи, Ноздревы, Плюшкины стали почти родными. Но чтобы запомнить имя-отчество Коробочки — об этом даже речи быть не могло.

— Сереза, ты, наверное, отличник? — спросила я. Вопрос ему не понравился.

— У нас в классе, — ответил, — пять отличников. Так вот, среди них я наипервый отличник. — В его словах слышался вызов.

— Что-то не верится, — сказала я.

— А я верю, — воскликнула Жанна, — они же не клонированные, эти пятеро, значит, кто-то из них должен быть наилучшим, первым.

Сереза от этих слов засиял, а я подумала: хорошо бы Жанне влюбиться в него, они бы переписывались, а летом бы он приезжал сюда. И не успела я всего этого себе представить, как на горизонте замаячил Юра. Он

не шел, а брел, издали было видно, что он не рад встрече с нами.

— Присоединяйся к нам, — сказал Сережа, когда Юра приблизился.

— Некогда, — ответил тот, — у вас свои дела, у меня свои.

Какие у него могли быть дела в Березке? У него никогда никаких дел, кроме выгула собаки и езды на велосипеде, не было. Наверное, Юра переживает, что Жанна от него отступилась. Любила, страдала и вдруг даже не смотрит в его сторону. Почему-то я не могу спросить у Жанны: значит, ты его разлюбила? Как же это произошло, в какой день и час?

Разговор о любви у нас неожиданно произошел с Валерией.

«Что ты смотришь на меня с состраданием, — спросила она, — думаешь, я умираю от любви? Он ушел, может быть, даже сбегал, а я сгораю, пропадаю и готова утопиться, как...»

«Как бедная Лиза, — подсказала я. — Нет, Валерия, я смотрю на тебя совсем не так. В моем взгляде не сострадание, а вопрос: любишь ты его или не любишь?»

«Люблю», — сказала Валерия.

«Тогда чего ты ждешь? — волнение охватило меня, я действительно не понимала, почему она бездействует. — Надо бежать, схватить за ним след, остановить, объяснить, напомнить, наконец, что свадьба у вас на носу».

Валерия слушала меня с улыбкой.

«Откуда тебе известно, подросток, что в таких случаях надо делать?»

«Ниоткуда. Есть такие знания, которые возникают в человеке сами. Я бы побегала, остановила, объяснилась».

«Так это ты. А другая, наоборот, замерла бы на одном месте и стояла, не двигаясь, столько, сколько надо».

Этого я не понимала.

«Валерия, ведь это глупость: не двигаться и чего-то ждать. Это даже Доня знает: под лежащий камень вода не течет».

«А Бабушка знает другое: все хорошее на этом свете совершается медленно. Не надо спешить, пороть горячку, а надо ждать. Мне ведь надо не просто чтобы он вернулся, а чтобы что-то понял».

Я вспомнила: Пантелея на самом деле не просто уехал, а сбежал. Все так хорошо делал и говорил, так бесстрашно отчитал отца Артема, а потом вдруг сник, дал задний ход: «Этим делом нам особенно увлекаться не стоит. Все равно мы не сможем подменить собою ни следствие, ни суд».

«Валерия, а если он никогда не вернется?»

«Значит, не вернется».

«А любовь?»

«Любовь останется. Она и подскажет, как мне дальше быть».

С Валерией у нас никогда раньше не было таких разговоров. Конечно, она и сейчас разговаривала со мной не так, как говорила бы со своей сверстницей, но

все-таки я уже не была в ее глазах ребенком, всего лишь подружкой ее младшей сестры. Я была рада этому, мне хотелось о многом ее спросить.

«Валерия, а зачем Наташа пошла тогда с мальчишками в лес? Ведь не маленькая, понимать должна была, чем это может обернуться».

«Не подумала. Да и этот балбес Артем наверняка ни о чем таком заранее не думал. Теперь вот приходится родителю его вертеться. Влетело это ему в копеечку и еще влетит».

Мы хорошо тогда поговорили с Валерией: о Пантеле, которого она любит и ждет, о Наташе, которой сейчас лучше всего уехать бы куда-нибудь, устроиться на работу, проявить свою самостоятельность. Конечно, это легко сказать — уехать. А куда, к кому? В семнадцать лет не так-то просто вырваться из родительского дома, какой бы он ни был. Валерия спросила меня: неужели моя любовь к Николе и после долгой разлуки все такая же? Я ответила как есть: совсем не «такая же», именно в разлуке она вспыхнула и разгорелась, а тогда, два года назад, никакой любви у меня не было, мне просто хотелось, чтобы он в меня влюбился. Валерия больше ни о чем не спросила, и я была благодарна ей за это. А то пришлось бы рассказывать о Зинаиде Воробьевой, чего мне совсем не хотелось.

Дни тянулись длинные, изменчивые. Жаркое солнце вдруг затягивалось облаками, те чернели, на глазах превращаясь в тучи. Бурные ливни вдруг обрушивались с неба водопадом. Длились недолго, вновь появлялось солнце и асфальт дороги, трава и листва искрились,

обсыхая, в его лучах. В один из таких влажных, жарких дней приехал Пантелей. Его синий перламутровый джип въехал в открытые ворота и остановился возле беседки, где в это время мы с Жанной в четыре руки подшивали длинное, в розовых цветах полотнище, будущую скатерть для праздничного стола. О том, что эта скатерть готовится к свадьбе, мы с Жанной не говорили, наоборот, болтали о том, что прежнюю скатерть в пятнах и сигаретных эжогах давно бы пора выбросить и замснить чем-нибудь более приличным. Слово «свадьба» мы не произносили, обе были уверены, что ее не будет. И вдруг эта машина прямо перед нашими глазами, и Пантелей, нарядный, улыбающийся, и Валерия, бегущая к нему.

Они обнялись. Пантелей повернул голову в сторону беседки и крикнул:

— Света, тебе привет от Марины!

Лучше бы он в ту секунду проглотил свой язык. Это была стрела, отравленная с двух концов. Один конец впился в меня: Марина давала знать, что не примирилась со мной, еще расквитается. Второе острие было направлено в сторону Валерии: Пантелей как бы объявил ей, что общался в городе с Мариной.

— Что-то мне не нравится этот приезд Пантелея, — сказала я Жанне, когда мы вышли на улицу, — почему-то приехал один, не прихватил с собой Мадаму.

Жанна промолчала, молчание было говорящее: оставь свою наблюдательность при себе, не наше это дело.

На улице мы вдруг поняли, что идти нам некуда. В Березку — опасно, там можно наткнуться на какую-ни-

будь Веру Антоновну, или того хуже — на отца Артема. Да и родителей Наташи увидеть не хотелось. Они ведь все не детей своих считают виноватыми, а тех, кто стоит за правду, и на улицу Грозную путь был закрыт. Там Юра. А нам нужен Сережа. Но ведь Юра такой, что и собаку свою науськать на нас сможет. Он уже не здоровается и не смотрит в нашу сторону, разъярился, что его, Юру, Жанна променяла на какого-то Сережу. А как сам увивался за Мариной — это ничего, это можно.

— Жанна, — говорю, — что же теперь будет с Наташей? Неужели ее будут судить?

— Не знаю, — отвечает Жанна, — и не надо меня об этом спрашивать. Тебе же Адочка все объяснила. Я сейчас думаю совсем о другом.

— О Юре?

— Нет. О Валерии и Пантелее. Мне так хочется, чтобы они поженились. Даже если он ее не любит или она его не любит — все равно, пусть пожениятся.

— Ты с ума сошла, — возмутилась я, — кому нужна такая женитьба? Это же несчастье — семейная жизнь без взаимной любви. К тому же я точно знаю, что она его любит.

— Откуда такое знание?

— Она мне сама сказала. Я спросила, и она ответила.

— А если это не любовь, — задумчиво произнесла Жанна, — если ей это только кажется? Ведь Пантелей такой человек, в которого влюбиться ничего не стоит. В него и влюблены почти все девицы — поклонницы

сго передачи. Но разве у них настоящая любовь? И у Валерии может быть не настоящая.

Что-то в этот раз я не совсем понимала свою рассудительную подругу.

— Зачем же тогда свадьба? Что за спешка? Пусть подождут, удостоверятся, настоящее у них чувство или нет.

Мои слова выводят из равновесия Жанну, она срыгается:

— Ты прямо как зануда какая-то — «подождут, удостоверятся». Один уже предлагал ей это. И где он? Где этот замсчательный богатенький Янис?

Вот, оказывается, в чем дело. Один жених сбежал, и если этот тоже сбежит, то это будет уже не просто несчастье, а какой-то рок.

— Жанна, — говорю, — а тебе не кажется, что оба жениха похожи?

Жанна пожимает плечами: нет, ей это не кажется. Беслобрысый невзрачный Янис и красавец Пантелей — какое уж тут сходство.

— Я не о внешнем сходстве, — объясняю, — я о том, что оба они какие-то чересчур удачливые, благополучные счастливики. Может, это притягивает к ним таких, как Валерия?

— Удачливые люди, как и талантливые, притягивают всех, — отвечает Жанна. — Знаешь, о чем я сейчас подумала? Интересно бы посмотреть на твоего избранника, за которого ты выйдешь замуж.

Жанна в нашем разговоре как бы держала сторону Валерии, защищала ее от меня. А я и не думала напа-

дать. Мне хотелось выяснить, на каком месте во всех этих замужествах, женитьбах стоит любовь. И как распознать, настоящая она или не настоящая.

— А я не буду выходить замуж, — отвечаю Жаннс, — выходят на сцену или на танцплощадку. Я отправлюсь. Как отправлялись когда-то в неизвестное плавание открыватели разных стран и материков. Надо только хорошо подготовиться к этому путешествию...

— Ой, не надо, — взмолилась Жанна, — все эти твой тургеневские стихи в прозе слушать невозможно.

Мы готовы были поссориться, но тут нас охладил дождь. Без всякого предупреждения — без грома и огненных росчерков молний — на нас хлынул такой водопад, что спасти от него не могли ни самые пышные кроны деревьев, ни зонты, если бы они у нас были. Пробежав немного, мы бросились в первую открытую калитку и перевели дух под навесом крыльца какого-то большого, почерневшего от заброшенности дома.

13

Мы стояли на крыльце, и стена дождя загораживала от нас все, что было на этом участке. Когда же ливень внезапно стих, мы увидели нечто невообразимое — чью-то словно на лету остановившуюся жизнь. Будто жила здесь когда-то большая семья, и вдруг в одну какую-то секунду люди исчезли, а все, что было во дворе, осталось. Посуда на столе, гамак, привязанный к двум мощным березам, детские игрушки в песочнице. Время не пощадило все эти предметы: гамак почернел и провис до самой земли, посуда и игрушка тоже пришли в негодность от солнца, дождей и зимних морозов. Но самый заброшенный вид был у парника: пленка кое-где висела на нем клочьями, а сквозь ржавые ребра каркаса, словно руки, молящие о помощи, вырывались ветви какого-то странного растения в мелких красных листочках.

— Ты не знаешь, чья это дача? — спросила я у Жанны.

— Не знаю. Сейчас в нашем поселке много таких. Хозяева состарились, умерли, а дети потеряли интерес к тихой дачной жизни. Они бы, конечно, с радостью привозили сюда своих детей, но не к кому, бабушек и дедушек уже нет.

— Тогда бы лучше продать, — сказала я, — ведь все гложет и разваливается.

— А оно все уже и продано, — ответила Жанна, — только и новые хозяева не собираются здесь жить. Они просто купили, вложили деньги. Когда цены поднимутся — продадут.

Я обвела взглядом мокрые кусты, заросшие травой клумбы и дорожки. Человек не только выманил из дикой природы тигра и волка, превратил их в кошку и собаку, он приручил и дикие деревья, и кустарники, и цветы. И когда брошенная хозяевами собака бродит по городу, у нее такая же судьба, как у этих погибающих растений.

Все эти мои печальные мысли прервал вдруг скрип за спиной. Кто-то в доме приблизился к входной двери и пытался ключом открыть ее.

Но замок, видимо, засло, дверь не поддавалась. Жанна потянула меня с крыльца.

— Пойдем, — шепнула, — я боюсь.

Но у нас с ней с раннего детства так повелось, что если одна чего-то боялась, то вторая обязательно становилась смелой.

— А чего бояться? — громко сказала я, больше для тех, кто был за дверью. — Мы же не разбойники, не

воры, мы на этом крыльце всего-навсего дождь пережидали.

И тут за дверью раздался знакомый голос:

— Девочки, спасайте. Возьмитесь за ручку и потяните дверь вверх, а то с этой стороны ручка отвалилась, не за что уцепиться. Дверь осела, и ключ не проворачивается.

— Это Женька, — сказала Жанна и спросила у него: — Что это тебя сюда занесло?

— Не только меня, — ответил он, — но и еще кое-кого.

Мы уцепились за ручку, потянули ее вверх, и дверь поддалась. Женька и Сережа, жмурясь от сверкающего после дождя солнца, предстали перед нами. Хорошенькое кино. С чего это они рядом и в таком месте? Мы их, конечно, сразу об этом спросили, и они, путаясь, запинаясь, все-таки объяснили нам, как и почему оказались здесь. Их затея возмутила нас. Какие-то мальчишеские игры. В этой заброшенной даче они решили спасти Наташу. Ей обязательно надо где-нибудь скрыться, пока в прокуратуре не разберутся с ее вторым заявлением. Вот она и будет жить здесь, а они будут ее охранять, доставлять еду. Пришлось доказывать им, что если Наташа поселится в этом доме, то навлечет на свою голову еще большую беду. Ведь ее второе, правдивое, заявление не просто перечеркнуло первое, но и сделало его ложным доносом. А за это положено наказание. Конечно, суд во всем разберется, но прятаться сейчас Наташе никак нельзя.

Женька и Сережа слушали нас, но по их лицам было видно, что они не врубаются в то, о чем мы говорим.

Особенно возмутило их то, что второс заявление Наташи не только оправдывает Николу, но и снимает обвинение с Артема. Напрасно мы их убеждали, что таков Закон. Мы их не убедили. Никого невозможно убедить в том, в чем ты сам не уверен.

Сразили их совсем другие слова, сказанные Жанной:

— А Наташа знает о ваших хлопотах? Она согласна поселиться здесь?

Вот тут они растерялись. Оказывается, Наташа ни сном, ни духом не знала об этом. Они готовили ей, так сказать, сюрприз. Ходили, выглядывали заброшенные дома и чувствовали себя наверняка благодетелями, предвкушали, как она будет рада и благодарна. Но тут явились мы и посеяли сомнение.

— Ну, чего вы сюда притащились, — сказал Женька, — кто вас звал? Так все было хорошо, так весело.

— Весело-то отчего? — спросила я.

Женька широко улыбнулся, глянул на Сережу, откинул голову и засмеялся.

— Мы тут, пока ходили, случайно узнали, что дом этот теперь собственность отца Артема, — отсмеявшись, поведал Женька, — представляете, он ищет Наташу, а она... в его доме.

Женька был младше нас, но всего-то на год, так что мог бы уже быть и посерьезней, и поумней.

— Тебе тоже было весело? — спросила я Сережу, который как вышел на крыльцо, так не сказал еще ни единого слова.

— Мне с Женькой всегда весело, — ответил он, как мне показалось, надменно и с вызовом, — и ты уж нас не ссорь, пожалуйста.

14

Когда-то Марина посоветовала мне жить по касательной, не вникать в чужие дела. «Не баламуть», — сказала. Почему-то это «не баламуть» прозвучало особенно противно. Будто я не жаждала справедливости, не старалась помочь Николе, а как пушкинский Балда мутила какую-то застоявшуюся воду. Но вот появился среди нас Сережа — отзывчивый, веселый, энергичный — и мне захотелось сказать ему эти же противные слова: слушай, уймись, не баламуть. Он не только в считанные дни подружился с Женькой, в приятелях у него уже была вся Березка. И они что-то замыслили, планировали. Если бы дождь не загнал нас тогда на крыльцо брошенного дома, мы бы с Жанной так и не узнали про их план спасения Наташи. Это же надо до такого додуматься: Наташа, как овца в хлесту, будет тихо, смиренно жить в чужом доме, а они будут приходить и кормить ее.

Второй их план касался того, чтобы выяснить под-

линных авторов письма, которое было подписано моим именем. И кажется, они их нашли, но тут я, оказываясь, испортила им все дело: отец Артема представил в прокуратуру образцы моего почерка, и там письмо было признано поддельным. Все эти новости я вытаскивала из Женьки клещами. Он жался, мялся, не договаривал чего-то самого важного. Я не понимала, почему это он и Сережа решили меня и Жанну от своих расследований отстранить. Конечно, я могла расшевелить Женькину совесть: Сережу ты, Женька, знаешь без года неделю, а я тебе и Николе старый друг; который, как известно, лучше новых двух. Но мне было жалко его. У Женьки кроме старшего брата друзей не было, и он радовался дружбе с Сережей, дорожил ею, и я не стала рушить ее. В конце концов, если у них действительно есть какая-то тайна, то честней прямо спросить об этом Сережу. Ответит — хорошо, не ответит — не надо. В таких случаях лучше всего действовать самым коротким, то есть прямым путем.

Жанна сказала:

— Поговори с ним одна. Я тоже чувствую, что они что-то скрывают. Не такие уж они дураки, чтобы готовить Наташе убежище, не сказав ей об этом.

Впервые без оглядки на Юрин забор я шагала по улице Грозной. Сейчас увижу Сережу и скажу ему решительно и строго: слушай, уймись, не баламуть. К чему какие-то тайны? И Женьке голову заморочил. Он доверчивый, правдивый, а ты его втягиваешь в какие-то

авантюры, заставляешь врать. Ты только представь себе, что было бы, если бы тогда на крыльце оказались не мы с Жанной, а нынешний хозяин дома, отец Артема. Ты бы отвертелся, тебя он не знает, а Женьке он бы уж точно прилепил ярлык грабителя. Мало его матери горя с Николой, так еще этого не хватало.

Сереза наверняка увидел меня из окна. Потому что не успела я открыть калитку, а он уже неся мне навстречу.

— Отрываемся, — крикнул на ходу, — следуй за мной!

Я побежала за ним. А что мне еще было делать?

Мы бежали в ту сторону, где улица заканчивалась у опушки леса. Сереза не оглядывался, был уверен, что я у него за спиной, никуда не дслась. Уже в лесу, когда мы, отдышавшись, шли по тропинке — он впереди, я за ним — он объяснил, от кого мы сейчас удирали. Оказывается, приехал его отец. Бабушка дала телеграмму родителям, мол, караул, внук отвязался, она его почти не видит, так что приезжайте и разбирайтесь с ним сами. Вот отец и явился.

— Зачем же ты сейчас убежал? Теперь уж точно он увезет тебя отсюда.

— Это не так просто, — ответил Сереза, — родители и дома не знают, что со мной делать летом. Там же море, туда в сезон народу столько насзжает и разного, а я общительный, ко мне все тянутся. Так что мне свою погибель там даже легче организовать, чем здесь.

— Уж так сразу и погибель. По-моему, ты их просто

тиранишь. И родителей своих, и бабушку. А заодно и своих друзей. Ты не замечал за собой такого качества?

Сереза остановился.

— Какос-то новенькие слово ты изрекла, — сказал, — может, объяснишь, что это такое — «тиранишь»?

— Могу. Это значит мучаешь. Отец вот присхал, измученный мыслями, как ты тут бабушку достает. И меня с Жанной ты тоже мучаешь: что-то замыслил для спасения Наташи, а нам не говоришь. И Женку заморочил своими авантюрами.

Сереза все это выслушал довольно хмуро. Спросил:

— Слушай, ты случайно не сумасшедшая?

И тут я поняла, почему люди терпят сго тиранство. Другой бы таким вопросом обидел насмерть, а у него это прозвучало так по-детски обиженно, что хоть утешай: конечно, сумасшедшая, но ты уж как-нибудь это переживи, не расстраивайся.

Мы вышли на ту полянку, на которой когда-то впервые встретились. Широкий низкий пенё словно приглашал сесть на него, передохнуть. Когда-то здесь валялось упавшее с дерева старое птичье гнездо, и тут я вдруг вспомнила имя сго отца — Леопольд. Сейчас мне это имя уже не казалось странным и вычурным.

— Ты помнишь это место? — спросила я.

— Еще бы. Я сго буду помнить всю жизнь.

Я даже смутилась. Прямо какос-то объяснение в любви. И голос печальный, проникновенный. Нет, он ничего такого не разыгрывал, был вполне искренен. И

если бы я спросила: уж не влюбился ли ты в меня? Он бы тем же голосом ответил: и в Жанну тоже.

Мы все-таки сели на этот пенёк. Рядом. Плечи наши коснулись. Я не знаю, что чувствуют влюбленные, когда падают в объятия друг к другу, но я вдруг от этого случайного прикосновения ощутила такую счастливую невесомость, такую незнакомую радость, словно пенёк уже не держался своими корнями за землю, а плавно и бесстрашно парил под облаками. Сидели мы так довольно долго. Молчали. А что скажешь? Что, собственно, происходит? Ну сидят люди рядом на пне, ну плечи их касаются. Но тут его плечо от меня слегка отпрянуло. Сережа обнял меня обеими руками и поцеловал. Я и не знала, что мне делать. Надо было что-то сказать, и я спросила:

— Это обязательно?

— Да, — ответил он, — обязательно, потому что любовь.

— А если не любовь?

Сережа отодвинулся от меня. Пень опустился из-под облаков и был уже на своем старом месте, как и положено всякому лесному пню.

— У нас вечер вопросов и ответов? — спросил Сережа.

Я не поняла.

— Каких вопросов?

— Ну про любовь. Если у тебя не любовь — мне очень жаль. Я так и думал.

— А у тебя... — дальше я уже не могла выговорить.

— А у меня как у меня, — такого недоброго лица и

голоса у Сережи никогда не было. — Извини меня. Ты ведь пришла ко мне по какому-то делу?

Он был обижен. Даже больше, он в эту минуту ненавидел меня. Если кто-то из нас был сумасшедшим, так это он. То целуется, то смотрит зверем. Я сказала, зачем пришла. Поговорить о Женьке. Они с ним разные люди, это Сережа должен понять. Он живет в южном городе, с папой, мамой, у него бабушка богатая — квартира в Москве, дача в Подмосковье. А у Женьки совсем другая ситуация: брат в тюрьме, у матери и без этой беды жизнь нелегкая — с утра до вечера в работе, заботах. Вырастить двух сыновей, да еще таких, как Никола и Женька, добрых, отзывчивых, хороших, это же подвиг. А тут эта беда с Николой. Пусть Сережа подумает, каково будет ей, если и Женька угодит в какую-нибудь историю. Ведь если бы в той заброшенной даче застал их отец Артема, он вполне мог обвинить их в ограблении.

Сережа слушал меня, не персбивая, потом резко вскочил и сказал:

— Пошли, я расскажу тебе все по дороге.

Мы вышли на просеку и не спеша пошагали в глубь леса. Мне казалось, что мы просто идем — выбрали дорогу пошире, чтобы не вышагивать мне в затылок Сереже — а оказалось, что не просто идем, а приближаемся к какой-то цели. Я поняла это, когда Сережа вдруг остановился и сказал: «Устала? Потерпи, уже скоро».

Все, о чем он рассказывал, не вмещалось в моей голове. До этого было все ясно и понятно, кто виноват,

кто безвинно несет наказание. Но оказывается, преступление Артема было только началом ниточки в том клубке, который стал разматываться и привел к его отцу. Письмо, которое написали одноклассницы Николы, было серьезным, в нем приводилось много доказательств служебных злоупотреблений отца Артема. Не какие-то слухи-сплетни, которыми давно уже была переполнена Березка, а правдивые факты. Девочки, написавшие письмо, были детьми своих родителей, а родители работали на нефтебазе. Да и сами девчонки уже закончили школу, кое в чем разбирались.

Когда-нибудь я, возможно, пойму, говорил Сережа, почему они подписались твоим именем. Скорей всего, страх толкнул их на это. Родители их ведь молчали, боялись. А девочки уже молчать не могли, хотя тоже боялись. И ни те, ни другие не знали, что если что и губит в этой жизни справедливость, так это страх. А тебе бояться нечего, так они решили: ты не здешняя, родителей своих не подведешь, вот и возложили на тебя это разоблачение.

Наконец мы подошли к тому месту, куда меня вел Сережа. Подошли не вплотную, а увидели издали крышу и окна последнего этажа дома и еще странные вышки-антенны, похожие на маленькие Эйфелевы башни. Все это возвышалось над высоченным забором из плотно пригнанных друг к другу досок, выкрашенных в зеленый цвет. У ворот находилась будка для сторожа или охранника.

— Это какой-то военный объект, — сказала я. — Зачем мы сюда пришли?

— Пришли потому, что Наташа сейчас находится здесь.

Я не поверила. Никакой Наташи там быть не могло. Ни дорожки, ни тропинки к воротам не вело, даже следов от подъезжавших машин не было. Мы и сами не спешили приблизиться, настолько страшноватым казалось вдруг возникшее в глубине леса поселение. За высокой оградой вполне могла быть собака, и не одна. И люди, если они там были, вполне могли оказаться хуже самых злых собак.

— Пошли отсюда, Серсжа, что-то мне здесь не нравится. Ты хоть сам знаешь, что это за дом, кто в нем живет?

— Я думал, ты уже сама догадалась. Это все отец Артема расширяет свои владения: скупает старые дачи, строит новые дома. Если бы ты прочитала то письмо, которое якобы написала, тогда бы и не такое узнала. Он просто потерял голову, ошалел от своих левых заработков.

Теперь, когда кое-что прояснилось, мне уже не казалось невероятным, что Наташа находится в заточении за этим высоким забором. Если Серсже настолько доверяли, что дали прочитать то «мое» письмо, тогда и про Наташу могли сказать правду. Только одно оставалось непонятным: Наташа сообщила в прокуратуру имя подлинного виновника, зачем же теперь и от кого ее прятать?

Я спросила об этом Серсжу.

— А ее не прячут, — ответил он, — ей подарили этот дом, и она в нем живет.

— Как это «подарили»?

— А очень просто. Невестам ведь преподносят не только цветы, но иногда и очень дорогие подарки.

— Наташа невеста? За кого же она выходит замуж?

— За Артема.

Ну, это уж слишком. Или Сереже кто-то заморочил голову, поделившись такой новостью, или он сам это сейчас выдумал, чтобы запутать меня окончательно. И я высказала Сереже все, что знала. Какое замужество? Наташе еще нет восемнадцати. Это же с ума сойти — выйти замуж за своего врага. Да и Артему нет уже никакой надобности на ней жениться. Наташа так все запутала своими заявлениями в прокуратуру, что теперь этот насильник как бы ни в чем и не виноват. Все, о чем мне поведала Адочка, я выложила Сереже: и про ложный донос, и про то, что Наташе самой сейчас придется оправдываться перед судом.

— Вот и соображай, — сказала я напоследок, — зачем отцу Артема устраивать эту свадьбу да еще дарить такой огромный дом. Ведь сынок его выкрутился из этой подлой истории.

— Сынок, может, и выкрутился, — ответил Сережа, — а сам папаша увяз по самую макушку. Конечно, Наташин ложный донос обернулся подарком Артему, а вот письмо, подписанное твоим именем, оказалось не таким уж ложным. Теперь его отец мечется, теперь ему надо пристроить, отодвинуть от себя свое недвижимое имущество.

— Здорово придумал, — сказала я, — пойдем по-

смотрим вблизи на этот дом, может быть, Наташа уже действительно в нем хозяйничает.

Мы подошли к зеленому забору. Ни трещинки, ни щелочки в нем не было — ничего не разглядеть. Даже крыша дома вблизи не была видна, решили обойти забор кругом и наткнулись на будку, впритык стоявшую возле ворот. Зеленый цвет все сливал воедино, так что будка возникла неожиданно. Я отскочила в сторону, вдруг показалось, что сейчас из нее выйдет охранник с ружьем или автоматом. Сережа глянул на меня и махнул рукой, чтобы я отошла еще подальше. А сам стал стучать кулаком в дверь будки. Стучал долго, но никто не отзывался. Тогда мы решили продолжить свой путь вокруг забора.

Шли-шли и увидели наконец проем в заборе. Колея, наезженная колесами машин, всла от него в сторону леса. Там, видимо, была просека дорога. Двор был завален строительным мусором. В дальнем углу возвышались уложенные штабелями новенькие доски и огромные кубы красного кирпича. То, что напоминало Эйфелевы башни, оказалось подъемными кранами. Стройка здесь еще не закончилась. Зато новый дом на высоком фундаменте был такой внушительный, торжественный и величавый, словно никто его не строил, а вырос он сам, как гигантский гриб, в этом глухом лесном месте.

Мы уже не надеялись увидеть здесь Наташу, но все-таки поднялись по широкому мраморному крыльцу на открытую веранду и постучали в дверь.

— Наташа, ау! Выходи, встречай гостей!

Голос из угла веранды оборвал наши веселые выкрики.

— Вот сейчас я вам покажу и Наташу, и кое-что еще.

Мы оглянулись. Мужчина, видимо, до этого лежал за столом на скамейке, а сейчас уже сидел, хмуро уставившись на нас. Лицо небритое, опухшее, щелочки глаз, как у какой-нибудь рыси перед прыжком. Я струсила и затараторила с перепугу, что, мол, пришли мы к Наташе, она должна быть где-то здесь, а вообще мы сейчас уйдем, но если он скажет, где можно увидеть Наташу, то мы будем ему благодарны. Сережа дернул меня за руку и сказал:

— Остановись. Он пьяный и ничего не соображает.

— Я соображаю... Я вас сейчас пристрелю... — Мужчина не говорил, а рычал, но как-то беззлобно. Рядом с ним торчала винтовка какого-то старого образца. Он пытался подняться, подцепив ее рукой, но ничего у него не получалось. Плюхался на скамейку, грозил нам пальцем и снова пытался совладать с винтовкой.

— Пошли скорей отсюда, — сказала я Сереже и потянула его к крыльцу.

Он упирался.

— Не спеши. Этот тип пьяный в стельку. У него можно что-нибудь разузнать.

Вот у кого не было чувства опасности, у Сережи. А я эту опасность почувствовала. Да именно пьяному в стельку выстрелить ничего и не стоит. Объяснять это Сереже было некогда, я бросилась на него и стала вы-

талкивать с веранды. Он попробовал отбиваться, но потом смирился и последовал за мной.

Мы еще не вышли из просма забора, как позади нас раздался выстрел. Один, второй, третий... Вот тут мы пустились наутек. Бежали и земли под ногами не чуяли. Сначала вдоль забора, потом по лесной просеке.

Когда остановились передохнуть, Сережа спросил:

— Ты вправду смертельно влюблена в Николу?

Мне не хотелось отвечать на этот вопрос и вообще говорить с ним о Николе. И потом это слово «смертельно» — будто просто быть влюбленной мало. Да еще вдруг подумала: неужели это Женька наплел ему про мою смертельную любовь к брату?

— Не надо об этом, Сережа, такие вопросы не задают. Неужели ты этого не знаешь?

— Теперь буду знать, — ответил он.

И мы пошагали дальше.

15

На террасе, как обычно, было много гостей, появились и два новых лица — Мадама и Марина.

— Неужели они приехали вместе? — спросила я Жанну.

Она усмехнулась.

— Одной электричкой, но в разных вагонах. А потом увидели друг друга на платформе и до сих пор не могут опомниться от счастья.

Я с удивлением слушала Жанну: откуда такой враждебный тон? Наверное, Марина продолжает атаковать Пантелея, портит всем настроение.

Жанна тянула меня из-за стола, ей не терпелось поскорей узнать мои новости. А я была голодная, как волк, и не могла оторваться от тарелки. И все же заметила, что Валерия сидит грустная, задумчивая, и Пантелей как-то так смотрит в потолок, словно чем-то обижен.

Стол гудел, но общего разговора не было. Все что-то негромко говорили друг другу, только Адочкин голос вырывался из общего гула. Она через стол рассказывала Бабушке о Египте: «Если бы вы увидели эти пески, пирамиды, ваша жизнь сразу бы стала другой...» Бабушка наверняка была в Египте и еще в десятках разных стран, но как добрый и мудрый человек не сообщала об этом Адочке. Если человек щедро и радостно делится с тобой своими открытиями, можно и не показывать вида, что новости эти тебе давно известны.

У Жанны такого таланта не было. Мы покинули террасу и укрылись в беседке. И я ей повсдала о наших с Сережей открытиях.

— Я про этот дом давно знаю, — сказала она, — еще прошлым летом о нем здесь все говорили. Удивлялись, возмущались, куда-то сообщали, жаловались, что он вырубаст под свое стросние подмосковный лес. Но как видишь, все впустую, дом он все-таки себе отгрохал.

Спокойно выслушала Жанна и другие мои новости: о том, что этот дом может стать Наташиным, а она сама женой Артема. Не ахнула, не ужаснулась, когда я ей рассказала про выстрелы. Она была переполнена какими-то своими переживаниями. Я это видела, но не спешила с вопросами. Мне даже показалось, что я знаю, чем она недовольна: явилась Марина и теперь будет опять вертеться между Юрой и Пантелесом. Хотя Жанна отказалась от Юры, может быть даже разлюбила его, это совсем не значит, что Маринины ужимки и прыжки вокруг него ей безразличны.

Вдруг Жанна положила руки на стол, на них лицо, и плечи ее затряслись в рыдании. Я растерялась.

— Жанна, что с тобой? Что случилось?

Она не сразу ответила. Подняла лицо. Слезы катились по щекам и шее. Такой несчастной я ее никогда не видела.

— Светочка, если бы ты только знала, что происходит: Валерия не любит Пантелея... — и опять взрыв рыданий и слез.

Мне очень хотелось ее успокоить, но я не знала как. И сказала глупость:

— Ну и хорошо, что не любит. Полюбит кого-нибудь другого.

У Жанны уже не было сил на рыдания, она только всхлипывала и глядела на меня с ужасом.

— Что ты болтасшь? Сердца у тебя нет. Она ему уже это сказала. Свадьбы не будет.

— А Мадама? Она знает?

— Никто не знает. Только они, я и теперь вот ты. — Она вдруг умолкла и кивнула в сторону террасы. — Смотри!

Там стоял Женька. Вот уж кто явился в самый неподходящий момент. Он стоял спиной к нам, но и сзади было видно, что он кого-то выглядывает через стекло террасы. Конечно же меня.

Я подбежала к нему, тронула за плечо. Он обернулся, глаза его горели, как у кошки в темноте.

— Никола вернулся.

Не знаю, каким стало мое лицо, но Жанна права — сердца у меня не было. Вместо него в груди больно

застучала какая-то тяжелая железная гайка. Жанна почувствовала, что мы неспроста стоим и молчим, и подошла к нам.

— Никола вернулся, — сказала я ей.

Она сразу поняла, в каком я состоянии, и сказала Женьке:

— Ты иди. Она скоро придет. Дай ей опомниться.

Она произнесла очень точное слово — «опомниться». Я опомнилась. Сердце мое перестало стучать, теплая волна благодарности окатила меня с головы до ног. У меня не нашлось подобного слова, когда Жанна задыхалась от слез. Такое слово нельзя найти, выучить, запомнить. Оно само рождается, если чужое потрясение проникает в тебя как свое.

— Жанна, я твой друг на всю-всю жизнь.

— Это я запомню. И ты не забудь, — откликнулась она. — А теперь пойди и посмотри на себя в зеркало. Волосы, как воронье гнездо, джинсы драные. Надень платье и вообще приведи себя в порядок. Где-то моталась полдня по лесам, полям, под чужими заборами и теперь в таком виде на свидание?

— Какое свидание, Жанна? Это просто встреча.

— Пусть просто встреча, — сказала моя терпеливая Жанна, — но ты вспомни, сколько времени прошло после вашей последней «просто встречи».

Я шла в деревню и удивлялась, что совсем не волнуясь и даже не радуясь предстоящей встрече. Шла легкая и какая-то пустая, словно все у меня внутри выгорело, и я уже не я, а всего лишь оболочка прежней Светы. Даже Юра, обогнавший меня на своем велоси-

пеле, заметил это. Остановился, дождался меня, спросил:

— Что это ты плывешь, как умирающий лебедь?

Я не обиделась, его слова были кстати, а то бы таким «лебедем» и явилась к Николе.

— Разворачивай своего коня в обратную сторону, — сказала я ему. — Марина приехала.

— А кто это такая?

— Не знаешь? Ну так познакомишься. Спешу, а то уедет.

Эта перепалка словно вернула меня на землю. Я иду к Николе, сейчас увижу его. Люблю я его или не люблю — это не имеет никакого значения, главное, он живой, вернулся, справедливость восторжествовала. Я ему друг. У меня два друга — Жанна и он. Маловато. Значит, надо их очень беречь, чтобы не потерять, не променять, не разочаровать. А если он влюблен в эту Воробьеву — ну и что? Если она не дура, то поймет, что любовь приходит и уходит, а дружба — навсегда. Вот с такими мыслями я подошла к калитке их дома. Нарядная, в лучшем своем платье — белом, с розовыми карманами и воротником, прямо светлый ангел, символ вечной дружбы и справедливости.

Калитка была закрыта, но я уже знала, как она открывается: надо нажать на щеколду, а потом приподнять всю калитку чуть-чуть вверх. Я так и сделала и вошла во двор.

Там никого не было. Я поднялась на крыльцо — и в доме тихо. А я была уверена, что у них праздник, застолье. Иначе и быть не могло в такой день. Хотела

позвать Жсньку, но передумала: при чем здесь он, я же не к нему пришла. И тут увидела Николу. Он вышел из-за дома с лопатой в одной руке и с ведром в другой.

— Здравствуй. — И пошел к бочке, стал мыть руки.

А мне в моем белом платье захотелось провалиться. Вырядилась, встречайте гостью. Была бы в джинсах и майке, и все было бы по-другому. Я глядела на него с отчаянием: неужели это Никола? Где его синие глаза? Куда подевались густые русые вихры и красивый загар, как у индейца? И все-таки это был Никола.

— Тебя там остригли? — спросила я, будто это был тот самый вопрос, с которого надо было начинать разговор.

Он провел ладонью по голове, волосы уже немного отросли и после его ладони вздыбились ежиком.

— Это мы с Женькой так друг друга оболванили, планы на лето были большие: дом перестроить, потом на Селигер на рыбалку съездить. И что бы все эти кудри-локоны не отвлекали, не усложняли жизнь, решили от них избавиться. Наверное, я тебе такой не нравлюсь, да?

Мне другое не нравилось. Не так мы должны были встретиться, не об этом говорить. Человека предали, он вернулся, можно сказать, из заточения и о чем мы говорим? О том, нравится он мне или нет без своих кудрей-локонов? К тому же я стояла наверху, у дверей, а он внизу, возле первой ступеньки крыльца. И в этом было тоже что-то неправильное.

— Мне не нравится другое, — отвстила я, — то, что с тобой случилось.

— Ну, это другой, отдельный разговор, — сказал Никола и кивнул мне, чтобы я спустилась с крыльца.

Мы пошли к полю, туда, где они когда-то с Женькой пасли коров. День клонился к вечеру, но еще было светло, солнце еще не спряталось за полосой леса и оранжевым шаром выглядывало из-за верхушек елей. Коров не было видно, они сейчас в низине, скоро их погонят домой. А вот и береза, под которой Женька, уткнувшись в книгу, ел банан. Якобы готовился к перс-экзаменовке. Я вспомнила вдруг, как Никола шпынял младшего брата, как однажды сказал: «Не был бы братцем родным, я бы к нему близко не подошел». Сейчас, наверное, так не думает.

Быстроногая собачонка черным лохматым шариком выкатилась нам навстречу.

— А где Гулька? — спросила я.

— Где-то там, где коровы, — ответил Никола, — несет службу. А это, между прочим, ее сын — Джон.

Мне показалось это очень смешным — Джон. Прямо как президент Кеннеди.

— Это Женька так его назвал. Кстати, ты заметила, как он изменился?

— Нет. По-моему, твой братец все такой же веселый, добрый.

— Не скажи. Насчет доброты у него не все так просто было. Помнишь, деньги копил на машину, мечтал пассажиров на станцию возить?

— Помню, накопил?

— Ну, что ты. Утекли сбережения. По моей милости лишился он своего капитала. И мама все, что у нес

было, потратила, в долги залезла. Теперь мне надо думать о работе, искать подходящую, кончилось золотое детство.

— Никогда оно у тебя не было золотым.

— Ты так считаешь? Думаешь, что золотое детство, когда у дачи высокий забор, иномарка в гараже, а сам ты на черном велосипеде, которому цены нет? — Он говорил о Юре, но я не подавала вида, что догадалась, о ком он. — Золотое детство, Света, это когда проснулся и сразу босиком по траве, когда на столе кружка парного молока или мама блины печет, а ты изнываешь, ждешь, когда будет готов последний и тебя позовут к столу. И еще золотое детство — это когда ласточкой или солдатиком летишь с обрыва в озеро, и дачные мальчишки смотрят на тебя с завистью. Ты уже посинел от нырянья, а им нельзя, они под присмотром старших.

Это была ода его золотому детству. То, о чем он говорил так возвышенно, было правдой, и все-таки не всей.

— А как насчет прополки под палящим солнцем, — спросила я, — куда же ты дел воду, которую надо носить, дрова, которые надо колоть, да и братца, который вечно таскался за тобой хвостом, ленился и взваливал на тебя свою работу?

— Это для равновесия, — серьезно ответил Никола, — без всего этого не бывает вкусным хлеб и вода становится пресной, дохлой. Я, например, не удивляюсь, что некоторые люди не едят хлеба. И объяснение придумали — от него толстеют. А он им просто не по-

ложен. Хлеб, как и все хорошее в жизни, надо зарабатывать.

Наверное, там, где он сидел взаперти, прежняя жизнь показалась ему идеальной. И сейчас он еще не вышел из этого своего состояния. Я слушала его и соглашалась, он был прав: нырять с обрыва в воду куда радостней, чем мотаться по жаре вдоль дачных заборов даже на самом лучшем в мире велосипеде.

— Никола, там, где ты находился, было очень тяжело?

Он ответил не сразу, словно сам точно не знал, как там ему было. Наконец произнес:

— Нормально.

— Нормально сейчас, когда ты дома. Там не могло быть нормально.

— Значит, мне там было как всем, кто там находился.

Это уже ни в какие ворота не лезло. Что значит «как всем»? Неужели там все были ни в чем не виноваты? Я сказала ему об этом.

Он остановился, повернулся ко мне, но глядел куда-то поверх моей головы.

— Видишь ли, Света, почти все, кто туда попадает, считают себя невинными. Водка виновата, дружки подвели, затмение нашло какое-то. Это и помогает им там жить, терпеть, на что-то надеяться. Я же на самом деле не был виноват в том, в чем меня обвинила Наташа, верил, что суд меня оправдает, и мне было полегче.

Мы повернули обратно. Джон бежал впереди, путался в ногах, иногда отбегал в сторону и угрожающе

лаял, словно оповещал всю округу, что к нам подходить не надо.

— Главное, что я там понял, — это то, что нельзя жалеть себя. Ни в каких, даже самых несправедливых обстоятельствах. Если бы я стал жалеть себя — какой же я несчастный, какие люди сволочи, они еще со мной не такое сотворят, — то сразу бы рухнул и сломался. Так что, Света, не верь ничьим советам, что больше всех человек должен любить себя. Мол, будет любить себя, и тогда его другие тоже полюбят. Это не так. Человек прежде всего должен относиться к себе честно.

Слова его звучали прекрасно. И сам он был прекрасен. И тогда, и сейчас. И в своих кудрях-локонах, и без них. Я хотела спросить его о Наташе, как он к ней после всего относится, но он опередил меня:

— Наташу жаль. Ей хуже всех. Это заявление, которое она написала, будет теперь с ней всю жизнь.

— Все-то ты знаешь.

— У меня было время разобраться в своих знаниях, даже в тех, которые лишние.

— Разве знания бывают лишними?

— Бывают. Например, человек знает, что любовь приходит и уходит, а он не должен этого знать. Он должен верить, что любовь бессмертна, одна на всю жизнь. А если она прошла — значит, это была не любовь.

Его слова обожгли меня. О чьей бессмертной любви он говорит? О своей? К Зинаиде Воробьевой? Я уже была уверена, что не ко мне. Ну и пусть. Почему непременно любовь? Я уже не та «крошка», которая вы-

могала на поваленном дереве свой первый поцелуй. Я другая. И пусть он это знает. И не знает того, что мне все известно про Зинаиду Воробьеву.

— Когда-нибудь, — сказала я и почувствовала, что голос меня подводит, стал каким-то бессильным, хриплым, — ты встретишь свою настоящую любовь. Обязательно встретишь, потому что веришь. И я когда-нибудь поверю.

Он точно не любил меня, потому что очень уж по-доброму, почти по-отечески сказал:

— Главное, не спеши.

Мы шли уже по деревенской улице, когда услышали шум и смех, доносившиеся со двора Николы. Это нагрянули его одноклассники. Я остановилась, выглядывая, куда бы свернуть. Никола взял меня за руку.

— Не вздумай убегать. Я тебя с ними сейчас познакомлю.

— Незачем. Ты ведь не знаешь, что они со мной сотворили.

— Знаю. Письмо. Ты начала это дело, напугала кое-кого в Березке, а они подхватили, решили одним махом покончить со всем криминалом на нефтебазе.

— Оправдываешь подлог?

— Нет. Оправдываю души высокие порывы. Это был порыв. Они раскаиваются, что так обошлись с тобой.

— Тем более нам не надо сейчас встречаться.

Но он не отпустил мою руку, и мы такой вот дружной парой предстали перед гостями. Кое-кого из девчонок я знала, мы с Жанной разговаривали с ними о

Наташе. Парней было всего двое. Их всего в Николином классе, оказывается, было семь человек. Девчонки принарядились, и мое белое платье с розовыми карманами наконец-то пришлось кстати.

Одна из них сразу подошла ко мне:

— Света, мы хотим перед тобой извиниться...

— Да что уж теперь, — перебила я ее, — все уже прошло-проехало и забыто.

В доме мама Николя пекла блины, их запах проникал во двор. До ужаса хотелось этих блинов, но уже стемнело, и мне пора было возвращаться.

Я посчитала, что выскользнула незамеченной, но по дороге меня догнал Женька.

— Побежали, — сказал он, — а то пока я туда-сюда, они там все блины съедят.

— А зачем ты прибежал? Я и без тебя знаю дорогу.

— Так Никола приказал. Я ему говорю: да не поздно еще, ничего с ней не случится. А он: иди, кому сказано?

Еще вчера Женька был решительный, самостоятельный, а сегодня уже младшенький, не смеющий ослушаться старшего брата.

Шел рядом, недовольствовал, что-то бубнил себе под нос. Я не вслушивалась. И все-таки хорошо, что он не повернул обратно. Тогда бы мы с ней разминулись. Сама бы я никогда не догадалась, что эта девчонка, совсем некрасивая, длинная, угловатая, и есть она — Зинаида Воробьева.

Мы шли уже по дачной улице, когда она возникла в слабом свете фонаря. Увидела Женьку и бросилась к нему:

— Ну как он?

— Жив-здоров, — ответил Женька, — чего и тебе желает.

Он разговаривал с ней неприветливо, свысока. С каким-то злорадством представил меня: знакомься, это — Света.

— Я так и подумала, — сказала Зинаида, — мне Никола о тебе рассказывал.

Я смутилась и спросила:

— Что-нибудь хорошее или плохое?

Лицо ее осветила улыбка, и я увидела: не надо ей никакой красоты. Ей только вот так улыбнуться, и все красавицы сникнут рядом с ней. И слова ее были такими же лучезарными, как и улыбка:

— Да разве может Никола говорить о своих друзьях плохо?

Когда мы расстались и каждый пошел своей дорогой, Женька сказал мне:

— Ну, как она тебе показалась? Думасшь, примут ее в театральный?

— Не знаю. Если есть талант, вполне могут принять.

— Талант есть, — Женька произнес это нехотя, словно сожалел, что Зинаида талантливая, — но все равно никакой артистки из нее не получится.

— Почему?

— Потому что таких не бывает. Сама же видела, какая она. Ни кожи, ни рожи.

Про кожу и рожу он не сам сочинил — это такая поговорка. Но все равно он обидел не только Зинаиду, но и меня. Еще какой-то Женька будет выносить при-

говор женской красоте. Надо было срочно ставить его на место.

— Ты ненаблюдательный. Это у просто талантливых хорошенские и красивые лица, а у великих — всегда особенные и по общим меркам даже некрасивые.

Женька не спорил, он знал, чем можно от меня отбиться, этот козырь у него был.

— Вот ты ее защищаешь, а она бегает за Николой. Влюбилась в него.

Женька не любил Зинаиду. Возможно, это была у него, как и у меня, ревность. Но я не собиралась поддакивать ему: ох, ах, какой ужас, влюбилась и бегает. Да сам ты, Жснечка, только и делаешь, что таскаешься за ним хвостом.

Надо было сказать ему что-нибудь торжественное и поучительное. И такие слова у меня нашлись.

— Всякое высокое чувство священо, — сказала я, — ты, Женька, это должен запомнить. В Николу еще многие будут влюбляться и влюбляться. А вот он полюбит лишь один раз, но зато на всю жизнь.

Женька разозлился и заорал:

— Дура ты! Один раз! На всю жизнь! Ты ладонь его видела левую? Там буква «дэ» выколота. Это он еще в третьем классе выколол, когда в Динку влюбился.

Мы уже пришли, стояли у калитки. Женька выкрикнул свои слова и опомнился, ринулся от меня бегом и скрылся в темноте. Может быть, ужаснулся, что выдал тайну брата, а может, просто вспомнил про блины.

16

Дача уже не просто переполнена гостями, а трещит от них. Завтра свадьба. Нас с Жанной выселили теперь уже из сторожки, и мы ночуем на летней кухне у Дони. Сама она спит рядом с нами на раскладушке, спит крепко и не слышит наши неумолкающие до рассвета разговоры. Встает Доня рано, а мы, как и все остальные, просыпаемся поздно. На кухонном столе, прикрытый салфеткой, ждет нас завтрак. На террасу мы уже не суемся, там наши места заняты. Мы счастливы, что взрослым нет до нас никакого дела, и живем своей жизнью. Ходим на озеро, в лес и деревню, только в Березке стараемся не появляться. Там поглядывают на нас искоса и с опаской, как на каких-нибудь террористов. Но все-таки обходить стороной эту Березку не удастся: то пошлют в магазин, то мне надо звонить маме.

Утром к нам на кухню заявляется Валерия. У нее каждый новый день начинается с нового настроения.

То она в расстройстве: зачем этот весь народ, что за безумное сборище по поводу такого скромного события, как ее свадьба? То ее обуревают сомнения насчет любви: любит ли она Пантелю? Любит ли он ее? И на все эти вопросы мы с Жанной должны давать ответы. Жанна говорит:

— Валерия, спросишь об этом у Пантелю через пятьдесят лет, на вашей золотой свадьбе. А сейчас продолжай с ним ссориться, выяснять отношения, что с тобой поделаешь, если ты такая.

Валерия действительно сама на себя не похожа. То они с Пантелею целуются на глазах у всех, хохочут и бегают, взявшись за руки, как дети, то ссорятся. Пантелей садится в машину, уезжает и через полчаса возвращается.

— Я знаю, почему она такая, — говорит мне Жанна, — это Янис, тот «новый латыш», который бросил ее перед свадьбой, виноват. Она его не вспоминает, но не забыла. Он подглядывает за ней, оправдывается: никто тебя не бросал, ты сама не захотела ждать, смотри, не пожалей об этом.

— Сравнила какого-то белобрысого Яниса с Пантелею! — возмущаюсь я. — С Пантелею вообще никого не сравнишь — он знаменитость, звезда.

Я никогда не видела Яниса. О нем мне рассказала Бабушка, рассказала, как всегда, с каким-то дальним прицелом: мол, мотай на ус, знай, что и такое в жизни бывает. Но на мой ус ничего не наматывается. Я и тогда сказала Бабушке, и сейчас так считаю, что если человек собрался жениться, то назад уже хода нет, хотя ему и

захотелось бы вдруг, как гоголевскому Подколесину, выскочить в окно.

Жанна согласна со мной, что Пантелей жених особенный, но она бы за такого замуж не пошла. Ведь с ним по улице спокойно не пройдешь: все плятятся, чуть остановился — тут же туют под нос какую-нибудь бумажку или открытку для автографа. Нет, ей в будущем такой муж не нужен. К тому же Пантелей человек веселый, легкий, необидчивый только на экране телевизора. А в жизни он и другим бывает: скучным, задумчивым, может обидеться из-за пустяка.

— Все люди, — говорю Жанне, — бывают иногда скучными и задумчивыми.

— Не все, — возражает она, — есть такие, которые всегда веселые.

Я знаю, о ком она. О Сереже. Это он всегда веселый.

В последние дни как только его имя возникает в наших разговорах, Жанна светится, а на меня нападает столбняк. Жанна замечает мое состояние, но ничего не говорит. Возможно, думает, что у меня очередной приступ ревности. От этого я еще хуже себя чувствую и еще больше мертвею. И ничего объяснить ей не могу. И с Сережей при встрече поначалу чувствую себя не в своей тарелке.

А началось это несколько дней назад. Я, Сережа и Жанна слонялись по дачному поселку и, как всегда, разговор наш прыгал с одного на другое. В этот раз говорили почему-то больше всего о Марине: она вроде бы никому ничего плохого не делает, а все равно люди от нее отскакивают, как горох от стенки. Даже Юра,

который ей самая пара, и тот то ли поссорился с ней, то ли просто разочаровался.

Вот так мы шли, разговаривали, и вдруг навстречу Женька с радостной новостью. Суда не будет, с Николы взяли подписку о невыезде, сейчас с ним разговаривает следователь, который зачем-то хочет видеть и меня. И мы с Женькой побежали в деревню.

Следователем оказалась женщина, молодая, симпатичная. Она ничего не спросила у меня о Наташе, ее интересовал отец Артема. Она называла его по фамилии — Осипов. Как вел себя и что говорил Осипов, когда явился в тот вечер к нам на дачу. Я рассказала все, что помнила, и о той угрозе Пантелею, которая прозвучала из уст этого Осипова. Мол, Пантелей должен подумать о себе и не вникать в то, что здесь происходит, а то он может лишиться своей хорошей должности на телевидении.

Потом мы пообедали, и следователь с нами. Она нам понравилась. Мы с Женькой даже проводили ее на электричку.

Когда я вернулась на дачу, то сразу заметила — Жанна на небесах. Глаза ее сверкали, загадочная улыбка не сходила с лица. Она смотрела на меня и не видела. По-моему, вообще никого и ничего не видела. Я начала ей рассказывать о встрече со следователем, но она меня перебила:

— Светка, давай сначала я тебе расскажу, что произошло, пока тебя не было.

Кто-нибудь другой, возможно, слушал бы Жанну, затаив дыханис. Но каково было мне?

— Вы с Женской убежали, а мы еще ходили по улице туда-сюда и отправились в лес. Шли, болтали и вдруг полянка. А на ней пенек. Низенький такой, но большой. Мы сели на него передохнуть. И тут Сережа поворачивается ко мне, обнимает и целует. Я замерла. У меня просто все закружилось перед глазами. А он спрашивает: скажи, ты смертельно влюблена в Юру? Я отвечаю: какой Юра, при чем здесь он? И тогда Сережа сказал: я тебя люблю, но если бы между нами стоял Юра, я бы отошел в сторону и ты бы о моей любви никогда не узнала.

Жанна умолкла, ждала, что я скажу. А что я могла сказать? Жанночка, на этом же пне он поцеловал и меня? А когда мы возвращались оттуда, где в нас стреляли, спросил: ты вправду смертельно влюблена в Николаю? Дурачок все-таки этот Сережа, хоть бы вопросы нам задавал разные.

Я могла бы сказать своей подруге: плюнь и забудь и этот пенек, и все, что он тебе говорил. Он же из Сочи, из города любви, где все эти поцелуйчики и признания просто приложение к всеелому отдыху. Да и в Москве немало таких весельчаков.

Но и нас, таких, как мы с Жанной, немало. Мы много говорим между собой о любви, мечтаем о ней, но не спешим кидаться в этот омут. Такие, как Марина, презирают нас за это. Такие, как Юра, дразнят «дачными маргаритками». Но даже они понимают, что их поведение всего лишь подражание кому-то и чему-то. Пройдет мода на высокомерных, бездушных мальчиков, на самовлюбленных, экстравагантных девочек, и они

станут следовать другой моде. Хорошо бы эта новая мода была более человечной, простой и благородной.

— Но ты ведь не любишь Сережу, — сказала я Жанне, — что же тебя так взволновала его любовь?

Жанна приняла мой вопрос как удар, даже вздрогнула.

— А ты? Ты разве не мечтала, чтобы Никола полюбил тебя?

Продолжать этот разговор — значит поссориться. К тому же я не могла сказать Жанне самого главного: Сережа ее не любит. Он никого не любит, поэтому так легко заявляет о своей любви.

— Мечтала, — сказала я, — и сейчас мечтаю. А что толку?

Жанну сразил мой смиренный ответ. Она стала меня утешать:

— Сейчас Николе не до любви. Представить только, что он пережил. Ты, по-моему, все это понимаешь. А если не понимаешь, то поймешь.

Я не понимала другого: как мне сейчас относиться к Сереже. Он появлялся, и я цепенела от неловкости, в каждом его слове слышала вранье и фальшь. А он, конечно, ни о чем таком не догадывался: прыгал, вертелся между нами, веселился от души. Жанна вспыхивала, когда он говорил ей: «Я откровенный, незамысловатый, но сжался, не всем же быть такими загадочными, непостижимыми, как Штирлиц». И мне перепало: «О, свет мой, Светка, не хмурься, и кроме Николы есть еще рыцари в этом селении».

Он был такой, какой был, но Жанна этого не знала,

глотала его словечки, как отраву, и каждый вечер понимала меня вопросами, что бы они значили, довела меня до того, что я все-таки решила поговорить с Серсжей.

Моя пылкая речь свелась к тому, что не надо морочить людям головы, а если уж без этого обойтись не можешь, то хотя бы не штампуй свои признания и поцелуйчики под копирку. Серсжа все это выслушал, опечалился и каким-то разочарованным голосом сказал:

— Ты действительно ненормальная.

— А ты нормальный? Что ты привязался к этому пню? Табличку к нему пришей: «Кто на новенькую?!»

Больше всего я боялась, что Серсжа расценит все это как мою ревность: ее там поцеловали, а потом подругу, вот она и взбесилась. Но он, к моему счастью, про ревность не вспомнил. Он сказал другое:

— По-моему, ты все усложняешь. Если поцелуй, то уж обязательно любовь до гроба. Как будто никакой другой любви не бывает. А если коротенькая любовь, мимолетная — это преступление? Знаешь, в чем дело? Назвали одним и тем же словом разные состояния души и запутали всех. Любовь, любовь... замучили ее люди, ждут от нее неизвестно что, всякие правила устанавливают.

Я не ждала, что он такое скажет. Я даже была согласна с ним, но все же не во всем.

— Тогда, Серсжа, можно и Артема оправдать: напился, ударила в голову мимолетная любовь — и не считайте, люди, все, что потом случилось, преступлением.

— У-у-у, — затянул Сережа, и в его гудении явно слышалось: ну ты уж совсем не в ту степь. — Я тебе про Фому, а ты мне про Ерему. Я тебе про хороших людей, а ты мне про подонка.

— Вот что, хороший человек, все же не задуривай Жанне голову. Она ведь не знает, что любовь бывает и такая, и сякая, да и знать ей этого не надо. И мне бы не надо, но ты уже объяснил.

Но тут Сережин запас откровения иссяк, он подпрыгнул, ударил себя ладонями по коленям, потом по груди, потоптался в своем странном танце на месте и широко развел руки в стороны.

— Я люблю Жанну! — крикнул и опять заплясал, затопал, поклонился и закончил: — И тебя тоже.

Ничего новенького. Я когда-то так себе все это и представляла.

И все же после разговора с ним у меня полегчало на душе. Я перестала цепенеть от неловкости, когда мы оказывались вдвоем: никого этот весельчак Сережа не обманывает, всех любит — ну и пусть любит.

О Николе в последние дни мы почему-то с Жанной не говорили. Она не спрашивала, почему я забыла дорогу в деревню, а если бы спросила, мне нечего было бы ответить. Это у Дони были ответы на все вопросы. Она однажды, когда мы с Жанной говорили о любви, вдруг изрекла: «Кого любишь, в ту сторону часто не гляди, а кого не любишь, стороной обходи». У Дони на все случаи жизни было много прибауток, поучительных и смешных, которые почему-то быстро забывались. Но эту я запомнила. И могла бы сказать Жанне, что не

забыла дорогу в деревню, а просто стараюсь не смотреть часто в ту сторону, кого люблю. Могла бы, но не сказала, и Женьке не сказала, когда он спросил:

— Чего не приходишь? Куда запропала?

— Завтра приду, — ответила я, обрадованная, что отсутствие мое замечено, может быть, не только Женькой.

— Приходи, — сказал он, — только Никола нет, он уехал.

В одну секунду все пропало: и мое мудрое поведение часто не смотреть в ту сторону, кого люблю, и наша завтрашняя встреча с Николой. Наверное, все это отразилось на моем лице, потому что Женька стал меня утешать:

— Ты что? Он недалеко уехал. Он в Москве. Поступил на работу, собирается сдавать экзамены на заочное отделение в юридический.

— А какая работа?

— В милиции. Но он еще не совсем там работает, только стажирется.

Лучше бы он этого не говорил. Никола будет милиционером? Он, что ли, книжек этих дурацких не читал, где на обложках пистолеты, трупы и кровь? Фильмов по телику не видел, где милиционеры пьют даже на работе, хамят друг другу и носятся как угорелые по чердакам, прячутся за выступами в каких-то залах с цистернами и, растерзанные, битые, одерживают победу над преступниками.

Я высказала все это Женьке. И еще то, что Никола в этой милиции огрубеет, научится пить, ругаться вся-

кими словами. В общем, был человек и пропал. Наверное, там, где он находился под следствием, его обманули: мол, ты не виноват, мы это выяснили, но все-таки ты обязан отработать свое освобождение.

Женька слушал меня, опустив голову, а когда я увидела его лицо, то ужаснулась: оно было даже не красным, а бордовым.

— Я пошел, — сказал он, — а ты уж так не волнуйся, не переживай. Это же не твой брат в милиции собрался служить, а мой. Так что успокойся, тебя это не касается.

17

И Жанна на меня ополчилась, когда я ей рассказала, на какую работу решил определиться Никола.

— Я думала, ты смелая, а ты трусиха, — сказала она, — знаешь, кого ты испугалась? Марину. Представила себе, как Марина торжествует и злорадует, и струсила.

— Да при чем здесь Марина? Я про нее даже не вспомнила.

— А я не про конкретную Марину говорю, а про всех таких, как она. — Жанна не щадила меня. — Это же у них люди поделены на первосортных и остальных. И милиционеры в этом ряду чуть ли не на самом последнем месте.

Что-то случилось этим летом с Жанной, какая-то она стала другая, воинственная. И с чего она вдруг так рьяно защищает милицию, что она о ней знает?

— А я не милицию защищаю, — ответила Жанна

на мой вопрос, — мне за Николу обидно. Ты же сама мне внушила, какой он необыкновенный, замечательный. Что же ты не уважаешь выбор такого человека?

— При чем здесь «не уважаешь выбор»? Я боюсь за него. Не хочу, чтобы он стрелял и в него стреляли.

— Ах вот оно что: ты этого не хочешь. Права твоя мама, когда называет тебя «умной Эльзой». Еще никто не стреляет, а ты уже сидишь у бочки с вином и оплакиваешь его участь. — Жанна говорила со мной снисходительно, как с младшей. — Не горюй, Светка, все, что происходит с хорошим человеком, для чего-то надо. Может быть, даже для чего-то очень хорошего. Бабушка мне как-то сказала: человек должен думать не о том, что с ним происходит сейчас, а о том, что из сейчас происходящего будет потом. Вот давай и мы об этом подумаем: Никола будет работать в милиции, закончит юридический и, вполне возможно, станет прокурором. Правильным прокурором, смелым, справедливым. И ты однажды явишься к нему: ой, Никола, ты живой, тебя не убили, и ты по-прежнему лучше всех. А он тебе ответит: что-то я вас, гражданка, совсем не помню; извините, конечно, но память у меня такая — все обиды забываются.

Пантелей когда-то сказал с экрана телевизора: «Друзья нужны для чего? Для того, чтобы от них получать одобрение своей жизни». Но этого, оказывается, мало. И неодобрение друга тоже бывает необходимо, когда ты зарвался или чего-то не понял. Я не сказала Жанне «спасибо», она и не нуждалась в моей благодарности.

...К свадьбе готовились долго, но, когда наступил этот день, оказалось, что и посуды, и стульев на всех не хватает. Меня и Жанну отправили к соседям. Мы призывали на помощь Сережу, а тут и Юра попался на глаза, и мы вчетвером двинулись одалживать у соседей стулья, вилки и тарелки.

На ближайшей соседской калитке висел замок, и на следующем участке никаких признаков жизни не наблюдалось. Прошли дальше. Согбенная старушка подошла к забору и сказала: «Хозяева приедут в субботу». И дальше не лучше: даже там, где были люди, калитку открывать никто не спешил. Спешили сообщить, что никаких лишних стульев и тарелок у них не имеется, а когда мы отходили, то открывали калитку и смотрели нам вслед.

— Просто озверели люди, — сказал Юра, — в каждом человеке им мерещится грабитель. А раньше — ворота нараспашку: заходите знакомые и незнакомые, угощайтесь яблоками, крыжовником.

— Старсешь, Юра, — сказала ему Жанна, — уже все прошлое у тебя в идеальном свете. Что-то я не помню никаких ворот нараспашку на вашем участке, а уж яблоки, ягоды, которыми угощают всех подряд, на-верняка тебе приснились.

Юра закипел, стал огрызаться, нарастала ссора, но миротворец Сережа быстро ее погасил:

— Значит, так: идем ко мне, посуды у нас навалом. А стулья мы возьмем в другом месте.

Мы отнесли тарелки, блюда и все остальное, что

выдала нам его бабушка, и Сережа повел нас за стульями.

Я не сразу вспомнила, что это за дача, к которой он нас привел, но Жанна так рванулась к калитке, так загородила ее собой, расставив руки, что и я ринулась за ней и стала рядом. И только тогда вспомнила, чья это дача. Ливень сплошной стеной, мы под навесом крыльца, а у нас за спиной, в чужом доме, Сережа и Женька. Женька сообщает, что здесь они решили прятать Наташу. Она будет жить в этом доме, а они ее охранять, доставлять еду. И тогда этот рыцарь Сережа ничего не сообщал, и сейчас не возьмет в толк, что к этой даче близко подходить нельзя. Это же собственность отца Артема.

— Да мы только возьмем там несколько стульев и табуреток и завтра вернем. — Сережа пытался оттолкнуть нас от калитки, даже Юру позвал на помощь, но тот не сдвинулся с места. — Да там вообще такое старье, которое никому не нужно.

Но мы с Жанной сдержали его натиск и, как потом оказалось, правильно сделали, что не тронули эти стулья.

Свадьбу играли во дворе. Кстати, слово «играли» к этой свадьбе не подходило. Играют — это когда хором поют, пляшут, веселятся от души. А наша свадьба началась чинно: гости не сразу ринулись к столу, а какое-то время стояли группками, дожидались, когда появятся молодые. Стол был — загляденье, он тянулся от крыльца дачи, прерывался в том месте, где была клумба, и продолжал свой путь уже в саду, под зелеными еще

яблоками и сливами. Нехватку стульев заменили досками, положенными на табуретки. Доски покрыли диванными подушками, и всем было просторно и удобно. С угощением одна Доня не справилась бы, поэтому все, кроме салатов и других овощных закусок, было привезено из города — из нескольких ресторанов. Оттуда же было доставлено и мороженое в высоких металлических цилиндрах.

Валерия и Пантелей сидели во главе стола. Пантелей в черном костюме из какой-то новомодной поблескивающей ткани. Валерия — в белом длинном платье, на голове вместо фаты — кружевная, очень красивая шляпка. Поначалу молодожены были слишком серьезны. Я даже подумала: уж не в ссоре ли опять? Но вот отзвучали первые тосты за родителей, за счастье молодых, стол вразнобой потребовал: горько! Молодожены поднялись и, когда целовались, Пантелей пересправил кружевную шляпку Валерии себе на голову. Она этого не заметила, а все покатались со смеху. И с этой секунды никакой торжественной чопорности за столом уже не было. Тосты превратились в смешные рассказы: вспоминали свои свадьбы, другие веселые события. Получалось так, что вся их жизнь была цепью нелепых веселых историй. Вспомнили и Адочкину Южную Америку, в которой «чем южнее, тем севернее», и как Валерия в седьмом классе на бегу влетела в будку «Справочного бюро», отодвинула плечом женщину, листавшую какую-то книгу, и спросила через окошечко у очереди, как пройти на такую-то улицу.

Я заметила, что Мадама не смеется, лишь иногда

улыбастся, и то как-то грустно. Ес на свадьбе не забыли, тост был произнесен персональный в ее честь, и все равно она была какая-то одинокая. Видимо, окончательно убедилась, что хозяйкой сй на этой даче не бывать. Тут уже без нее огромное количество хозяев. Гости здесь царствуют, они здесь желанные и любимые, поэтому им так весело.

Часа через два-три за столом осталась половина гостей. Вторая половина расползлась: кто в беседку слушать Адочкины романсы, кто на террасу пить кофе и обсуждать совсем не относящиеся к свадьбе новости, а кто-то просто качался в гамаке или любовался на грядках Дониными тыквами, которые в этом году обещали стать великанами. А те, что остались за столом, продолжали свои тосты-воспоминания и хохотали так громко, так оглушительно, что сидевшие в беседке поглядывали на них с упреком. И Доня, проходя мимо нас, пробурчала: «Что это их так разбираст? Не к добру такой смех, не к добру».

Мы с Жанной сидели в конце стола, в тени тонкоствольной высокой сливы и страдали, что столько прекрасной еды пропадет. Зазвать бы сюда Женьку, Сережу и даже Юру, а как зазовешь? У нас здесь меньше прав, чем у самого случайного гостя. И уйти невозможно: не простое застолье — свадьба.

Но вот включили магнитофон, музыка объединила всех, к вытоптанной площадке возле ворот потянулись гости — начались танцы. Мы с Жанной тоже оказались у ворот и собрались уже улизнуть на волю, но задержались — очень уж смешно вытанцовывало свои фокстро-

ты и танго старшее поколение. Стояли, посмеивались, и вдруг Жанна спросила:

— Чем это пахнет?

Я потянула носом, пахло вроде бы горелой бумагой.

— Что-то сгорело, наверно, у Дони на кухне, — сказала Жанна, — пошли посмотрим.

Возле летней кухни стояла Доня. Она стояла, подбоченившись, и смотрела на небо. Мы тоже задрали вверх головы. Небо по-прежнему было ясное, но вдали, за крышами домов и верхушками лесных деревьев, клубились, темнели и быстро рассеивались какие-то странные тучи.

— Пожар, — не оборачиваясь, сказала Доня.

И тут же огненный столб пламени словно выстрелил в эти тучи. Пронзил их и снова погас. Мы бросились к воротам. Там запах гари уже чувствовался вовсю. Но никто из танцующих этого не замечал.

— Выключи музыку, — сказала Жанна Пантелею, — там что-то горит.

Он посмотрел в ту сторону, куда она показала рукой, выключил магнитофон, и тут все сразу услышали голоса людей. Они доносились с разных сторон, нарастая и утихая, видимо, люди бежали к тому месту, где недавно выстрелил огненный столб. Когда и мы с Жанной бросились следом за ними, этот огненный столб уже не пропадал, а набирал силу и расплывался по небу вместе с клубами черного дыма.

Широкая просска, по которой мы недавно шли с Сережей, наверно, никогда не была такой многолюдной. Люди неслись по ней, обгоняя друг друга. Там,

впереди, за высоким зеленым забором горело владение отца Артема. То, что и сам зеленый забор пыласт, я почему-то себе представить не могла, как и то, что нас близко к этому месту не подпустят. Высокие парни в камуфляжной форме перегородили дорогу.

— Граждане, немедленно назад! Просим пока по-хорошему, быстренько покинуть опасную зону!

Толпа отпрянула назад, а нас с Жанной вынесло вперед. И тут появились двое мужчин и стали спрашивать, знает ли кто-нибудь что-нибудь об этом доме, бывал ли здесь раньше. Жанне нечего было сказать, а я была бы не я, если бы тут же не откликнулась:

— Я этот дом знаю!

Жанна схватила меня за руку, но было уже поздно. Мужчины отвели меня в сторону и стали расспрашивать, когда я здесь была и с кем, кого видела. Больше всего их заинтересовал тот охранник или сторож, который стрелял нам вдогонку.

— Вы уверены, что он был пьян? Почему у вас сложилось такое мнение?

— Ну лицо у него было опухшее и говорил так, как говорят пьяные.

— Что он говорил?

Этого я вспомнить не могла. И тут, словно мне на подмогу, охрана пропустила через свое ограждение еще двоих желающих дать показания. Мужчину и женщину. Я поняла, что они друг с другом незнакомы, потому что утверждали нечто противоположное.

— Он сам этот свой дворец поджег, — заявила женщина, — он понял, что его вывели на чистую воду, и

стал уничтожать улики. Вот то, что сейчас там горит, — это улика...

— Как он мог поджечь, — перебил ее подошедший с ней мужчина, — если он уже третий день как арестован? У него железное алиби.

— Как фамилия того, о ком вы говорите? — спросил тот, что записывал.

И тут на этих добровольных свидетелей напал столбняк. Выскочили смельчаки, отметились правдолюбцы, а вот произнести вслух фамилию пороха не хватило.

— Осипов, — сказала я.

— Правильно, — подтвердил тот, что записывал. — И впредь говори всегда то, что знаешь.

Момент был неподходящий, а то бы я ему ответила: люди вообще много знают и есть им что сказать, только слушают их не всегда, а лишь если где-то что-то загорелось.

Когда мы с Жанной брели в поредевшей толпе обратно, пожар за нашей спиной уже утихал. Там орудовали пожарные, пламя еще вспыхивало в клубах черного дыма, но это были его последние сполохи.

— Знаешь, что я сейчас узнала, — сказала я Жанне, — отец Артема, оказывается, арестован. Но не все об этом знают, поэтому ходят слухи, что он сам поджег этот свой дом.

— Я в толпе слышала другое. Будто у него там хранились бочки с бензином, они и вспыхнули. А у тебя точные сведения, что его арестовали?

— Точно никто ничего не знает, — ответила я, — поэтому и ходят следователи, опрашивают людей. А

когда докопаются до правды, то тоже никому ничего не объявят. Им, наверно, не положено ничего такого объявлять. По телевизору только и слышишь — тайна следствия, тайна следствия...

— А у тебя есть какая-нибудь своя версия, кто мог поджечь этот дом? — спросила Жанна.

— У меня не версия, а твердая уверенность — это алкаш-охранник в бензин не в бензин, но во что-то огнеопасное сунул свою сигарету. И может быть, даже сам погиб, и теперь о причине пожара никто не узнает.

— Тебе его жалко?

— Конечно, жалко. Всех несчастных людей жалко.

Я произнесла эти слова и задумалась: на самом ли деле мне его жалко? Опухший, озверевший, он же стрелял в нас. Мог убить. И еще кого-нибудь лишить жизни. И все-таки его жаль. Ведь когда-то был мальчиком, мечтал вырасти, стать большим. Не для такой же участи.

— Этот дом все равно бы сгорел, — сказала Жанна. — Помнишь, Адочка говорила, что преступник всегда получает свое. Даже если ему удастся каким-нибудь образом увернуться от суда.

Я вспомнила: Адочка действительно говорила о том, что ни одно преступление не останется безнаказанным. Даже если суд ошибется, оправдает виновного, само преступление в какой-то час схватит его и накажет.

— Но этот дом не сам сгорел, кто-то его все-таки поджег. Сам бы по себе он никогда не загорелся, — возразила я, — если бы не было пьяного охранника, не было бы и пожара.

— Дом все равно бы сгорел, — упорно стояла на своем Жанна, — тогда бы его подожгла молния.

Мы шли какое-то время молча, и вдруг Жанна засмеялась.

— Ты что? — спросила я.

— Стулья вспомнила. Если Осипова действительно арестовали... а тут еще этот пожар... в общем, начнут проверять все его дома и домишки. А куда же подевались стулья с этой развалюхи-дачи? А их, наверное, прибрали к рукам его сообщники. Ну что ж, будем искать.

Мне все это смешным не казалось. Хорошо, конечно, что мы не связались с этими стульями, но еще лучше было бы, если бы ни об Осипове, ни о той даче мы вообще ничего не знали.

— Жанна, а тебе не кажется, что человеку не обязательно знать о тех несчастьях, преступлениях, которые его лично не касаются?

Жанна задумалась.

— То есть как это не знать? Закрыть глаза, заткнуть уши? С Наташей произошло несчастье, а мы говорим: это не лично с нами, это нас не касается. Так?

— Нет, не так. Я не об этом. Вот тебе хотелось бы знать о всех преступлениях Осипова и какое ему за них наказание будет?

— Конечно, — Жанна произнесла это слово с вызовом.

— А мне нет. Знаешь, сколько таких Осиповых? Обо всех думать — весь мир черной тучей накроется.

— Не накроется. Честных людей больше, чем осиповых. И хватит умничать.

Я не умничала. Я действительно хотела бы отодвинуть от себя все преступления, все злодейства, какие только есть на земле. Если я не могу ничего исправить, зачем мне мучиться от бессилия? Я не сказала этого Жанне. Мне был известен ее ответ: один человек ничего не сделает, надо всем стараться. У меня был когда-то другой план спасения человечества. Никаких усилий для его выполнения не требовалось. Люди не любят что-то делать даже во благо самих себя, и я предлагала им просто ничего не делать плохого. Не делать никаких пакостей — это же так легко. Сейчас мне смешно и даже немного стыдно за мою наивность. До всего человечества не докричишься, даже один человек, который рядом, не всегда тебя слышит.

— Мы с тобой поменялись ролями, — сказала я Жанне, — раньше ты меня обо всем спрашивала, а теперь я тебя.

— Мы с тобой обе этим летом очень изменились, — ответила Жанна, — хотя, возможно, в глазах Юры мы все те же «дачные маргаритки».

18

Завтра в школу. Я волнуюсь, перед каждым первым учебным днем я замираю и трепещу от радости. Это, пожалуй, единственный в нашей школьной жизни день радости. Все ликуют, все ссоры забыты, а если не забыты, то уже как бы не считаются. Моя соседка-подруга Зоя, которая учится в другой школе, этого не понимает. У них как разделился класс несколько лет назад на две враждующие половины, так они и тарашатся с презрением друг на друга без всякой передышки. И еще они в первый день не учатся: моют окна и пол в классе, а потом их посылают убирать двор. Это так у них развивают чувство любви к школе. Нас же сразу запрягают в учебу. Входит учительница и прямо от дверей объявляет: программа в этом году очень плотная, так что не будем терять времени. И пошла писать губерния: хорошо еще, что сил поднакопилось за лето. Но чтобы мы уж окончательно поняли, что наши золотые летние денечки

кончились, последние два урока мы пишем сочинение. Пишем о том, что это были за денечки, что мы узнали, чему научились, какую пользу извлекли для себя из неохватченного школьной программой летнего времени. Все пишут приблизительно одно и то же, только география разная — дача, море или бабушкина деревня. Две с половиной тетрадных странички и последняя точка или в редких случаях восклицательный знак: «То-то было весело, то-то хорошо!»

Завтрашнее сочинение не омрачает мою радость. Я уже не та простодушная пятиклассница, которая однажды доверчиво откликнулась на заголовок сочинения: «Поступок, которым я горжусь». Это сочинение мы писали зимой, но я в нем поведала об одном летнем случае. Как на даче вступилась за маленького мальчика Рому и никто мой благородный поступок не оценил. А дело было так. В то лето наша хозяйка переселилась жить в сарай, а весь свой дом сдала дачникам. Среди этих дачников было два мальчика — одному десять лет, другому четыре. И вот тот, которому десять, очень по-подлому мучил малыша. Якобы играл с ним в догонялки, а на самом деле травил его как зайца: гонялся за ним до тех пор, пока тот не становился багровым и не валялся на землю. Тогда этот большой оборачивал пальцы лопухом, срывал стебель крапивы и бил им малыша по ногам. И тот опять бежал и опять падал. Маленький не жаловался матери, он был одинок и радовался, что хоть таким подлым образом большой мальчик играет с ним. Вступилась за него я. Набросилась на мучителя и загнала его в заросли крапивы. Закончила я свое сочине-

ние такими словами: «Этим своим поступком я очень горжусь».

За сочинение я получила двойку. И не только потому, что налепила в нем ошибок. Самой большой ошибкой, как объяснила мне учительница, была моя жестокость. Я действовала тем же методом, что и мучитель. А мне надо было действовать благородно: объяснить ему, убедить, что обижать маленьких некрасиво.

Теперь я знаю, что и как надо писать в этих сочинениях. Завтра напишу про грибы в лесу, про озеро, у которого один берег высокий и хорошо с него прыгать в воду, про красивый городок Березку, в котором есть настоящий маленький зверинец. Напишу о своих друзьях: Жанне, Женьке, Сереже, даже о Юре. Хотелось бы, конечно, вернуть хоть пару строчек про Пантелея, чтобы наши классные «газели» взвизгнули от зависти: ой, она общалась летом с самим Пантелеем, но воздержусь. Не мне украшать себя чужими заслугами. Это Жанне на роду написано быть внучкой знаменитого академика и свояченицей телезвезды. Впрочем, она отнесется к этому очень спокойно.

В общем, завтрашнее сочинение меня мало волнует. Волнуюсь я совсем по другому поводу. Ну, во-первых, как уже сказала, от предстоящей встречи с одноклассниками, а во-вторых... Тут надо объяснить. Люди, как водится, взрослеют на год в день своего рождения, а я — первого сентября. Именно в этот день я чувствую себя на год старше.

Многие меняются за лето: кто подрос, кто похудел, кто потолстел, но в основном все такие же беспечные

и сумасбродные «детки в школьной клетке». А мне бы хотелось, чтобы в этот день все по-взрослому, с доверием глядели друг на друга и каждый бы рассказал о том, что было с ним летом. О том, о чем не расскажешь ни в каком сочинении.

Я рассказала бы о Наташе и Николе. И пусть бы мне потом задавали вопросы: а все-таки поняла ли Наташа свою вину или считает себя только жертвой? А Никола — что-то ты уж очень о нем туманно — любит он тебя или нет? На все эти вопросы я бы честно отвечала: не знаю. Знаю, что отец Артема арестован, что Никола работает в милиции, знаю даже то, что Зинаида Воробьева поступила в театральный институт. А вот о том, что сейчас на душе у Наташи, любит или не любит меня Никола — не знаю. И тут они начали бы со мной спорить: да как же так? О любви ничего знать и не надо, если она есть — ее чувствуют. Я выдержала бы их напор, ответила бы спокойно, подарила бы им одну из истин, которую обрела недавно: все хорошее совершается медленно, хотя хотелось бы все знать сразу и точно. Но я не спешу, у меня есть время — ведь будет же еще лето.

Но такой разговор невозможен даже с Зойкой. Она человек решительный: или да, или нет — ничего среднего не признает. Вчера мы с ней вышли прогуляться в ближайший сквер. Идем, разговариваем, и вдруг на встречу нам пацан. Наш ровесник или чуть моложе. Идет, грудь вперед, а на майке крупными черными буквами: «Я — дурак». Зойка взорвалась: «Сейчас пойду к этому недоумку и скажу ему все, чего он не

знает». Я схватила ее за руку: охолопи. Мы остановились, потом оглянулись: сзади на майке теми же буквами было выписано: «И ты — тоже». Мне стало весело. Нет, дорогой, ты не дурак, ты просто решил испытать свою отвагу и смелость. А как же еще испытасшь в четырнадцать лет? Не прыгать же с Эйфелевой башни. Она в Париже, а он, родной, здесь.

Мы с Зойкой развернулись и пошли за ним. Мальчишке, наверное, казалось, что он вот так лаконично и бесшабашно рассказал о себе все. А на самом деле рассказывали о себе очень многое встречающие люди. Одни улыбались — мы умные, добрые, мы в твои годы тоже были почти такими. Злые морщили свои и без того некрасивые лица: ах, паршивец, выпороть бы тебя, надо же, как вас всех распустили. Возможно, что умные, оглянувшись и прочитав «и ты — тоже», понимали, что мальчишка хамит, но понимали они и другое: он скоро вырастет, это, может быть, его последний полет из детства.

Зойка тоже что-то поняла. Вдруг спросила:

— А если бы тебе пришлось выйти в такой маске, что бы ты на ней написала?

Вопрос не застал меня врасплох. Я знала что. Каникулы кончились, впереди длинные осень и зима, и на моей маске было бы: «Я жду лета». А для тех, кто оглянется мне вслед: «И ты жди тоже».

ЛЮБИМЫЕ КНИГИ ДЕВОЧЕК

ДЛЯ СРЕДНЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Римма Михайловна Коваленко

ТАКОЕ СТРАННОЕ ЛЕТО

Редактор *С. А. Бессонова*
Технический редактор *Н. В. Сидорова*
Корректор *Е. П. Новикова*

ООО «Издательство «Олимп»
Изд. лиц. ИД № 04546 от 16.04.2001
129085, Москва, пр. Ольминского, д. 3а, стр. 3
E-mail: olimpus@dol.ru

ООО «Издательство АСТ»
Изд. лиц. ИД № 02694 от 30.08.2000
674460, Читинская обл., Агинский р-н,
п. Агинское, ул. Базара Ринчино, д. 84
www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 10.01.01.
РБ, 220013, Минск, ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 10 000 названий книг** самых разных видов и жанров. Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов. В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Книги издательской группы АСТ вы можете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших **фирменных магазинах:**

В Москве:

- Звездный бульвар, д. 21, 1 этаж, тел. 232-19-05
- ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- ул. Арбат, д. 12, тел. 291-61-01
- ул. Луганская, д. 7, тел. 322-28-22
- ул. 2-я Владимирская, д. 52/2, тел. 306-18-97, 306-18-98
- Большой Факельный пер., д. 3, тел. 911-21-07
- Волгоградский проспект, д. 132, тел. 172-18-97
- Самаркандский бульвар, д. 17, тел. 372-40-01

мелкооптовые магазины

- 3-й Автозаводский пр-д, д. 4, тел. 275-37-42
- ул. Плеханова, д. 22, тел. 368-10-10
- Кутузовский проспект, д. 31, тел. 240-44-54, 249-86-60

В Санкт-Петербурге:

- проспект Просвещения, д. 76, тел. (812) 591-16-81
(магазин «Книжный дом»)
- ул. Некрасова, д. 56, тел. (812) 279-37-51

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7 этаж.

Справки по телефону (095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Издательская группа АСТ представляет

Серия «1000»

**1000 ВОПРОСОВ, 1000 ФАКТОВ,
1000 РЕКОРДОВ...**

Новая серия книг адресована всем любителям необычного, невероятного, непознанного, загадочного. Возьмите в руки любую из этих книг, и она откроет перед вами 1000 новых граней мира, в котором мы живем, с его чудесами и парадоксами, катастрофами и рекордными достижениями.

Эта великолепная коллекция всего самого удивительного на свете — отличный подарок и взрослому эрудиту, и маленькому почемучке.

- «1000 вопросов обо всем на свете»
- «1000 необъяснимых феноменов»
- «1000 тайн планеты Земля»
- «1000 катастроф»
- «1000 поразительных фактов»
- «1000 рекордов»
- «1000 чудес мира животных»
- «1000 приключений»
- «1000 детских вопросов»
- «1000 вопросов и ответов»

Серия продолжается!

